

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Березюк Светлана Васильевна

**МУЗЫКАЛЬНАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ КУЛЬТУРА
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И
СОВРЕМЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук
профессор Н.П. Копцева

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Музыкальная фольклорная культура как предметная область современной культурологии	21
1.1 Концептуальные подходы к анализу музыкальной культуры	21
1.2 Музыкальный фольклор как объект культурологического анализа	37
Глава 2. Современная информационная среда как фактор этнокультурной идентификации коренных малочисленных народов Сибири (эвенков, долган, селькупов)	53
2.1 Современная информационная среда в контексте культурологических исследований	53
2.2 Формирование информационного образа музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири (эвенков, долган, селькупов)	79
2.3 Современные культурные практики сохранения и воспроизводства музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов	122
Заключение	141
Список литературы	149
Приложения	179

Введение

Актуальность темы исследования связана с необходимостью сохранения уникального культурного наследия – музыкального фольклора коренных малочисленных народов Сибири. Конституция Российской Федерации закрепляет государственные обязательства по сохранению традиционных культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Важнейшей частью традиционной культуры коренных народов является музыкальная фольклорная культура. Музыкальный фольклор коренных малочисленных народов Сибири уникален и нуждается в культурологическом исследовании, поскольку процессы этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов во многом связаны с освоением их культурного наследия. Фольклор позволяет этим народам сохранять свою социальную идентичность. Особую исследовательскую значимость имеет изучение современных возможностей создания информационной среды для коренных народов Сибири. В контексте данного исследования актуальным становится выявление новых социокультурных механизмов сохранения небольших этнических групп в современном культурном пространстве, для которого характерна сложная диалектика глобализации и локализации.

Социокультурное пространство Красноярского края характеризует множество этнокультурных взаимодействий. По данным Всероссийской переписи 2010 года на территории края проживают 159 этнических групп, среди них около пятидесяти тысяч человек относятся к малым самостоятельным этнокультурным группам. Взаимопроникновение, смешение элементов, жанров, стилистических особенностей их этнической культуры образуют собственный своеобразный культурологический пласт, выступающий эмпирической базой для теоретико-культурологических и историко-культурологических исследований. Создание, воспроизводство, трансляция музыкального фольклора, рассматриваемые в контексте данной проблематики, представляют собой непрерывный культурный процесс, в котором каждая

этническая культура через реконструкцию своего исторического прошлого формирует собственную культурную идентичность.

Музыкальная культура коренных малочисленных народов представляет собой многослойную структуру, в которой до сегодняшнего дня сохраняются основные принципы, сформировавшиеся в разные исторические периоды ее становления.

В последнее десятилетие наблюдается повышенный интерес к изучению первичных форм культурных традиций коренных малочисленных народов Сибири. Помимо сугубо научного интереса сами представители коренных малочисленных народов Сибири через создание и деятельность творческих коллективов и композиторских сочинений, включающих в себя традиционные интонации и музыкальные фрагменты, транслируют произведения национального музыкального творчества как неотъемлемый элемент своей современной культуры.

Раскрытие культурных особенностей создания, воспроизводства и трансляции музыкального фольклора коренных малочисленных народов Сибири в контексте изучения процессов культурной идентификации и самоидентификации, а также дальнейшее проецирование результатов данного диссертационного исследования в научной сфере определило его актуальность.

Степень научной разработанности темы исследования

Современная культура, включающая музыкальный фольклор как базовый элемент, представляет собой разнообразие вариантов фольклорных материалов: от точного цитирования до стилизации под фольклор. Сибирские регионы в силу исторических особенностей своего формирования – это культурное пространство, где переплетаются традиции Севера и Юга, Урала и Поволжья. На формирование музыкального материала и фольклорных текстов культурных групп сибирских регионов огромное влияние оказали климатические условия. Изучение социокультурных особенностей музыкального

фольклоризма можно встретить в работах отечественных ученых Н. М. Ядринцева¹; Ю. И. Шейкина.²

Эмпирический материал для культурологического исследования – нотные записи фольклорных мелодий были опубликованы в академических трудах И. Г. Гмелина³ и С. П. Крашенникова.⁴ Первые публикации, связанные с культурным исследованием музыкального фольклора сибирских этнокультурных групп, представлены в работах А. Ф. Миддендорфа.⁵ Музыкаведческие исследования фольклора, которые также выступают предметом критического анализа для теории и истории культуры, начинают появляться только в XX веке. Работы, связанные с изучением фонограмм и письменного материала отражены в трудах Б. М. Добровольского⁶, Е. В. Гиппиуса⁷, В. Н. Холоповой⁸ и др.

Основа музыкальной культуры – песенное творчество коренных малочисленных народов – нашло отражение в трудах этнографов, фольклористов, музыковедов, филологов Р. К. Маака⁹, А. Ф. Анисимова¹⁰, А. Юсфин¹¹, В. Стешенко-Куфтиной¹², М. Г. Харлап¹³, М. Г. Воскобойникова¹⁴, К. А. Нови-

¹Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом положении. – Новосибирск, 2003

²Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. Под общ. ред. Е.С.Новик; Нотография Т.И. Игнатъевой. –Москва.: Вост. лит, 2002. –718 с.

³Гмелин И. Г. Путешествие по Сибири: в 4 т. – Геттинген, 1751.

⁴Крашенников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. – Москва, 1949. – 810 с.

⁵Миддендорф А.Ф.Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. – СПб.: Типография Императорской Академии наук. — Ч. 1, отд. 1: География и гидрография. — 1860), Серошевского В.Л. [1869], Руднева А.В. [1913-1914], Шренк Л.И. [1909].

⁶Добровольский Б. М. Исторические песни XIII-XVI вв. – Москва, 1960.

⁷Гиппиус, Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современного фольклора. – Ленинград, 1981. – 215 с.

⁸Холопова, В. Н. Мелодика / В.Н. Холопова. – Москва, 1984. – 89 с.

⁹Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области. – 1-е изд. – Санкт-Петербург, 1887. – Ч.3. – 192 с.

¹⁰Анисимов А. Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. Ленинград: Наука, 1969. – 148 с.

¹¹Юсфин А. Об исследовании музыки народов Сибири и Дальнего Востока // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. – Москва, 1973.

¹²Стешенко-Куфтина В. Н. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // Этнография. – Москва, 1936.

¹³Харлап М. Г. Ритм и метр в музыке устной традиции. – Москва: Музыка, 1986. – 104 с.

¹⁴Воскобойников М. Г. Эвенкийский фольклор. – Ленинград: Учпедгиз, 1960. – 339 с.

ковой¹⁵, У. Г. Поповой¹⁶, Мазепус В. В.¹⁷, Т. Т. Стручкова¹⁸, Г. Г. Поротова¹⁹, А. М. Мыреевой²⁰, Ю. И. Шейкина²¹ и др.

Работы, связанные с собственными полевыми информационными сборами представлены в исследованиях Е. С. Новик²², Е. Н. Широгородовой²³, В. И. Анучина²⁴, В. Г. Богораз²⁵, Е. Д. Прокофьевой²⁶, Я. Ниemi²⁷ др.

Исследование культурной идентичности северных этнокультурных групп исследуется в работе И. В. Власова²⁸, в которой автор рассматривает этническую и культурную историю Русского Севера.

Комплексное исследование музыкальной культуры в контексте музыкально-обрядовых жанров, архаичных песен и традиционного инструментария можно встретить в трудах Ж.К. Лебедевой²⁹, Г. М. Василевич³⁰, Е. А. Алексеенко³¹, В. А. Аврорина³², А. М. Золоторева.³³

¹⁵ Новикова К. А. Устное творчество эвенков // На Севере Дальнем. – Магадан. – 1957.

¹⁶ Попова У. Г. Пережитки шаманизма у эвенков // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Ленинград, 1981.

¹⁷ Мазепус В. В. Артикуляционный принцип определения тембров при описании этнических интонационных феноменов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. междунар. науч. конф. – Новосибирск, 1995.

¹⁸ Стручков Т. Т. Песни народов Севера. Ленинград: Учпедгиз, 1967.

¹⁹ Поротов Г. Г., Косыгин В. В. Песни Алная. – Петропавловск-Камчатский, 1969. – 40 с.

²⁰ Мыреева А. Н. О запевах эвенкийских сказаний // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1980.

²¹ Шейкин Ю. И., Цеханский В. М., Мазепус В. В. Интонационная культура этноса: (опыт системного рассмотрения) // Культура народностей Севера: Традиции и современность. – Новосибирск, 1986.

²² Новик Е. С. Вербальный компонент промысловых обрядов (на материале сибирских традиций) // Малые формы фольклора. – Москва, 1995.

²³ Широгородова Е.М. Северо-Западная Маньчжурия. Географический очерк по данным маршрутных наблюдений // Уч. зап. Историко-филол. ф-та в г. Владивостоке. 1919.

²⁴ Анучин В. И. Рассказы сибиряка. – Санкт-Петербург., 1899. – 64 с.

²⁵ Богораз В. Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сов. фольклор. – Москва; Ленинград, 1936. – 255 с.

²⁶ Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. – Москва, Ленинград, 1961. – 435 с.

²⁷ Niemi J. The Netes songs – A structural analysis of text and melody. – Tampere. 1988. – 239 p.

²⁸ Власов И. В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – 376 с

²⁹ Лебедева Ж. К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982. – 112 с.

³⁰ Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.

³¹ Алексеенко Е. А. Обряд и фольклор кетов // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. – Ленинград, 1974. – С. 69 – 75.

³² Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору / отв. ред. С. Н. Оненко. – Ленинград, 1986 – 526 с.

³³ Золоторев А. М. Родовой строй и первобытная мифология / отв.ред. Л.А. Файнберг. – Москва: Наука, 1964.

Историко-культурное понимание генезиса музыкальной интонации в фольклоризме можно увидеть в работах Б. О. Асафьева³⁴, Г. Л. Ермаш.³⁵

Исследование музыкального фольклора в историко-культурном контексте имеет определенную отечественную методологическую традицию – эволюционно-исторический подход Ю.В. Бромлея³⁶, историко- и теоретико-методологические работы Л. Н. Гумилева.³⁷ Конструирование этнокультурной идентичности обосновывается в трудах академика РАН В. А. Тишкова³⁸. Этой же проблеме в контексте коренных малочисленных народов Севера и Сибири посвящены работы исследовательской группы Сибирского федерального университета под руководством Н.П. Копцевой³⁹, в том числе: работы Ю.Н. Авдеевой⁴⁰, К.А. Дегтяренко⁴¹, Ю.С. Замараевой⁴², В.И. Кирко⁴³, А.В. Кистовой⁴⁴, М.А. Колесник⁴⁵, Н.М. Лещинской⁴⁶, Н.Н. Пименовой⁴⁷,

³⁴ Асафьев Б. О. народной музыке/Сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. — Ленинград: Музыка, 1987. —248 с.

³⁵ Ермаш Г.Л. Творческая природа искусства. Москва: Просвещение, 1977. — С.28

³⁶ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983. - 418 с.

³⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера. Москва, 1970. — 189 с.

³⁸ Тишкова В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. Москва: Наука, 2003.

³⁹ Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальной трансформации (на материале Красноярского края). Часть 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края. Авторский коллектив под рук. Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2012; Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Авторский коллектив под рук. О.А. Карловой и Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, КГПУ им. Астафьева, 2013; Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Авторский коллектив под рук. Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2018; Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты. Авторский коллектив под рук. Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2020.

⁴⁰ Авдеева Ю.Н. Теоретико-методологические основы социокультурного проектирования // Социодинамика. 2015. № 10. С. 138-149.

⁴¹ Дегтяренко К. А. Актуальное состояние коренных малочисленных народов Севера // Социодинамика. 2015. № 10. С. 39-57.

⁴² Замараева Ю. С. К вопросу о воздействии глобальных трансформаций на коренные народы Севера, компактно проживающих в регионах Российской Федерации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 5-1. С. 113-116.

⁴³ Кирко В. И., Кеуш А. В. Вовлечение коренных малочисленных народов Сибири в инновационные процессы // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 10. С. 233-237.

⁴⁴ Кистова А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации // Специфика этнических миграционных процессов в XX-XXI веках: Опыт и перспективы материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 170-176.

⁴⁵ Колесник М. А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера // Филологические исследования. 2014. № 3. С. 39-59.

⁴⁶ Лещинская Н. М. Этнокультурные исследования энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4. С. 6-19.

⁴⁷ Пименова Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // Человек и культура. 2014. № 2. С. 28-66.

Д.С. Пчелкиной⁴⁸, К.В. Резниковой⁴⁹, А.А. Ситниковой⁵⁰, Е.А. Сертаковой⁵¹, Н.Н. Середкиной⁵², М.Г. Смолиной⁵³, М.Я. Хребтова⁵⁴, В.С. Лузана⁵⁵, А.И. Филько⁵⁶, К.И. Шиманской⁵⁷, А.А. Шпак⁵⁸. Многолетние исследования этнокультурных процессов коренных малочисленных народов Сибири проводит профессор В.П. Кривоногов⁵⁹.

Изучение традиционного музыкального инструментария представлено в научных трудах Ю.И. Шейкина⁶⁰, Г. И. Благодатова⁶¹, Г. Г. Алексеевой⁶², Ф. Ф. Губайдулина⁶³, К. А. Верткова⁶⁴, Э. Э. Язовицкой⁶⁵, С. В. Иванова⁶⁶, М.

⁴⁸Пчелкина Д. С. Историография исследований по теме трансформации идентичности коренных народов Севера // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 304-311.

⁴⁹Резникова К. В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // *Litera*. 2016. № 2. С. 20-34.

⁵⁰Ситникова А. А. Рецензия на книгу «Эвенкия»: Время больших перемен: По материалам эвенкийского архива. Ч.1: Ликвидация безграмотности // *Сибирский антропологический журнал*. 2019. Т. 3. № 2. С. 44-47.

⁵¹Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 999.

⁵²Середкина Н. Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы материалы V Международной научно-практической конференции. 2016. С. 298-302.

⁵³Смолина М. Г. О культурной рефлексии взаимодействия своей и чужой культур // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы материалы V Международной научно-практической конференции. 2016. С. 117-129

⁵⁴Замараева Ю. С., Хребтов М. Я. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. Т. 3. № 3. С. 34-47.

⁵⁵Лузан В. С. Специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов // *Лики культуры в эпоху социальных перемен* Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Под ред. Н.Б. Кирилловой. 2018. С. 165-169.

⁵⁶Филько А. И., Худогова А. Е. Культура энецкого народа: возможно ли возродить язык? // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 200-206.

⁵⁷Шиманская К. И. Историографический обзор коренных исследований за 2014 – 2018 годы // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 259-275.

⁵⁸Авдеева Ю.Н., Шпак А. А. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. Т. 3. № 3. С. 63-80.

⁵⁹Кривоногов В. П. Энци Таймыра: современные этнические процессы // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. Т. 3. № 1. С. 54-71.

⁶⁰Шейкин Ю. И. Музыкальная культура Сибири. Сравнительно-историческое исследование инструментов, звукоподражания и песен: Автореф. дис. ...д-ра искусств. – Санкт-Петербург, 2001. – 47 с

⁶¹Благодатов Г. И. Русская гармоника: Очерк истории инструмента и его роли в русской нар. муз. культуре. – Ленинград: Учгиз, 1960. – 182 с.

⁶²Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Автореф. дис. ...д-ра искусств. – Новосибирск, 2005. – 52 с

⁶³Губайдулин Ф. Ф. Музыкальные инструменты традиционной исполнительской культуры селькупов: этноорнанонологический аспект: Дис. ...канд. искусствовед. – Москва, 2017. – 331 с.

⁶⁴Вертков К. А., Благодатов Г. И., Язовицкая Э. Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. – Москва: Музыка, 1975. – 339 с.

⁶⁵Язовицкая Э. Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР / Э. Язовицкая, К.Вертков, Г. Благодатов; Ред. И. З. Аллендер. – Москва. – 1963. – С. 63 – 64.

Я. Жорницкой⁶⁷, К. А. Новиковой⁶⁸, И. И. Земцовского⁶⁹, М. М. Хасановой⁷⁰, Л. М. Сабуровой.⁷¹

Этнолингвические особенности в области исследования традиционного фольклора малочисленных народов Сибири представлены в трудах В. Д. Колесниковой⁷², В. А. Горцевской⁷³, В. И. Левина⁷⁴, К. А. Новиковой⁷⁵, Р. Ф. Галайской⁷⁶, В. Д. Лебедева⁷⁷, Э. М. Медниковой⁷⁸, А. А. Данилова⁷⁹, А. А. Петрова⁸⁰, Бурькина А. А.⁸¹, Е. В. Нестерова⁸², Н. Я. Булатовой⁸³, Ю. Д. Апресян⁸⁴, Г. М. Василевич⁸⁵, Н. Б. Ватхина⁸⁶, А. А. Даниловой⁸⁷, Г. Н. Ионина⁸⁸, М. И. Исаева⁸⁹, Е. Т. Пушкаревой⁹⁰, В. А. Роббек⁹¹, П. А. Слепцова⁹², А. Е.

⁶⁶ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. – Москва, Ленинград: Из-во АН СССР, 1963. – 500 с.

⁶⁷ Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. – Москва: Наука, 1983. – 152 с.

⁶⁸ Новикова К. А. Эвенский фольклор. – Магадан: Магаданское кн. из-во, 1958. – 116 с.

⁶⁹ Земцовский И. И. Музыка и этногенез // Сов. Этнография. – Москва, 1998.

⁷⁰ Хасанова М. М. Обрядовый фольклор негидальцев // Аборигены Сибири: Тез. Междунар. науч. конф. - Новосибирск, 1995. – С.338 - 341

⁷¹ Сабурова Л. М. Об изучении народных обрядов // Фольклор и этнография. – Ленинград, 1974.

⁷² Колесникова В. Д., Горцевская В. А., Константинова В. А. Сравнительный словарь тунгусо-манчжурских языков. Ленинград: Наука, 1975

⁷³ Горцевская В. А. Очерк истории изучения тунгусо-манчжурских языков. – Ленинград: Учпедгиз, 1959. – 78 с.

⁷⁴ Левин В. И. Краткий эвенкийско-русский словарь. – Москва: Учпедгиз, 1936. – 224 с.

⁷⁵ Новикова К. А. Лексика эвенкийского языка // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980.

⁷⁶ Галайская Р. Ф. Варган у народов Советского Союза: (К вопросу об архаизмах в народном музыкальном инструментарии) // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. – Москва, 1973.

⁷⁷ Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. – Ленинград: Наука, 1978.

⁷⁸ Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. – Москва: Высшая школа, 1974. – 202 с.

⁷⁹ Данилов А. А. Бытовая лексика эвенского языка. – Якутск: ИЯЛИ, 1991. – 114 с.

⁸⁰ Петров А. А. Этнолингвические исследования языков народов Севера в России (к постановке проблемы) // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 19994.

⁸¹ Бурькин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социоллингвистические и собственно лингвистические аспекты (на материале эвенского языка). – Санкт - Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. – 384 с.

⁸² Нестеров Е. В. Образные слова в эвенском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 25 с.

⁸³ Булатова Н. Я. Эвенкийский язык // Красная книга языков народов России: Энцикл. словарь-справочник. – Москва, 1994.

⁸⁴ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.

⁸⁵ Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – Ленинград: Учпедгиз, 1940. – 196 с.

⁸⁶ Ватхин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – Санкт - Петербург., 2001. – 338 с.

⁸⁷ Данилова А. А. Бытовая лексика эвенского языка. – Якутск: ИЯЛИ, 1991. – 114 с.

⁸⁸ Ионин Г. Н. К вопросу об этнофилологии // Этнокультурологические и этнофилологические проблемы образования. – Санкт - Петербург., 1997.

⁸⁹ Исаев М. И. Словарь этнолингвических понятий и терминов. – Москва: Флинта; Наука, 2002. – 200 с.

⁹⁰ Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Москва, 2003. – 47 с.

⁹¹ Роббек В. А., Насилов Д. М. Проблемы сохранения и развития языков народностей Севера на современном этапе // Просвещение на Крайнем Севере: сб. 25. – Санкт-Петербург., 1992.

Супрун⁹³, К.В. Резниковой⁹⁴, Ю.С.Замараевой⁹⁵, М.Г. Смолиной⁹⁶, Н.Н. Середкиной⁹⁷, А.А. Ситниковой⁹⁸, Е.А. Сертаковой⁹⁹, Н.М. Лещинской¹⁰⁰, М.А. Колесник¹⁰¹ и др.

Культурные особенности ладо-ритмической организации традиционных песен коренных малочисленных народов Сибири исследованы в работах Э. Е. Алексеева¹⁰², А. М. Айзенштадта¹⁰³, Т. В. Павловой¹⁰⁴, Ф. А. Рубцова¹⁰⁵, С. П. Галицкой¹⁰⁶, Л. А. Мазель¹⁰⁷, М. Г. Харлап.¹⁰⁸

Теоретико-концептуальное культурологическое исследование особенностей традиционного фольклора малочисленных народов представлено в

⁹² Слепцов П. А. Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное население народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1991.

⁹³ Супрун А. Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики. – Минск, 1975.

⁹⁴ Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4. С. 62-82.

⁹⁵ Замараева Ю. С., Сергеева Н. А., Филько А. И., Стручева Е. С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения эвенкийского языка с 1930 по 2000-е гг. в эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 1. С. 22-53.

⁹⁶ Смолина М. Г. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / М. Г. Смолина; Под ред. Н. П. Копцевой. - Красноярск: СФУ, 2018. - 433 с.

⁹⁷ Середкина Н. Н., Смолина М. Г. Кистова А. В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4. С. 62-82.

⁹⁸ Ситникова А.А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур (обзор научных исследований) // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 3. С. 63-75.

⁹⁹ Либаква Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 2. С. 6-29.

¹⁰⁰ Копцева Н. П., Лещинская Н. М. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири. Электронное издание / Красноярск, 2018.

¹⁰¹ Колесник М. А., Смолина М. Г. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4. С. 41-53.

¹⁰² Алексеев Э.Е. Нотная запись народной музыки: теория и практика. – Москва: Сов. Композитор, 1990. – 168 с.

¹⁰³ Айзенштадт А. М. Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке // Проблема фольклора народов СССР. – Москва, 1973. – 312 с.

¹⁰⁴ Павлова Т. В. Образцы музыкального фольклора эвенов Якутии. – Якутск: Бичик, 1996. – 88 с.

¹⁰⁵ Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. – Москва, Ленинград, 1964.

¹⁰⁶ Галицкая С. П. Теоретические вопросы монодии. – Ташкент, 1981. – 92 с.

¹⁰⁷ Мазель Л. А. Проблемы классической гармонии. – Москва: Музыка, 1972. – 616 с.

¹⁰⁸ Харлап М. Г. Ритм и метр в музыке устной традиции. – Москва: Музыка, 1986. – 104 с.

научных исследованиях Н. П. Копцевой¹⁰⁹, М. А. Колесник¹¹⁰, Ф. С. Донского, В. А. Роббек¹¹¹, А. А. Бурыкина.¹¹²

Корпусный метод исследования культурных особенностей фольклора представляет собой некий инструмент для понятийного представления эмпирического материала – письменной или звучащей речи. Графическая запись корпуса музыкальных текстов выступает моделью для исследования особенностей речевого восприятия внутри конкретного культурного пространства. Подобный метод исследования начал применяться только во второй половине XX века в работах Н. А. Тучковой¹¹³, А. А. Гриневич¹¹⁴, О. А. Казакевич¹¹⁵, Е. Н. Кузьминой¹¹⁶, Д. С. Николаева¹¹⁷ и ряда других ученых.

Современная информационная среда в культурологическом значении понимается в различных аспектах, среди которых для данного диссертационного исследования особую важность приобретает аспект – быть динамичной художественной средой. Она выступает в роли пространства культурной информации и является многоуровневым образованием, состоящим из индивидуальных особенностей каждого ее участника, общественного сознания во всех его проявлениях и средств массовой коммуникации. Исследование культурных особенностей современной информационной среды осуществляли М. Кагель¹¹⁸, Е. А. Мечинаева¹¹⁹, Г. Н. Соснина, П. Н. Гончуков¹²⁰, В. Кей¹²¹,

¹⁰⁹ Копцева Н. П. Результаты теоретических и экспериментальных исследований «Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» в Сибирском федеральном университете // Сибирский федеральный университет. Siberian Federal University – 2013. 6 (5). С. 762-772

¹¹⁰ Колесник М. А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера / М.А. Колесник // *Litera*. - 2014. - № 3. - с. 39-59. 30. Электронная версия: <http://e-notabene.ru/ca/article/13998.html>.

¹¹¹ Ф. С. Донской, В. А. Роббек, Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX и XXI веко: (Краткий обзор). – Якутск: ИПМНС СО РАН, 1997. – 39 с.

¹¹² Бурыкин А. А. Фольклор коренных народов Севера: Осмысление наследия, задачи и перспективы изучения. // *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2016 № 3.

¹¹³ Тучкова Н. А. Корпусный метод в фольклористике и его возможности для этнографических исследований. // *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 2018. 2 (20)

¹¹⁴ Гриневич А. А. Онтология хантыйского корпуса текстов для электронного портала «Фольклор народов Сибири» // *Язык и фольклор коренных народов Сибири*. – 2015. - № 1 (28). – С. 84 - 90

¹¹⁵ Казакевич о. А. Картина мира северных селькупов сквозь призму фольклора // *Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира»*. – Москва, 1997.

¹¹⁶ Кузьмина Е. Н. основные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // *Сибирский филологический журнал*. – 2017. - № 1. С. 5 – 12

¹¹⁷ Николаев Д. С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке 2015 [Электронный ресурс]. URL: vciom/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf (дата обращения 20.02.20).

¹¹⁸ Кагель М. Информационная эпоха общества и культура. –Москва: 2000. – С. 315

К. Шеннон¹²², Н. Винер¹²³, Т. Розак¹²⁴, Н. В. Максимова¹²⁵, Л. А. Пронина¹²⁶,
Э. П. Семенюк¹²⁷, В. И. Вернадский¹²⁸, В. Н. Михайловский¹²⁹, С. Д. Карако-
зов¹³⁰, Е. А. Медведева¹³¹, Л. В. Баева¹³², А. В. Соловьев¹³³, В. А. Довгаль¹³⁴,
А. Н. Колмагоров¹³⁵, П. Ф. Кравчук¹³⁶, Н. Н. Моисеев¹³⁷, Е. А. Сухов¹³⁸, А. В.
Чернов¹³⁹, Х. Д. Лэссвел¹⁴⁰, П. Меркер¹⁴¹, Х. С. Лефф¹⁴², О. Н. Астафьева, А.
Я. Флиер¹⁴³, и др.

Проблема исследования

На основании анализа актуальности и степени изученности темы дис-
сертационного исследования выявлена следующая научная проблема: совре-

¹¹⁹ Мечинаева, Е.А. Основы информационной культуры // СОЦИС.-1994.-№11.-С.59

¹²⁰ Соснина, Г.Н., Гончуков, П.Н. Словарь трактовки понятий «информация». – Москва 1997. – С.48

¹²¹ Key, W. B. Subliminal seduction. A media`smanipulation of not so innocent America. – New York., 1973.

¹²² Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетики. Москва: Издательство иностранной литерату-
ры, 1963. – 830 с.

¹²³ Винер Н. Кибернетика и общество. Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. – 201 с.

¹²⁴ Roszak Th. The Cult of information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking. New. York: Pan-
theon Book, 1986. P. 87 – 107

¹²⁵ Максимов Н. В. Информационная среда науки и образования: от информационного обслуживания к рас-
пределенной системе управления знаниями // Информационное общество. 2009. Вып. 6. С. 58-67

¹²⁶ Пронина Л. А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека // Наука. Москва,
2005.

¹²⁷ Семенюк Э. П. Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ Сер.1 Орг. И мето-
дика информ. Работы. – 1994. - № 1. – С. 1-8.

¹²⁸ Вернадский В.И. Биосфера и инфосфера. – Москва: 1989.

¹²⁹ Михайловский В.Н. Формирование научной картины мира. – Москва: 2006.

¹³⁰ Каракозов С.Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности [Текст] // Педа-
гогическая информатика. – 2015.

¹³¹ Медведева, Е.А. Основы информационной культуры [Текст] // Социс. – 2013. – №11. – С.59-67

¹³² Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей /Л.В. Баева . – Астрахань,
2008. – 234 с.

¹³³ Соловьев, А. В. Культурная динамика информационного общества : от пост- к протокультуре : дис. ... д-
ра филос. наук : 24.00.01 / Соловьев Александр Васильевич; С.-Петербург, 2009 – 358 с.:

¹³⁴ Довгаль В. А. информационные технологии в системе социализации личности / В. А. Довгаль // Вестник
Адыгейского государственного университета. – 2008. - № 8. С. 121 – 128.

¹³⁵ Колмагоров А. Н. Теория информации и теория алгоритмов / А. Н. Колмагоров. – Москва: Наука, 1987. –
304 с.

¹³⁶ Кравчук П. Ф. информатизация общества как условие самосовершенствования общества личности / Изве-
стия Курск, гос. техн. ун-та. – 2002. - № 1. – С. 241 – 253.

¹³⁷ Моисеев Н. Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н. Н. Моисеев // Информац-
ионное общество. – Москва: АСТ, 2004. – 429 с.

¹³⁸ Сухов Е. А. Информационное общество как новое общество / Е. А. Сухов // Теория и практика обще-
ственного развития. – Москва: ХОРС. – 2011. - № 7. – С. 101-103

¹³⁹ Чернов А. В. среда обитания человека как социокультурный феномен: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13
/ Андрей Владимирович Чернов. – Екатеринбург, 2009. – 176 с.

¹⁴⁰ Lasswel H. D. The Structure and Functions of Communication in Society / H. D. Lasswel . – New York: Harper &
Bros. – 1948.

¹⁴¹ Neun Aufgaben der deutschen Literaturgeschichte. Die Socialischen Metode. – Leipzig und Berlin. 1921.

¹⁴² Leff H. S. Maxwell`s Demon: Entropy, Information, Computing / H. S. Leff, A.F. Rex. Princeton. – 1990.

¹⁴³ Астафьева О.Н., Флиер А. Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды //
Культурологический журнал. – 2013.

менное культурное пространство является многослойным, полисодержательным, включает в себя множество форм, процессов, векторов. Закономерности динамики современного культурного пространства связаны с функционированием его различных элементов, среди которых важное место занимают культурные пространства различных этнокультурных групп. В свою очередь, эти этнокультурные группы активно включены в процессы культурной идентификации и самоидентификации по уникальным форматам и содержаниям. Этот противоречивый процесс требует серьезного культурологического научного анализа. Одним из основополагающих культурных элементов, участвующих в воспроизводстве культурной идентичности, культурной памяти, создания культурного наследия является фольклор. Несмотря на общепризнанную роль фольклора в процессах этнокультурной идентификации и самоидентификации культурологический анализ для отдельных этнокультурных групп еще только начинается.

В связи с широким спектром методологических подходов к культурологическому исследованию музыкального фольклора, особенностей фольклора для этнокультурных групп коренных малочисленных народов Сибири необходимо его *комплексное* изучение, характерное для теории и истории культуры (в отличие от музыковедения, где музыкальный фольклор изучается с помощью конкретных музыковедческих методов).

Объектом диссертационного исследования являются способы сохранения и распространения музыкального фольклора в современной информационной среде как современная технология этнокультурной идентификации.

Предметом диссертационного исследования выступает музыкальная фольклорная культура коренных малочисленных народов Сибири (эвенков, долган, селькупов).

Цель исследования – выявить закономерности конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири на основе анализа способов сохранения и распространения музыкального фольклора в современной информационной среде.

Достижение поставленной цели связано с выполнением поставленных **задач:**

- 1) определить гранд-теории, методологические и методические подходы для исследования технологий и механизмов конструирования этнической идентичности;
- 2) провести эмпирическое исследования культуры коренных малочисленных народов Сибири в Красноярском крае;
- 3) выявить особенности музыкального фольклора коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Красноярского края;
- 4) уточнить содержание понятия «современная информационная среда» в контексте сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири
- 5) создать и апробировать элементы научной модели конструирования этнической идентичности коренных малочисленных народов в современной информационной среде с помощью сохранения и распространения музыкального фольклора.

Теоретико-методологическими основаниями для проведения комплексного исследования основополагающими стали культурологические теории, представленные учеными, отстаивающими позицию культурного пространства как сложного организма, состоящего из множества конкретных культур различных социальных групп: И.Г. Гердера¹⁴⁴, Ф.В.Й. Шеллинга¹⁴⁵, Г. Риккерта,¹⁴⁶ В. Дильтея¹⁴⁷, В. Виндельбанда¹⁴⁸, Ф. Боаса¹⁴⁹, М. Мид¹⁵⁰, Р. Бенедикт¹⁵¹, Э. Сепира¹⁵², Л.Н. Гумилева¹⁵³, В.А. Тишкова¹⁵⁴, В.А. Куренного¹⁵⁵, С.В. Лурье¹⁵⁶ и ряда других.

¹⁴⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Москва, 1977

¹⁴⁵ Шеллинг Ф. В. Й. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. Москва: Наука, 1988.

¹⁴⁶ Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Москва, 1998.

¹⁴⁷ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. Москва, 2004.

¹⁴⁸ Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Т. 1. От Возрождения до Просвещения - Москва: Кучково поле, 2007.

¹⁴⁹ Boas F. Some philological aspects of anthropological research // Science. – Wach, 1911.

¹⁵⁰ Мид М. Культура и мир детства. – Москва: Наука, 1988.

¹⁵¹ Бенедикт Р. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. – Москва: Университетская книга, 1997.

¹⁵² Sapir E. Anthropology and sociology // The social sciences and their interrelations. – Boston, 1927.

Теория и методология конструктивистского подхода к изучению культурных процессов использовалась в опоре на работы Ф.Барта¹⁵⁷, Б. Андерсона¹⁵⁸, П. Бурдьё¹⁵⁹, Э. Геллнера¹⁶⁰, Э. Хосбаума¹⁶¹, В.А. Тишкова¹⁶².

Для культурологического анализа фольклора методологической основой послужили труды отечественной школы В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского.

На протяжении всего исследования необходимо использовались общенаучные логические методы познания, такие как: анализ, синтез, индукция, дедукция, экстраполяция. Для понимания закономерностей динамики культурного пространства коренных народов использовался сравнительно-исторический метод. При рассмотрении культуuroобразующих функций музыкального фольклора в контексте современной информационной среды использовались метод структурного и функционального анализа.

Эмпирическую базу исследования составил фактологический материал ученых, этнографов и фольклористов XX – XXI вв. и фонетический материал, переданный автору научными сотрудниками Санкт-Петербургского фонограммархива Пушкинского дома, за что им выражается глубокая благодарность.

Таким образом, теоретико-методологическая основа исследования характеризуется единством философско-культурологических подходов, срав-

¹⁵³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград, 1989.

¹⁵⁴ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 544 с.

¹⁵⁵ Куренной В. А. Межкультурный трансфер знания: случай «Логоса» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 год / Под общ. ред.: М. Колеров, Н. Плотников. – Москва: Регнум, 2012.

¹⁵⁶ Лурье С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – Москва: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с

¹⁵⁷ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Сб. ст. Москва: Новое издательство, 2006

¹⁵⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН –Пресс. Ц, Кучково поле, 2001.

¹⁵⁹ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. – Москва: Socio, Logos, 1994.

¹⁶⁰ Геллнер Р. Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. – Москва: Московская школа политических исследований, 2002.

¹⁶¹ Хосбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. Москва: Издательство Corpus, 2017.

¹⁶² Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.

нительно-исторических, системно-универсальных и эмпирических принципов.

Основные результаты и научная новизна диссертационного исследования

1. В ходе диссертационного исследования были определены культурологические гранд-теории, способствующие комплексному исследованию заявленной темы. При помощи корпусного метода анализа текстов музыкальной культуры, адаптированного для теории и истории культуры, были классифицированы основные формы музыкальных произведений, характерные для культурной идентификации этнокультурных групп коренных малочисленных народов. Уточнен перечень механизмов конструирования этнической идентичности, а также предложен ряд способов сохранения и развития традиционной музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Красноярского края.

2. На основании проведенного анализа фонетических материалов полевых исследований в Красноярском крае проведено культурологическое исследование произведений архаичной фольклорной музыкальной культуры, сделано сравнение с современными формами музыкальной фольклорной культуры.

3. В результате культурологического анализа музыкального фольклора коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края, выявлены их характерные особенности, характеризующиеся самоопределенностью, самобытностью, обособленностью, разножанровостью, звукоподражательностью.

4. В контексте практикоориентированной культурной задачи сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири, созданы новые элементы культурологической научной модели для понимания современной информационной среды, способствующей сохранению и распространению произведений фольклорной музыкальной культуры. Предложенные авторские элементы научной модели были

апробирована на анализе произведений музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Красноярского края. Тем самым были расширены возможности культурологического анализа произведений музыкальной культуры в целом.

5. Зафиксированы некоторые тенденции в культурных практиках, применяемых в настоящее время для этнокультурной идентификации и самоидентификации эвенков, долган и селькупов, связанные с активной медиатизацией музыкальной культуры этих этнокультурных групп, в том числе, музыкальной фольклорной культуры. Современная информационная среда предоставляет новые возможности этой медиатизации: активно используются социальные сети, создаются новые веб-сайты, музыкальная культура коренных малочисленных народов Сибири динамично приобретает цифровую форму, оставаясь при этом базой для этнокультурной идентификации и самоидентификации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1) Проведен культурологический анализ ряда произведений музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири, конкретные музыкальные произведения были проанализированы впервые;

2) Уточнены элементы научной модели для характеристики современной информационной среды, способствующей сохранению произведений музыкальной культуры, участвующих в процессах культурной идентификации определенных этнокультурных групп, предложены актуальные способы и методы сохранения и распространения традиционной музыкальной культуры малочисленных народов Сибири;

3) Проведено комплексное культурологическое исследование традиционного и современного музыкального фольклора в контексте проблематики механизмов конструирования культурной идентичности;

4) Проанализированы формы медиатизации музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов, выявлены тенденции данной медиатизации в современной информационной среде;

5) Сделаны рекомендации для развития современной информационной среды, позволяющей сохранять и воспроизводить значимые элементы культуры коренных малочисленных народов Сибири.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Культурологическое исследование музыкального фольклора позволяет определить его ценностно-смысловое значение в формировании социокультурного и символического пространства. Методические и методологические исследования данного феномена помогают уточнить научную модель механизмов конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири.

2. Совокупность произведений музыкальной фольклорной культуры, являясь пространством передачи и актуализации культурных смыслов, исследуемых этнокультурных групп, становится одним из основных механизмов в формировании современного этнокультурного пространства, а также способом самоидентификации данных культурных групп. Эмпирическое культурологическое исследование музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири позволило выявить базисные ценности, отражающие мировоззрение исследуемого феномена и их социокультурную уникальность.

3. Теоретическое исследование понятия «современная информационная среда» в трудах зарубежных и отечественных ученых позволило конкретизировать актуальные способы культурного воспроизводства и сохранения культурной памяти коренных малочисленных народов Сибири.

4. Современная информационная среда создает новые культурные практики для процессов этнокультурной идентификации и самоидентификации эвенков, долган и селькупов (данные этнокультурные группы выступили

репрезентантами коренных малочисленных народов Сибири). Представители этих этнокультурных групп активно используют эти возможности для сохранения, воспроизводства и трансляции произведений музыкального фольклора как основы для своей исторической и культурной памяти.

5. Уточненная научная модель конструирования культурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири позволила дополнить особенности культурологических исследований данного явления, а также обозначить их культурную и историческую ценность. Произведения музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири можно рассматриваться как базу для создания современной информационной среды как целенаправленного культурного пространства, способствующего сохранению, воспроизводству и трансляции культурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования определяется комплексным культурологическим исследованием коренных малочисленных народов Сибири. Уточнены важные культурологические понятия и принципы: этнокультурная группа, культурная идентификация, культурная самоидентификация, современная информационная среда в контексте культурного пространства и механизмов конструирования культурной идентичности. Конкретизированы понятия музыкальной культуры, фольклорной музыкальной культуры.

Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях для преподавания таких дисциплин как «История культуры», «Теория культуры», «Культурная антропология», «Культура коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Примененные для теоретического анализа концепции и методологические подходы в области теории и истории культуры могут быть использованы в исследованиях, имеющих схожую научную проблематику.

Апробация результатов исследования

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета и входе работы учебно-научно-методического семинара «Теория и практика прикладных культурных исследований». Основные результаты были представлены и обсуждены на IX Международной научной конференции (XIII Всероссийской) молодых ученых. «Искусство глазами молодых» (2018 г.); в 3-ей Международной научной конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы» (2019 г); в XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспективы – 2020», посвященной Году памяти и славы (75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов), в секции «Теория и практика прикладных культурных исследований (2020 г.).

Результаты исследования также представлены в работе в качестве исполнителя гранта Российского фонда фундаментальных исследований по теме «Создание корпуса музыкальных фольклорных текстов коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Красноярского края и современная информационная среда».

Результаты диссертационного исследования представлены в виде статей, три из которых в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, в том числе в журнале Сибирского федерального университета серии «Гуманитарные науки», рецензируемого в международной информационной базе Scopus, а также в журналах, индексируемых РИНЦ, в том числе в «Сибирском антропологическом журнале». Автор имеет индекс Хирша 1 (Scopus), 3 (РИНЦ).

Структура и объем диссертации. Диссертация содержит введение, две главы, пять параграфов, заключение, список используемой литературы, включающий в себя 325 наименований, приложения.

Глава 1 Музыкальная фольклорная культура как предметная область современной культурологии

1.1 Концептуальные подходы к анализу музыкальной культуры

В современном культурологическом пространстве понятие «культура» имеет одно из ключевых значений. Так, Л. А. Уайт¹⁶³ говорил о том, что культура является центральным понятием в антропологии. Она вбирает в себя все элементы, жизненно необходимые человеку, а ее определение до сих пор является одним из самых дискутируемых вопросов в гуманитарной науке.

К изучению данного понятия обращались мыслители разных эпох и времен. Древнеримский философ Цицерон, размышляя о природе и значении культуры в целом, сравнивал ее с семенами, способными с помощью философского знания «возделывать душу человека, философия же в свою очередь выпалывает в душе пороки, приготавливая ее к посеву»¹⁶⁴.

В понимании Э. Тайлора «культура, как и цивилизация, в этнографическом значении представляет собой нечто целое, состоящее из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев, различных способностей и привычек, присущих как отдельному человеку, так и всем членам общества»¹⁶⁵.

По мнению Ф. Ницше, «культура – это дитя самопознания каждого отдельного человека и его неудовлетворённости самим собой»¹⁶⁶.

Понятие «культура» находит свое развитие и в трудах О. Шпенглера¹⁶⁷. Философ отмечал, что в основании всякого бытия находится слепая и иррациональная «воля к жизни». Она проявляется в виде культур разного типа, связанных с жизнедеятельностью человеческих сообществ. Исследуя понятие

¹⁶³ Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург: Университет. кн., 1997. – С. 17.

¹⁶⁴ Теория культуры: хрестоматия: Ч. I / Сост. Малкова Н. Ю. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. – С. 6.

¹⁶⁵ Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ.- М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

¹⁶⁶ Теория культуры: хрестоматия: Ч. I / Сост. Малкова Н. Ю. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. – С. 6.

¹⁶⁷ Григоренко Г. В. История философии: Учебник. – М.: Юрайт-Издат., 2004. – 278 с.

«культуры» с такой позиции, можно говорить о том, что она представляет собой «организм», обладающий внутренним единством, не отличный от других организмов, но в то же время им противостоящий. В противовес К. Марксу, Г. Гегелю и другим сторонникам концепции универсального пути развития человечества, он подчеркивал, что нет единой общечеловеческой культуры, а были, есть и будут только отдельные культуры. В его понимании каждая культура – это целостность и единство, отражающиеся и проявляющиеся во всех сферах жизнедеятельности человека: художественной, религиозной, политической, философской.

Исследуя данное понятие, Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишневский писали, что «культура представляет собой некую творческую деятельность человека по осмыслению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются, потребляются социальные ценности и нормы, а также формируется совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих деятельность людей»¹⁶⁸.

В современной теории культуры чаще всего культура рассматривается в функциональном аспекте. Согласно Д. А. Холлу¹⁶⁹, культура выполняет две основные функции, необходимые для жизнедеятельности человека. Во-первых, она наполняет всеобщим смыслом жизнь отдельного человека. Вторая ее функция – поддержание правил и норм общения между людьми.

Одно из ключевых пониманий исследования культуры принадлежит американскому ученому и философу Клиффорду Гирцу¹⁷⁰. Он является автором концептуального и методологического исследования культуры. Метод в культурной антропологии, разработанный Гирцем, включает в себя элементы герменевтики, структурализма, аналитической философии, философии символических форм и социологии.

¹⁶⁸ Коган Л.Н. Теория культуры: Учеб. пособие / Л. Н. Коган. – Екатеринбург : УрГУ, 1993. – 160 с.

¹⁶⁹ Холл Д. А. Проблема культуры // Контексты современности – I. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000 – С. 106 – 111.

¹⁷⁰ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 149 – 150.

К.Гирц подчеркивает, что само по себе представление о понятии «культура» достаточно обширно: от понимания и «научения» человека до его полного исчезновения. Исследователь разработал интерпретативную антропологию, пересекающуюся с информационно-семиотическим подходом в культурологии. В стремлении понять феномен человека ученый выдвигает две основные идеи: 1) он отказывается от детерминистского взгляда на культуру как комплекса определенных моделей поведения человека, 2) «...человек – это животное, зависящее от культурных программ в деле упорядочения своего поведения»¹⁷¹.

Феномены, исследуемые К. Гирцем, представляют собой определенную программу, зафиксированную путем символических форм предков. Культура в его понимании – «исторически передаваемая система, воплощенная в символах; система унаследованных представлений, выраженная в символической форме, посредством которой люди передают, сохраняют, развивают знания о жизни и отношения к ней»¹⁷².

Информацию, дошедшую до нас от предшествующего поколения, К. Гирц разделил на две категории – «картина мира» и «этнос». Определяя основные механизмы их взаимодействия в жизнедеятельности человека, Гирц фокусирует внимание на том, что этнос становится интеллектуальным только в том случае, если его основные культурные представления олицетворены в реальности, а также отражаются в картине мира. В свою очередь картина мира формируется в ее аутентичном выражении. Одним из важных элементов, участвующих в формировании культуры, является религия. Основная ее задача – связать этнос и картину мира воедино.

В понимании К. Гирца религия – это «определенная система символов, способствующая возникновению у сильных людей всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формирующая представления об общем по-

¹⁷¹ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 153.

¹⁷² Килькеев В. Н. Клиффорд Гирц: Концепция культуры и семиотический подход к ее изучению // Вестник Челябинского университета. – 2009. – № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. – С. 138 – 142.

рядке бытия и придающая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти мотивации кажутся единственно реальными»¹⁷³.

Религия в контексте исследовательской позиции К. Гирца – это своеобразный фонд общих смыслов, в котором каждый индивид выбирает особую модель поведения в своей жизни. Эти смысловые единицы находят отражение в священной символической системе. В свою очередь группы символов образуют собой нечто целостное, переходящее в религиозную систему. Поэтому религия представляет собой своеобразную этнокультурную модель, которая формирует социальные, психологические процессы, необходимые для определения поведенческого состояния субъекта и формирования морально-эстетических норм.

Рассматривая культурные модели в таком значении, можно говорить о том, что им свойственна двойственность: они являются моделями *для чего-то* и моделями *чего-то*¹⁷⁴. Другими словами, данные понятия формируют не только представления о человеке и об окружающей его действительности, но главным образом выявляют модель для создания социальной и психологической реальности.

К. Гирц, также как и Дж. А. Холл, разделял позицию М. Вебера, о том, что «человек – животное, висящее на сотканной им паутине смыслов; я принимаю культуру за паутину, а ее анализ за дело науки, занятой поисками значения»¹⁷⁵.

Знаки и символы, лежащие в основании культуры, участвуют в процессах дешифровки и перекодирования. Для того чтобы быть прочитанными, они в первую очередь должны быть наполнены конкретным содержанием, принципами и значениями. В подобном аспекте культура является своеобразной грамматикой, представленной определенными формами «высказываний», доступных для понимания в полной мере только ее носителями.

¹⁷³ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 238.

¹⁷⁴ Килькеев В. Н. Клиффорд Гирц: Концепция культуры и семиотический подход к ее изучению // Вестник Челябинского университета, 2009. – № 11(149). – С. 138 – 142.

¹⁷⁵ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 265.

Данное умозаключение говорит о культуре как некоем текстовом собрании. В этом случае исследователь культурных смыслов играет роль литературного критика, применяя к анализу культуры различные герменевтические подходы. В процессе постижения смысла культурной реальности исследователь постепенно переходит от части к целому, от целого к части. Такое движение Дильтей называл «герменевтическим кругом»¹⁷⁶.

Семиотический подход в исследовании культурных феноменов помогает открыть как концептуальный мир, в котором живет этническая группа, так и способствует выстраиванию межкультурного диалога.

Возвращаясь к антропологическому взгляду Клиффорда Гирца на понимание культуры как особого способа и пути развития человеческого общества, можно выделить две основные идеи. Первая идея связана с рассмотрением культуры как набора конкретных механизмов – определенных правил, планов, инструкций, участвующих в управлении обществом. Вторая заключается в том, что человек – это животное, зависящее от культурных программ, внегенетических контролирующих механизмов, способных управлять его поведением.

«Продуктами культуры являются наши ценности, идеи, эмоции, любые действия. Человек в своем культурологическом значении сам по себе является артефактом культуры. В свою очередь индивидуальность человека интерпретируется как эксцентричность, характеристикой которой выступают какие-либо отклонения от единого закона»¹⁷⁷.

На рис.1 приводится схема М. С. Кагана, в которой исследователь выявляет деятельность человека в его культурном пространстве¹⁷⁸:

Человек – творец культуры

¹⁷⁶ Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / Вильгельм Дильтей ; [пер.: М. И. Левина]. – 2-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 462 с.

¹⁷⁷ Березюк С. В. Музыкальный фольклор как феномен культурного наследия народа. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 49 – 57.

¹⁷⁸ Каган М. С. Философия культуры: Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 1996. – 312 с.

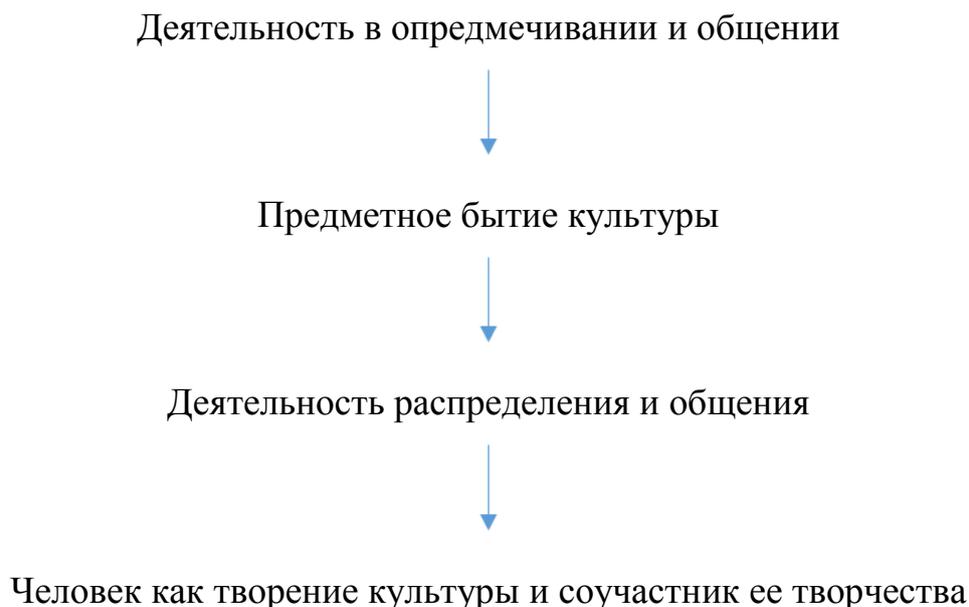

Рис.1

М. С. Каган, также как и К. Гирц, говорит о том, что человек одновременно является как творцом культуры, так и предметом её воздействия.

Концепция культуры, разработанная Клиффордом Гирцем, включает следующие положения: во-первых, культура – это передаваемая система знаний, которая воплощается в символах; во-вторых, это определенный способ унаследованных представлений, выражаемых в символической форме. «Человек конструирует картину мира на основании трех её перспектив – здравого смысла, научной и эстетической модели. Здравый смысл – это особая способность к видению, в которой идет восприятие мира, а также его предметов и процессов. Мир повседневной жизни также является продуктом культуры, так как формируется при помощи символического значения и культурной памяти, передающейся из поколения в поколение»¹⁷⁹. Другими словами, накопленные из года в год знания и умения не умирают вместе с человеком, а живут в символической форме.

¹⁷⁹ Там же. С. 53.

Согласно позиции Г. Гегеля, культура представляет собой четвертую форму бытия, родившуюся в результате деятельности человека. Процесс передачи культурных ценностей между человеком и обществом происходит в процессе вовлечения первого в культурное пространство с помощью их игрового взаимодействия.

Одним из важнейших культуuroобразующих факторов является религия. К. Гирц пишет, что «религия интересна не потому, что, как полагает вульгарный позитивизм, она описывает социальный порядок, ... но потому, что, подобно окружающей среде, политике, богатству, юридическим установлениям, личным пристрастиям или чувству прекрасного, она его формирует»¹⁸⁰.

Изучение религиозных аспектов культуры позволило российскому философу Д.В. Пивоварову сформировать синтетическое понимание культуры как идеалообразующей стороны жизни людей¹⁸¹. Понятие «идеалообразование» рассматривается им разносторонне, так как оно несет в себе духовные, познавательные, материально-практические элементы. Понятие «идеал», согласно умозаключениям Г. Гегеля, – это «высвеченная сущность и окно в скрытое от нас бытие»¹⁸². Через идеалы человек осваивает и понимает сущность вещей и различных процессов.

Идеалы делятся на достижимые и недостижимые. К первым относятся «идеалы – образцы», к которым хочется стремиться, быть подобными им. Ко второму – исчезнувшие совершенства или нереализованность каких-либо идей. Идеал может создаваться как социальными группами, так и отдельным человеком. В связи с этим для наибольшего понимания культуры в целом необходимо рассматривать не только культурные элементы общества, но и стремиться к пониманию культуры как идеалообразования, характерного для отдельного человека.

¹⁸⁰ Geertz, C. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. N. Y.: Basic Books, 1983. 69 p.

¹⁸¹ Пивоваров Д. В. Идеал в основании культуры: стратегия общего образования / Д. В. Пивоваров // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. – Екатеринбург. – 2004. – Вып. 1. – С. 16.

¹⁸² Гегель Г.В.Ф. *Философия религии*. В 2 т. – М., 1975, 1977. – 573 с.

Таким образом, процесс идеалообразования раскрывает культурную связь человека с природой или субъект-субъектные отношения, формируясь в процессе этих отношений, нередко полностью их изменяя. «Индивид становится субъектом тех форм, которые сам избирает из идеалов личной или социальной культуры. Поведенческая направленность в выбранном идеале, а также вера в этот идеал и вытекающая из этого рефлексия над ним, – все это некое образование человека, придающее не только основную направленность в его действиях, но и обуславливающий стиль индивида как субъекта»¹⁸³.

Понимание культуры как процесса идеалообразования не отрицает ее аксиологической или семиотической концепций, а уточняет их. Рассматривая культуру как систему ценностей, можно представить ее в виде своеобразной пирамиды, в основании которой находится система верований, а вершиной становятся определенные ценности, характерные для конкретной этнокультурной среды. Связующими звеньями данной конструкции являются культурные и межкультурные связи.

Кроме того, культура представляет собой знаковую систему, в которой человеком как воспроизводятся, так и считываются определенные культурные коды (знаки). По определению Ю.М. Лотмана, «культура является собой знаковую, определенно организованную систему, проявляющуюся в некой сумме правил, ограничений, наложенных на систему и выступающих в качестве их определенного признака»¹⁸⁴.

Наличие единой культурной памяти у той или иной этнокультурной группы говорит о существовании сообщества как единого организма, а превращение обычаев, ритуалов, песенных традиций в знаковую систему способствует сохранению и воспроизводству уникального культурного пространства данного сообщества.

¹⁸³ Пивоваров Д. В. Идеал в основании культуры: стратегия общего образования / Д. В. Пивоваров // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 1. – С. 12–23.

¹⁸⁴ Лотман Ю. Культура и язык // Статьи по типологии культуры / Семиосфера. – Санкт-Петербург: «Искусство». – Санкт-Петербург, 2001. – С. 396 – 399.

Схематично процесс превращения тех или иных практик этноса в фиксированную этнокультурную память выражается в схеме на рис.2:

Рис.2

Общая культурная память – факт осознанного единства существования этноса. Культурное освоение мира человеком – изучение языка культуры, перевод на доступные пониманию формы. Знак – это новое качество, возникающее при соединении определенного информационного пространства с конкретным социокультурным пространством.

Таким образом, семиотический подход утверждает, что культура не способна существовать вне знакового пространства. Самое ценное в культуре – это человек и то знаково-информационное пространство, где он формируется как личность.

«Культура, в отличие от «не-культуры» взаимодействует с любым объектом (материальным или духовным) с помощью идеала. В таком значении, идеал выступает в роли посредника между вещью и человеком, между человеком и человеком, между сознанием и самосознанием индивида, а также как связующее звено между человеком и священным объектом»¹⁸⁵.

Экстраполируя данное понимание на музыкальную культуру, можно дать следующее определение. Музыкальная культура представляет собой сложноорганизованную систему знаков и символов, необходимых для сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности. Идеалы культуры здесь имеют характерную музыкальную форму – произведение музыкального искусства. В контексте идеалообразования о произведении музыкального искусства можно говорить как о произведении музыкальной культуры.

¹⁸⁵ Пивоваров Д. В. Философия религии: Учебное пособие. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 267 с.

Произведение музыкальной культуры – это продукт человеческой деятельности, направленный на формирование социокультурного и символического пространства тех или иных этнокультурных групп и использующий в процессах идеалообразования форму и содержание, характерные для музыкального искусства.

Музыкальная культура, как часть художественной культуры, является элементом духовной культуры. В культурологическом понимании этот феномен – воплощение ценностных культурных ориентиров, направленных на духовное совершенствование человека.

Рассматривая музыкальную культуру как один из системообразующих элементов культурного пространства, А. Сохор¹⁸⁶ определяет ее как «единство музыки с ее социальным функционированием». Кроме того, ученый говорит о ней как о сложноорганизованной системе, в которую входят:

- 1) музыкальные ценности, создаваемые и сохраняемые в конкретной этнокультуре;
- 2) способы и методы сохранения и передачи культурной памяти;
- 3) субъекты деятельности со знаниями, умениями, навыками;
- 4) учреждения, обеспечивающие развитие музыкально-культурной деятельности, а также оборудование и инструменты, поддерживающие эту деятельность.

Рассматривая музыкальную культуру в культурно-историческом аспекте, необходимо отметить, что она играет роль социального наследственного механизма. Основная функция музыкальной культуры связывается с духовным воспитанием, с культурной преемственностью поколений, с формированием ценностного отношения к обществу и государству, а также становлением личностных качеств индивида.

В этнокультурологическом пространстве музыкальная культура понимается как определенная форма жизнедеятельности, призванная культивиро-

¹⁸⁶ Сохор А. Н. Социология и музыкальная культура / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Москва: Сов. композитор, 1975. – 202 с.

вать те или иные практики человека, обогащать его духовную и эмоциональную жизнь. В философском понимании музыкальная культура определяется как носитель ценностных, мировоззренческих и содержательных установок, соответствующих конкретному этапу развития общества.

Музыкальное искусство является одним из способов образного отображения окружающей действительности, доступного человеческому восприятию и измеряемому во времени и пространстве. Музыка не только способствует саморазвитию человека, но и представляет собой результат процесса самосовершенствования и развития его творческого потенциала. Музыкальная культура стимулирует и поддерживает стремление человека к саморазвитию и самообразованию.

Музыкальная культура в общекультурном контексте представляет собой конкретную форму единства личности с системой ценностей и традиций. В свою очередь ее преобразование происходит через обрядовые и ритуальные этнокультурные формы, так как она непосредственно связана с человеческой потребностью к выражению своей духовной сущности, самоутверждению.

Рассматривая культурное своеобразие этноса через призму музыкальной культуры, отметим, что данное явление представляет собой сложноорганизованную систему. В этносоциокультурном пространстве музыка несет функциональную нагрузку, проявляющуюся через особые культурные практики – обряды, ритуалы, праздники и т. п.

Исследуя музыкальную культуру отдельного региона, необходимо рассматривать ее как целостное явление, включающее в себя понятия «музыкальная среда» и «музыкальная жизнь»¹⁸⁷. Структурно-системные ценности, составляющие основу музыкальной культуры, включают в себя элементы как материальной, так и духовной культуры. Среди ценностей, влияющих на развитие социокультурной среды, можно выделить такие, как ценность сохране-

¹⁸⁷Гусева О. В. Культурологический потенциал музыкального образования в условиях индустриального региона: дис...канд. культурол. наук. 24.00.01 / Гусева Ольга Васильевна. – Кемерово, 2003. – 183 с.

ния этнокультурной традиции, ценность наличия в этнической культуре современных и традиционных музыкальных произведений, ценность сохранения традиционных религиозных верований.

Согласно позиции Р. Лоуи, «музыкальная культура этноса представляет собой сверхчувственное явление, объяснимое только при помощи собственной терминологии и умозаключений»¹⁸⁸.

Музыкальная культура этноса определяет содержание его коллективной культурной памяти, отражающее историческое прошлое и способствующее сохранению духовного опыта и традиций данного этноса. Современные ученые, исследуя данный феномен, говорят о музыкальной культуре как о сфере, в которой проявляются устойчивые традиции и базисные ценности этноса, формировавшиеся в историческом прошлом. Данный аспект рассматривается в научных трудах М. М. Бахтина¹⁸⁹, Э. Е. Алексеева¹⁹⁰, Б. Н. Путилова¹⁹¹, В. Я. Проппа¹⁹², К. Н. Кострикова¹⁹³.

Исследуя динамику социального развития с помощью музыкальной культуры, можно не только понять сферу жизнедеятельности человека, но и определить этапы его исторического развития. Так, рассматривая социокультурное пространство коренных малочисленных народов Сибири, можно говорить о том, что деление на этнические группы с точки зрения особенностей музыкальной культуры является достаточно условным, так как в интонационной культуре одного этноса четко прослеживается межкультурная связь с другими этногруппами. Корреляция языкового своеобразия заключается в соответствии с традиционным мелодическим своеобразием произведения, где музыкальная интонация несет в себе определенную информацию, наполненную глубоким смыслом и его же ладогармоническими особенностями.

¹⁸⁸ Lowie R.H. Culture and Ethnology. – N.Y., 1917. – P. 17

¹⁸⁹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 2001. – 444 с.

¹⁹⁰ Алексеев А. Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект / Э. Е. Алексеев; ВНИИ искусствознания. – М.: Сов. композитор, 1986. – 238.

¹⁹¹ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. в память В. Я. Проппа. – М., 1975. – 323 с.

¹⁹² Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избр. статьи / В. Я. Пропп. – Москва: Наука, 1976. – 325 с.

¹⁹³ Костриков К. Н., Щербакова А. И. Музыка в художественном пространстве отечественной культуры: истоки становления, развитие, перспективы. Ч. 1. – М.: Перспектива, 2005. – 235 с.

Одна из функций музыкальной культуры коренных народов Сибири заключается в воздействии на духовный мир и преобразование среды, в которой находится человек. К культурным практикам, способствующим такому воздействию, можно отнести обряды, ритуалы, формирование идей, нормирование, образ жизни, а также различные способы создания и воспроизводства знаков и символов, характерных для той или иной этнокультурной группы.

Великий античный мыслитель Платон проводил параллель между музыкой и государством: «сила государства находится в прямой зависимости от того, в каких ладах и каких ритмах в нем звучит музыка. Не должны проникать в души людей распущенные ритмы и лады, дабы не пустить в нее постыдное распущенное начало»¹⁹⁴. Аристотель, изучая природу музыки, считал ее одним из главных средств воздействия на психику человека, а также способом гармонизации с общественной жизнью. По мнению мыслителя, «когда человек страдает от какого-либо болезненного переживания, его душа обособляется от жизни общества»¹⁹⁵. Кроме того, он первый указал на качества, которые воспитывает музыка во внутреннем мире человека.

Таким образом, в античной философии, чьи основополагающие принципы восприняты всей мировой философией, музыка – это один из мощнейших инструментов, способствующий межкультурной коммуникации, а также участвующий в объединении людей, убирающий различные социальные барьеры.

Музыкальная культура направлена на создание межкультурной коммуникации, необходимой для социокультурного развития. Б. Асафьев¹⁹⁶, рассматривая феномен музыкальной культуры, говорит о музыке как о неотъемлемом элементе познавательной деятельности человека.

Еще одним элементом музыкальной культуры является музыкальная интонация. В музыкальной культуре коренных малочисленных народов Си-

¹⁹⁴ Там же. С. 10

¹⁹⁵ Аристотель. Избранные труды. – М., 1978. – С. 14.

¹⁹⁶ Асафьев В. Музыкальная культура. – М., 1978. – С. 218.

бири интонация становится смыслообразующим элементом, выступающим в роли знакового содержания, раскрывающим собой ценностно-смысловое культурное содержание фольклорного искусства.

Музыкальная интонация имеет большое значение для понимания основы музыкальной культуры. Интонационная культура того или иного этноса может быть включена в модель этнокультурной идентичности. Так, исследуя интонационную культуру коренных малочисленных народов Сибири на материале анализа музыкального творчества эвенков, долганов и селькупов, можно говорить как об уникальности этих культур, так и об их межкультурных связях.

Одним из важных элементов, отличающих эти этнокультурные группы, является их этнокультурный музыкальный язык, для которого характерны особые элементы – ладообразование, их ритмическая организация, способы и приемы подачи песенного материала. Кроме того, объединяющим этнокультурным элементом становится звукоизобразительность в песнях, обусловленная природно-климатическими условиями и родом занятий исследуемых этногрупп. Отличительными особенностями вокального творчества выступают песенный тематизм (тематическое зерно) и его жанровые особенности.

Музыкальная культура представляет собой особый культурный феномен, в котором гармонично сочетаются духовная жизнь этнокультурных сообществ, их хозяйственная и общественная деятельность.

Исходя из того, какой концептуальный подход в понимании идеалов культуры избирает для себя исследователь, в таком понятийном аспекте и формируется целостное исследование музыкальной культуры. Музыкальная культура предстает либо как субъективно-духовное явление (если исследователь полагает, что в основании культуры лежит только духовная составляющая), либо главным аспектом культуры выступает материализация и реализация сущностных человеческих сил (если исследователь полагает, что базовые идеалы материальны и объективизированы, например, как природные или социальные явления), либо музыкальная культура рассматривается как

процесс идеалообразования посредством создания и трансляции музыкальных произведений, если идеал понимается в единстве материальных и духовных форм.

Исследователи сходятся на том, что основная функция культуры, в целом, и музыкальной культуры, в частности, заключается в сохранении культурных ценностей и традиций, а также в передаче культурной памяти последующим поколениям.

Исследование культуры и музыкальной культуры в этносоциокультурном пространстве позволяет определить базовые ценности человека, а также определить способы, методы сохранения и трансляции культурной памяти конкретного этноса.

В свою очередь рассмотрение культуuroобразующих функций в контексте современной информационной среды позволяет выделить основные элементы музыкальной культуры. К этим элементам относятся средства музыкальной выразительности (темп, динамические оттенки, регистр, лад), музыкальная интонация, знаковая фиксация музыкального текста, жанровая сфера.

Анализ существующих тенденций в области исследований музыки позволил обозначить основную проблематику теоретико-культурологических знаний в области изучения музыкальной культуры. В качестве базовой концепции культуры принята теория культуры как идеалообразования Д. В. Пивоварова. **Музыкальная культура представляет собой коммуникативное и символическое пространство, где процессы идеалообразования опосредованы музыкальным языком, культурные идеалы воплощены в музыкальных произведениях.**

В процессах создания, воспроизводства и трансляции музыкальных произведений происходит создание, воспроизводство и трансляция базовых идеалов определенной культурной группы, что характерно, в том числе, и для этнокультурных групп коренных малочисленных народов Сибири. Тем самым пространство музыкальной культуры определяет способ существования исторической и культурной памяти конкретных этнокультурных групп.

Предварительный анализ показал, что одним из базовых элементов музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири является музыкальный фольклор. Поэтому необходимо рассмотреть особенности музыкального фольклора как элемента музыкальной культуры в контексте современных процессов этнокультурной идентификации и самоидентификации.

1.2 Музыкальный фольклор как объект культурологического анализа

Музыкальная фольклорная культура – это вид музыкальной культуры, где процесс идеалообразования, процесс создания, воспроизводства и трансляции базовых идеалов этнической культуры происходит в форме создания, воспроизводства и трансляции музыкальных фольклорных произведений. Акцент в научном моделировании музыкальной фольклорной культуры делается на идеалообразовании, в том числе на формировании и трансляции базовых культурных ценностей определенных этнических групп. В контексте данного исследования речь идет об этнокультурных группах коренных малочисленных народов Сибири.

Музыкальная фольклорная культура в современном информационном пространстве представляет собой особую медиатизированную область в музыкально-художественной деятельности человека. Музыка как один из главных культуuroобразующих элементов, не только охватывает значимые сферы жизнедеятельности человека, но также собой формирует особую культурную, языковую и информационную среду.

Музыкальная фольклорная культура является одним из важных аспектов культурного наследия народа. Песня несет в себе сокровенный смысл, так как связана с жизнью народа во всех ее проявлениях и всегда сопровождает значимые события в жизнедеятельности человека (обряды и церемонии).

Обращение к музыкальной фольклорной культуре происходит через гармоничное соединение эмоционального состояния человека, его творческих способностей и интеллектуальной направленности. Посредством музыкального произведения человек погружается в звуковое пространство благодаря художественным образам, возникающим в момент взаимодействия композитора и музыкального материала, слушателя (исполнителя) и музыкального произведения.

Особое значение в культурологическом исследовании музыкальной культуры имеет понятийный язык. Исследование структурных элементов в

произведениях музыкальной культуры раскрывает особенности композиторского творчества, культурные практики создания звуко-художественных образов в культурном пространстве.

Главным элементом музыкальной культуры является музыкальное искусство. Согласно общепринятым характеристикам, музыка – искусство временное, возникающее и существующее в момент своего звучания, а затем исчезающее. Музыкальное произведение существует в полном смысле только тогда, когда исполняется, звучит.

Музыкальная культура – это сумма процессов идеалообразования посредством создания, воспроизводства и трансляции идеалов в формах произведений музыкального искусства и создания музыкальных художественных образов, где происходит рождение высших смыслов и ценностей бытия.

С точки зрения деятельностного подхода музыкальная культура – это пространство музыкально-художественной деятельности человека, которое несет в себе ценностное отношение и познание. Можно говорить о специфическом культурологическом исследовании музыкальной культуры, которое включает в себя следующие аспекты:

1) *системный* – исследование и развитие особенностей художественного процесса, а также формирование стилового пространства и его логического функционального значения;

2) *эстетический* – изучение процесса формирования и трансформации эстетических идеалов;

3) *аксиологический* – направлен на выявление ценностной составляющей музыки;

4) *герменевтический* – призван определить принципы понимания и толкования музыкального текста¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Щербакова А. И. Феномен музыкального искусства в становлении и развитии культуры / Анна Иосифовна Щербакова дис...докт. культурологи: 24.00.01. – Теория и история культуры. Москва.2012. – 463 с.

В высших формах музыкального искусства – в шедеврах – произведение музыкального искусства является порождением сложного аудиального (музыкального) мышления¹⁹⁸.

Б. В. Асафьев, рассматривая феномен музыки, определял ее как «интонационный словарь эпохи, заключающий в себе круг музыкальных интонаций и тем, созвучных времени»¹⁹⁹.

Пространство музыкальной культуры – это поле, где происходит формирование особых коммуникативных каналов, в основании которых находится творческая деятельность человека. С их помощью происходит передача культурной памяти этноса, выступающей, в свою очередь, в качестве объекта познания в теории и истории культуры.

Воспринимая и интериоризируя мир музыкальных смыслов и ценностей, сообщество формирует особое этнокультурное пространство, которое основывается на определенном культурно-эстетическом опыте и затем превращается в творческую деятельность индивида и сообщества. Коллективное традиционное познание – это специфический способ постижения культурных смыслов и ценностей музыкальной фольклорной культуры, а также способ формирования художественно-эстетических ценностей в этнокультурологическом пространстве.

Каждая этнокультурная группа в своем стремлении сохранить своеобразие и самобытность в современном поликультурном пространстве главной своей задачей считает передачу уникальных аутентичных культурных смыслов. Поэтому одним из важнейших факторов исторического развития этноса является культурная память. Глубина и самобытность культурно-исторической памяти позволяет конструировать основание, на котором построена та или иная этнокультурная идентификация.

¹⁹⁸ Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное мышление и его функции // Педагогика искусства. – 2012. – № 1. – С. 61-75; Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное мышление исполнителя и слушателя как основа процесса трансляции культурных ценностей // Педагогика искусства. – 2012. – № 3. – С. 91-104; Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное искусство в системе ценностей культуры. Красноярск: изд-во Сибирского федерального университета, 2009.

¹⁹⁹ Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. 2-е изд.. – М.: Музыка, 1973. – 23 с.

Музыкальная фольклорная культура содержит множество механизмов, способствующих преодолению возможных межкультурных противоречий. Это также особое художественно-коммуникативное пространство, где осуществляется диалектическое единство индивида и «его» этнокультурной группы, где задаются способы и практики конкретной этнокультурной самоидентификации.

Фольклорное музыкальное искусство является средством сохранения и трансляции традиционных, и глубинных культурных ценностей этноса с помощью кодирования в музыкальных знаковых системах определенных культурных смыслов и значений.

Музыкальная фольклорная культура – это, прежде всего, один из способов самовыражения этноса посредством создания и трансляции суммы идеалов через фольклорные музыкальные произведения. Она включает в себя ряд аспектов: миропонимание, принадлежность человека к конкретной этногруппе, процессы идентификации и самоидентификации.

«В музыкально-аналитических сопоставлениях выделяются и определяются специфические музыкальные особенности, характерные для музыкальной культуры определенного народа. К ним относятся мелодия, ритмическая организация, метроритм и ладово-гармоническое строение»²⁰⁰.

Культурологический анализ исследований фольклора позволяет основные методологические направления в определении его понятия: эстетическое, психологическое, филологическое, этнографическое.

Во-первых, в своем функциональном предназначении фольклор определяется как собрание памятников «народной словесности»²⁰¹. Данная позиция встречается в работах Л. Я. Штенберга²⁰², Д. К. Зеленина²⁰³.

²⁰⁰ Метляева С. В. Музыкальная культура Севера (Некоторые наблюдения) // Искусство глазами молодых: материалы X Международной научной конференции. – Красноярск, 2018. – С. 333 – 335.

²⁰¹ Березюк С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т.1 (2). – С. 32 – 40.

²⁰² Штенберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936. – 572 с.

²⁰³ Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934 – 1954. – М., 2004. – С. 145 – 175.

Во-вторых, исследование фольклора – это, прежде всего, стремление к познанию определенного этноса как целостного социокультурного сообщества. Культурологический анализ фольклора опирается на достижения классической и современной этнографии, в том числе, на труды великих отечественных исследователей, таких как П. Г. Богатырев²⁰⁴, В. Я. Пропп²⁰⁵, И. И. Толстой²⁰⁶ и современных ученых В. П. Кривоногова²⁰⁷, Н. П. Копцевой²⁰⁸, Ю. С. Замараевой²⁰⁹,

В общепринятом значении под «фольклором» понимается «традиционная для этноса духовная культура, отражающая его мировоззрение, сложившаяся в результате многовекового коллективного творчества путем устной коммуникации и проявляющаяся в бесконечной множественности индивидуально-личностных вариантов»²¹⁰. Ученые отмечают, что «фольклор – это явление полисоциальное и полистадиальное. Его функции раскрывают характерные особенности, отличительные свойства и характерные признаки – устность, коллективность, этническое своеобразие»²¹¹.

При изучении культурных особенностей отдельных народностей В. А. Лапин рассматривал фольклор как «систему локальных традиций»²¹². Связь

²⁰⁴ Богатырев П. Г. Народная культура славян / П. Г. Богатырев. Сост. Е. С. Новик, Б. С. Долгих. М.: ОГИ, 2007. – 368 с.

²⁰⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп; Сост. Б. Н. Путилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.

²⁰⁶ Толстой И. И. Статьи о фольклоре / АН СССР. – Москва: Наука, 1966. – 249 с.

²⁰⁷ Кривоногов В. П., Ермилова Е. С. Социокультурная динамика этнических процессов эвенков // Журнал Сибирского федерального университета: Гуманитарные науки. 2018. – Т. 11. – № 11. – С. 1845 – 1871; Кривоногов В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета: Гуманитарные науки. 2013. – Т. 6. – № 6. – С. 870 – 881; Кривоногов В. П. Этническая ситуация у коренных малочисленных народов Красноярского края // Енисейская провинция. 2004. – № 1. – С. 34 – 41; Кривоногов В. П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. – Красноярск: Красноярский педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2001. – 108 с.

²⁰⁸ Копцева Н. П., Кирко В. И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях: научное издание // Современные проблемы науки и образования. – 2014. - № 3. – С. 792; Копцева Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском Федеральном округе // Проблемы общества и политики. 2013. – № 12. – С. 1-16.

²⁰⁹ Замараева Ю. С. Обзор научно-исследовательской литературы по проблемам изучения культуры коренных народов и коренной идентичности в период 2013 – 2018 годов // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы. – Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2018. – С. 180 – 200.

²¹⁰ Павлова Т. В. Музыкальная стилистика эвенских песен // Языки культуры и будущее народов Арктики: Тезисы докладов международной конференции 17 – 21 июля 1993. – Якутск, 1993. – С. 51.

²¹¹ Там же. С. 67.

²¹² Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Альмеева. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 28 – 38.

фольклора и местной традиции конкретной этнической группы по мнению ученого выражается следующим образом: во-первых, формирование фольклора происходит в локальном месте проживания этногрупп, форму народной культуры он обретает благодаря взаимообмену традиционного искусства и результатов аналитической деятельности ученых; во-вторых, в аутентичной бытийной форме фольклор существует только в локальном значении; в-третьих, культурной единицей в его исследовании, как правило, выступают местные формы народного творчества. Поэтому для исследования историко-культурного развития конкретной этнокультурной группы важно рассматривать такие показатели, как способы ее функционирования, способы и механизмы культурной трансляции, особенности обрядовой и концертно-просветительской деятельности в настоящее время и ряд других.

Понятие «фольклор» включает в себя «традиционную для этноса духовную культуру, отражающую его мировоззрение, сложившуюся в результате многовекового коллективного творчества путем устной коммуникации и проявляющуюся в бесконечной множественности индивидуально-личностных вариантов»²¹³.

Музыкальная фольклорная культура – это определенный вид культуры, где формами идеалообразования выступают произведения музыкального фольклорного искусства, в котором находят свое отражение специфические компоненты этнической культуры. Фольклор служит объединяющим компонентом в социокультурном пространстве. Любое музыкальное фольклорное произведение бифункционально по своей природе, так как оно несет в себе эстетическую и утилитарную функцию одновременно.

Музыкальная фольклорная культура представляет собой систему музыкальных элементов, в которых культура каждого этноса в отдельности несет определяет поликультурное своеобразие универсального мелоса, фактурного

²¹³ Обрядовые жанры эвенского музыкального фольклора //Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков культур: тезисы междунар. науч. конференц. – Новосибирск, 1995. 3. – С. 368 – 369.

построения музыкальных произведений, ладогармонической и ритмической организации песен и других произведений музыкального фольклора.

Исходя из вышесказанного, музыкальную фольклорную культуру необходимо рассматривать как сумму музыкальных образцов, возникающую на раннем этапе исторического развития сообщества и имеющего коллективную музыкальную форму. Являясь частью традиционной культуры, в современную эпоху музыкальный фольклор выполняет не только мемориальную функцию, но и становится пространством создания новых культурных значений, облеченных в форму музыкальных фольклорных произведений.

Музыкальная фольклорная культура многогранна, так как в ней музыкальную традиционную форму приобретают житейская мудрость, традиционные устои, а также каноны и правила, характерные для сообщества. Музыкальная фольклорная культура также является одним из главных отражений элементов национального художественного сознания. Она представляет собой своеобразную художественную целостность, но при этом постоянно находится в динамическом развитии и с течением времени может видоизменяться, хотя данная эволюция протекает достаточно медленно.

Изучение музыкальной фольклорной культуры с антропологической и ценностно-смысловой позиции принадлежит Э. Тайлору²¹⁴, И. М. Снигиреву²¹⁵, А. Н. Афанасьеву²¹⁶, А. Н. Веселовскому²¹⁷.

Психологическое направление в исследовании фольклора нашло отражение в трудах К. Юнга и Г. Рохейма²¹⁸. Согласно Юнгу, «коллективное бессознательное служит неким основанием духовной жизни человека, так как само по себе является результатом родовой жизни, передаваясь при этом от поколения к поколению»²¹⁹.

²¹⁴ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М., 1989. – 577 с.

²¹⁵ Снигирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М., 2011. – 543 с.

²¹⁶ Афанасьев А. Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. – М., 1996. – С. 559 – 669.

²¹⁷ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л., 1940. – 648 с.

²¹⁸ Рохейм Г. Происхождение и функции культуры. – Ижевск, 2011. – 135 с.

²¹⁹ Юнг К. Г. Психология бессознательного. — М.: Когито-Центр, 2010. – С. 352.

Особое значение для изучения музыкальной фольклорной культуры представляют собой работы отечественных ученых. Как системообразующий элемент культуры музыкальная фольклорная культура начинает изучаться с 60-х годов XX века Н. С. Злобиным²²⁰ и Э. В. Соколовым²²¹.

Таким образом, исследование музыкальной фольклорной культуры начинается с истоков философского знания, имеет мультидисциплинарный характер и актуально для современной культурологии. Теоретическое изучение данного феномена представлено информационно-семиотическим подходом, аксиологическим подходом, деятельностным подходом, а основным предметом исследований выступают конкретные произведения музыкального фольклора, культурные практики, связанные с музыкальным фольклором, межкультурные связи, культурные ценности, принимающие форму музыкальных фольклорных произведений.

Для деятельностного подхода к анализу музыкальной фольклорной культуры характерно моделирование логических представления о формировании этнокультурного пространства и возникновении культурной памяти с помощью деятельности человека. Деятельность понимается как определенная форма активности, проявляющаяся «от способа осуществления деятельности, ее длительности, степени эмоциональной напряженности до типов мотивации»²²².

Исследуя феномен музыкальной фольклорной культуры в контексте информационно-семиотической концепции, можно рассматривать ее как в материальном аспекте, так и в духовном. Российский философ К. Д. Кавелин²²³ утверждал, что при исследовании музыкальной фольклорной культуры выявляются оба элемента.

²²⁰ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс / Н. С. Злобин. – М.: Наука, 1980. – 303 с.

²²¹ Соколов Э. В. Культура и личность. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.

²²² Каган М.С. Философия культуры: Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 1996. – 310 с.

²²³ Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории культуры / Сост., вст. ст. В. К. Кантора; подг. текста и примечания В. К. Кантора, О. Е. Майоровой; Ин-т философ. АН СССР, Филос. о-во СССР. – Москва: Правда, 1989. – 654 с.

Образно музыкальная фольклорная культура именуется «колыбелью человечества». Ее фундаментальным основанием является «социальная реальность, в которой воплощаются коллективные представления народа, опосредованные мифологическими формами бытия мыслительных категорий»²²⁴.

Исследование музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири связано с изучением обычаев, мифов, ритуалов, обрядовой практики, так как это составная часть их культуры в целом.

Большое место в музыкальной фольклорной культуре малочисленных народов Сибири отводится ритуалам и обрядовой практике. В ритуальной и обрядовой деятельности звучащая музыка и ее символические знаки несут в себе информативную функцию и имеют сакральное значение, так как представляют собой артефакты, наполненные смысловым содержанием и выполняющие функцию этнокультурного объединения.

Создание произведений музыкальной фольклорной культуры происходит благодаря звукообразам, особой интонационной культуре.

Интонационная культура – это «социально-историческое явление, позволяющее осмыслить область культуры при помощи социокультурного опыта, передающего специфику музыкального фольклора, развитие определенного этнографического поля, особенности традиций изучаемой этнической группы»²²⁵. Исследование особенностей музыкальной фольклорной культуры осуществляется с помощью эмпирических и аналитических методов познания, помогающих через призму произведений музыкальной фольклорной культуры понять характерные особенности конкретной этнокультурной группы.

Особенности музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири формируются в разные времена и эпохи. Из поколения в поколение передаются музыкальные традиции и формируются куль-

²²⁴ Арановский М. Г. Синтаксическая структура мелодии. – М.: Музыка, 1991. – 30 с.

²²⁵ Там же. С. 54.

турные особенности музыкального искусства этноса. М.Г. Арановский выделяет следующие характерные особенности музыкального фольклора: «во-первых, фольклорная музыка в синкретической целостности с массовыми ритмизованными движениями способствуют формированию коллективного единства; во-вторых, она имеет имитационный характер и закрепляется благодаря эмоционально-звуковому резонансу»²²⁶.

Если традиционная песенная культура «представляет собой некий архетип и образование коллективного бессознательного, то её жанрово-стилистические особенности несут в себе четко организованную знаковую систему, отражающую этнокультурологические категории последовательности знаков, объединенных общим смыслом. В таком понимании структуры музыкального фольклора четко выражается семиотический аспект, в котором чертами этнической знаковости обладают песенные, декламационные и ритмические проявления»²²⁷.

Основой семиотического процесса является музыкальная речь, в подобном значении представляющая собой метаязык, объединяющий как ладовую организацию песен, стихотворные размеры, так и терминологическую базу, присущую конкретной музыкальной фольклорной культуре.

Песенная поэтика в музыкальном фольклоре раскрывает общенародный культурный облик, формирует особый внутренний чувственный мир, мыслительные процессы, эмоциональную и идейную сферы.

Указывая на особенности музыкального фольклора, М.Г. Арановский пишет, что «человек конструирует картину мира на основании трех перспектив – здравого смысла, научной и эстетической модели. Здравый смысл – это особая способность к видению, в которой идет восприятие мира, а также его предметов и процессов. Мир повседневной жизни также является продуктом

²²⁶ Там же. С. 55.

²²⁷ Там же. С. 56.

культуры, так как оформляется при помощи символических значений, передающихся из поколения в поколение»²²⁸.

Изучение музыкальной фольклорной культуры происходит в двух формах: во-первых, как собирание памятников «народной словесности», открытие новых жанров фольклора, новых фольклорных произведений. Во-вторых, это как стремление создать научную модель этноса как социальной целостности, включить в это понимание архаичные и традиционные эпохи бытования этноса. Здесь ключевым подходом является опора на этнографию.

А. С. Каргин, исследуя фольклор, определял его как «бытовую, традиционную для этноса, духовную философско-эстетическую культуру, отражающую его менталитет, сложившуюся в результате многовекового коллективного творчества путем устной коммуникации и проявляющуюся в бесконечной множественности индивидуально-личностных вариантов»²²⁹.

Таким образом, основные признаки музыкальной фольклорной культуры – это импровизационность, коллективность, устная передача культурных ценностей, традиционность.

Музыкальный фольклор существует в разных жанровых формах, среди которых одно из первых мест занимает песенный фольклор. Принято выделять несколько разновидностей песенного фольклора:

- 1) аутентичный фольклор, связанный с традиционной культурой;
- 2) городской фольклор;
- 3) современный фольклор.

Важнейшими элементами музыкальной фольклорной культуры являются художественные образы, создаваемые в момент исполнения в сознании человека: пейзажные зарисовки, музыкально-художественное воплощение различных бытовых сцен, звукоизображение диких и домашних животных, образы «детского мира» и т. д.

²²⁸ Там же. С. 56.

²²⁹ Каргин А. С. Народная художественная культура: учебник / А. С. Каргин. – М., 2000. – 412 с.

Основой изучения специфики музыкального фольклора является исследование особенностей музыкального языка как конкретной этнокультурной группы, так межкультурного взаимодействия нескольких этнокультурных групп.

В исследовании музыкальной фольклорной культуры применяются функциональный, сравнительно-исторический, структурно-типологический, ареальный, типологический, музыкально-аналитический, социологический методы исследования. Данные методологические подходы реализуются в научных трудах П. Г. Богатырева²³⁰, В. Е. Гусева²³¹, Н. И. Толстого²³², Е. С. Новик,²³³ В. А. Лапина²³⁴, С. Г. Лазутина²³⁵ и ряда других исследователей. Эти методы позволяют не только выявить особенности музыкального языка и структуру музыкальных фольклорных произведений, но также описать тембровые особенности, как отдельного певца, так и ансамблевого пения в целом. Кроме того, такие подходы помогают выявить характерные особенности певческой традиции в конкретном этнокультурном пространстве.

На основе выводов научных трудов Е. Е. Васильевой²³⁶, изучая песенную культуру любой этнокультурной группы, необходимо в первую очередь рассматривать ритмическую основу песенного стиха с точки зрения типов музыкальной ритмики. Так, например, основой песенной культуры коренных малочисленных народов Сибири является «квантитативная ритмика» – сочетание долгих и коротких звуков.

Сумма музыкальных фольклорных произведений представляет собой специфическое культурное пространство, где с помощью музыкально-

²³⁰ Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. – М.: Государственный институт искусствознания, 2015. – 456 с.

²³¹ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967. – 286 с.

²³² Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Актуальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос / Н. И. Толстой. Л.: Наука, 1983. – 320 с.

²³³ Новик Е. С., Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. – М., 2010. – 285 с.

²³⁴ Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора / В. А. Лапин. – Санкт-Петербург: РИИИ, 2017. – 440 с.

²³⁵ Лазутин С. Г. Композиция русской народной лирической песни / С. Г. Лазутин // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 5 / Отв. ред. В. Е. Гусев. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 200 – 218.

²³⁶ Васильева Е. Е. Вертеп и музыка // Традиционная культура: Научный альманах. – М., 2002. – С. 35 – 45.

знаковых символов не только сохраняется традиционная мелодика, но и происходит формирование уже современных культурных практик конкретных этнокультурных групп. Воспроизводство произведений музыкальной фольклорной культуры является одним из главных механизмов формирования уже современного этнокультурного пространства.

Собрание и изучение музыкального фольклора коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Красноярского края, начинается со второй половины XIX в. Собранные материалы и исследования были проанализированы в трудах В. С. Арефьева²³⁷ и А. А. Макаренко²³⁸. В их работах рассмотрены особенности традиционной культуры изучаемых народов, а также выявляют типологические и региональные свойства музыкального фольклора данной области. В исследованиях Е. В. Гиппиуса²³⁹ и П. П. Сокальского²⁴⁰ изложены основные методические принципы ритмической организации народных песен.

В фольклорных песнях именно ритм связывает воедино песенный текст, мелодику и различные типы движений. В песенных традициях музыкальной культуры народов Сибири присутствует две разновидности поэтических строф – рефренные и безрефренные.

В корпусе музыкальных фольклорных текстов песен коренных малочисленных народов Сибири выделяются четыре группы слогоритмической организации.

К первой группе относятся музыкальные сочинения, образованные при помощи семисложных ритмических построений. Формообразующим элементом здесь становится цезурированная организация песен – цезуры в песнях совпадают с текстом и музыкальной организацией.

²³⁷ Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия ВСОРГО. Т. 32. № 2. – Иркутск, 1902. – 126 с.

²³⁸ Макаренко А. А. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX вв.). – Томск, 1962. – С. 221 – 253.

²³⁹ Гиппиус Е. В. Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики и мелодический склад, гармонически опосредованный // Материалы и статьи: к 100-ю Е. В. Гиппиуса / Ред. и сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. – Москва, 2003. – 215 с.

²⁴⁰ Сокальский П. П. Русская народная музыка великорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ гармонической музыки. – Санкт-Петербург, 2016. – 400 с.

Во второй группе произведений музыкальной фольклорной культуры ударные слоги текста не всегда совпадают с акцентами в музыке. Структура композиций данной группы характеризуется равномерной ритмической организацией, количество слогов же в сегменте текста может изменяться в зависимости от времени звучания музыкального фрагмента.

В третьей группе песен мелодия и текст совпадают между собой. Отличительной особенностью его является широкий спектр варьирования ритмо-формул слогового текста. Структурно-композиционное строение данной группы можно назвать неравномерным сегментированным ритмическим периодом.

Четвертая группа представляет собой смешанную композиционную структуру. Начальные периоды этих песен цезурированные, а заключительные сегментированные, т. е. каждое последующее построение подобных песен становится вдвое короче, чем предыдущее.

Главным организующим элементом в традиционной музыкальной культуре является текст структурным элементом, присутствующим во всех музыкальных фольклорных произведениях, становится их агогическое воплощение.

Установление типологических особенностей музыкального фольклора помогает в структурном определении понятия корпуса музыкального текста. Корпусный подход к изучению фольклорных текстов можно увидеть в работах В. Я. Проппа²⁴¹, А. Дандеса²⁴², которые в свою очередь занимались исследованием как определенной социальной, так и географической традиции. По своей структуре корпус фольклорных текстов можно разделить на два вида: обязательный и желательный. В первом случае, как правило, происходит внешнее описание текста – описание источников, жанра, времени и места записи. Второй вид связан с разметкой элементов текста – выразительных средств музыки, различных фрагментов и т. д. В нем всегда присутствуют

²⁴¹ Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – 325 с.

²⁴² Дандес А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сб. статей. – Москва: Вост. лит., 2003. – 278 с.

метаданные о конкретной этнической культуре, которую представляет данный фольклорный текст.

В современной музыкальной культуре коренных малочисленных народов Сибири идет активная популяризация народного песенного творчества как базового элемента современной этнической культуры. Композиторы используют традиционные напевы в своих сочинениях, делая аранжировки и переложения для вокальных и инструментальных ансамблей, тем самым обогащая этнокультурное пространство. Кроме того, преобразовывая архаическое произведение, авторы не только воспроизводят этнические культурные особенности, но и благодаря современным музыкально-выразительным средствам делают свои произведения доступными для воспроизводства с помощью новых музыкальных инструментов, современных исполнителей и трансляции слушателям, использующим возможности современного информационного пространства.

Произведения музыкальной культуры, зафиксированные с помощью современных информационных технологий, актуализируют традиционный процесс передачи культурного наследия. Формирование и воспроизводство музыкальной фольклорной культуры представляет собой определенный культурный процесс, в котором каждая этническая группа через реконструкцию своего исторического прошлого формирует собственную культурную идентичность, в том числе культурное наследие, историческую и культурную память.

Бытие произведений музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири в современном информационном пространстве задает новые способы этнокультурной идентификации. Виртуализация культурного наследия и особое почитание произведений музыкальной фольклорной культуры как наиболее аутентичной, традиционной, укорененной в историческом времени, является способом передачи и актуализации культурных смыслов исследуемых этнокультурных групп, становится одним из основных механизмов в формировании современного этнокультурного про-

странства, а также способом самоидентификации культурных групп и сообществ с конкретным этносом.

Глава 2 Современная информационная среда как фактор этнокультурной идентификации коренных малочисленных народов Сибири

2.1 Современная информационная среда в контексте культуроло- гических исследований

Современная информационная среда – это новое социокультурное пространство, которое способствует раскрытию новых культурных смыслов, в этнокультурном аспекте в том числе. Она базируется на принципах открытости, доступности, многообразия и включенности, а также содействует распространению культурных смыслов в различных социальных группах.

Современное общество с каждым годом все больше и больше испытывает влияние на себе информационного социокультурного пространства. Изучение данного феномена имеет междисциплинарный характер в трудах ученых разных научных направлений: философии, культурологии, социологии, кибернетики, информатики, физики, медиаисследований, коммуникативистики и ряда других. Анализ этих исследований позволяет выявить ряд аспектов понятия «современная информационная среда», а также рассмотреть значение информационной среды для современных социокультурных трансформаций.

Информация – это сложное полифункциональное явление, содержащее в себе множество знаковых элементов, несущих в себе некое смысловое содержание. С помощью информационного пространства в каждом обществе создается особая форма культуры, в которой находят форму для проявления определенные смыслы, явления, языковое своеобразие, а также этнокультурные практики социальной идентификации и самоидентификации.

В философском понимании рассматриваются два различных направления в исследовании данного феномена. Согласно первому, информация – это

атрибут материи, т. е. свойство всех материальных объектов. Вторым подходом связан с изучением функционирования самоорганизующихся систем.

В культурологическом понимании информация включает в себя следующие аспекты: во-первых, в процессе своего потребления информация не исчезает, а остается в культурном пространстве (в том числе, в форме культурного наследия, передаваемого посредством культурной памяти) и может в равной степени использоваться как автором, так и ее потребителем; во-вторых, она имеет множество разных носителей (аудио, видео, книги, интернет и т. п.).

В контексте изучения современной информационной среды появляется новое знание о человеке и обществе. Так, информация является определенной коммуникативной формой, в которой индивид, общество и природа могут обмениваться различными данными, передавая их с помощью вербальных или невербальных способов. Уникальная информация, трансформируясь в знаково-звуковые данные, способствует формированию новой культурообразующей основы. Информация обладает проникающими свойствами, с помощью которых она воздействует на личность и социум, она, в свою очередь, образует своеобразное поле, в котором происходит динамичное развитие всех ее компонентов, в том числе, по внутренним информационным законам.

Информационное пространство обширно, его источники разнообразны. Информация ценна и эффективна в том случае, если она усвоена человеком и преобразована им в теоретическое или практическое знание. Информация, участвующая в процессах идеалообразования той или иной культуры, является культурным кодом, становясь культурной основой. Именно информация, задействованная в процессах создания, воспроизводства и трансляции базовых и периферийных идеалов культуры, создает специфическое культурное пространство, которое, обогащаясь многими динамичными компонентами, изменяется внутри, создавая тем самым и новую информационную среду. Информация может обладать такими свойствами, как достоверность,

обоснованность, надежность, существуют разные способы ее оценивания в контексте адекватности и достоверности.

И. Юзвишин рассматривал информацию «как единое, связывающее всех явление, в котором процесс связки близок к структуре пчелиных сот». Понятие «соты» в его теории – это первичная ячейка самоуправления. «Соты» организуются в соответствии с менталитетом и ценностным ориентированием. «В такой позиции информация мгновенно передается и усваивается. Информация является некой объединяющей константой, переходящей постепенно в социальную коммуникацию»²⁴³.

Информационная коммуникация – это связь коммуниканта с реципиентом, в результате которой происходит передача информации по так называемому «информационному каналу» – реальному или воображаемому. В зависимости от характера передаваемой информации вид коммуникации можно подразделить на идеальный и материальный. Языком информационной среды выступает вербальный текст, образы, базы данных.

На рубеже XX – XXI вв. начинает четко вырисовываться современная картина мира, рассматривающая действительность под особым информативным ракурсом. Информационные процессы в современном мире сложны и затрагивают практически все сферы жизнедеятельности человека. Полученная и преобразованная информация становится необходимой для существования человека в современном мире. Можно сказать, что главной доминантой в этой среде выступает интеллектуальный труд, который существенно меняет сферу жизнедеятельности человека через создание и трансляцию информации разных степеней достоверности.

В современном мире человек, не имея личностного информационного пространства, становится как бы «безличным», потому что именно информация дает современную форму для репрезентации его индивидуальных и социальных качеств. В процессе взаимодействия людей друг с другом происхо-

²⁴³ Юзвишин И. И. Основы информатиологии: учеб. пособие для вузов. – Москва: Высшая школа, 2001. – 596 с.

дит своеобразный «информационно-культурный обмен», где создаются современные межличностные и трансгрупповые межкультурные связи.

Под «современной информационной средой» понимается часть информационного пространства, а также совокупность условий, в которых протекает деятельность современного человека. В. Вернадский, рассматривая подобный феномен, говорил следующее: «Кругом нас, в нас самих, всюду и везде, без перерыва, вечно сменяясь, совпадая и сталкиваясь, идут излучения различной длины волн... Все пространство ими заполнено»²⁴⁴.

И действительно, информационная среда, формируемая вокруг человека, многообразна, неоднородна и индивидуально воспринимаема каждым человеком в отдельности. Информационный бум, усилившийся в эпоху постиндустриального общества, привел к качественно новому восприятию информационного пространства в целом. В результате кардинально изменяется окружающая нас действительность – появляются новые условия для культурного обмена и взаимодействия.

Каждый человек в современном мире может одновременно существовать в нескольких информационных пространствах. При пересечении этих пространств формируется личностное информационное поле человека, на формирование которого ежедневно оказывает влияние развитие современных технологий, новых экономических условий, сетевой связи, телевидение интернет и компьютерные технологии. Современная информационная среда – это жизненная область, представленная культурной, политической, экономической, научной сферами.

Информация полностью создает окружающее человека культурное пространство и социальные отношения. Так, М. Кастельс говорил о том, что «современное общество построено вокруг нескольких потоков: капитала, информации, технологий, организационного воздействия, изображений, зву-

²⁴⁴ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 1989. – С. 8

ков и символов. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки»²⁴⁵.

«Современная информационная среда» в понимании Л. А. Прониной – это «часть информационного пространства, определенная совокупность условий, в которой протекает деятельность индивида»²⁴⁶. Безусловно, знания, накопленные человечеством, помогают обществу не только решать поставленные перед ним задачи, но и сформировать особую информационную культуру.

Создаваемые ресурсы позволяют современному человеку эффективно осуществлять свою деятельность с использованием всех возможностей информационного потока. Информационные ресурсы, являясь сложной организованной системой, взаимодействуют с внешней средой и представляют собой саморазвивающийся динамический объект.

В условиях прогрессирования информатизации в современном мире возникает потребность в употреблении «инфоморфологических понятий «инфофонд» и «инфопоток». Под первым термином принято понимать всю информацию, существующую в данный момент времени в мировом пространстве. В свою очередь под «инфопотоком» понимается та информация, которая в данный момент времени циркулирует в обществе»²⁴⁷.

Передача культурных смыслов от поколения к поколению обеспечивает синхронное движение информационного потока. Анализ конкретного культурного пространства позволяет понять отношение и влияние информации на жизнь общества в тот или иной период времени, т. е. каждый свершившийся факт в культуре – это информационное сообщение, которое может принимать форму культурной памяти и становиться культурным наследием.

«Инфопоток» помогает понять способы культурной трансмиссии, связывающей определенную группу людей в значимые сообщества, с которыми

²⁴⁵ Кастельс М. Информационная эпоха общества и культура. – М., 2000. – С. 315.

²⁴⁶ Пронина Л. А. Информационные технологии сохранения культурного наследия. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 34.

²⁴⁷ Столяров Ю. Н. Сущность информации. – Москва: ГПНТБ России, 2000. – 107 с.

идентифицируют себя эти люди. В процессах информатизации происходят создание и накопление материала, который необходим в дальнейшем для культурной трансмиссии, формировании культурной памяти и создания того или иного объема культурного наследия, которое данная группа «присваивает» себе в процессах идентификации и самоидентификации.

Процессы информатизации, рассматриваемые в качестве динамичного «информационного пространства», где информация создается, принимается, используется и передается, можно назвать «информационно-коммуникативной средой».

Еще один тип современной информационной среды – «межличностная информационная среда». Условно ее можно разделить на две группы – формальную и неформальную. К первой группе принадлежит официальное информационное пространство, вторая группа связана с социальной деятельностью в обществе. Таким образом, первый тип информации позволяет лучше понять сущность профессиональной деятельности, а второй – определить направление «межличностных отношений» и обозначить в ней культурные связи.

«Внутриличностная информационная среда» представляет собой информационный фильтр, создаваемый, например, персонифицированными культурными ценностями, которые в свою очередь складываются под влиянием жизненного опыта, фиксируясь на сознательном и бессознательном уровне человека. Основанием этой среды служит мыслительный процесс. Исследователи выделяют качественные, динамичные, скоростные характеристики процесса формирования внутриличностной информационной среды. Другими словами, аналитическая деятельность производит своеобразный отбор, создает фильтр информационного потока. Данный тип современной информационной среды представляет собой особый мир, подверженный как изменениям, так и имеющий некоторую стабильность, причины которой в целом связаны с личностной и социальной динамикой.

«Массовая информационная среда» складывается из нескольких информационных потоков, переплетающихся друг с другом. В ее структуру входят разнонаправленные аспекты – искусство, религия, научные знания, поп-культура, средства массовой коммуникации.

Общество в контексте исследований современной информационной среде приобретает следующие характеристики:

- 1) возрастает роль информации в целом, а также информация преобразуется в экономический фактор развития;
- 2) соединяются различные коммуникативные технологии;
- 3) выделяется особая группа технологий, способствующих качественной обработке информации и созданию социокультурной информационной среды;
- 4) развиваются творческие способности человека, по определенным закономерностям функционирует культурная память различных сообществ, формируются различные виды культурного наследия, которые присваивают себе те или иные социальные группы.

Для наибольшего понимания феномена «современная информационная среда» необходимо обратиться к анализу позиций ряда современных ученых, рассматривающих данные феномены с культурологических позиций.

С позиции Л. А. Прониной «современная информационная среда – это часть информационного пространства, ближайшее внешнее по отношению к индивиду информационное окружение, совокупность условий, в которых непосредственно протекает его деятельность»²⁴⁸.

В свою очередь М. А. Смирнов говорит о том, что «современная информационная среда» – это «совокупность информационных условий существования субъекта»²⁴⁹.

Т. Ф. Берестова, исследовав данный аспект, рассматривает современную информационную среду как «форму взаимодействия субъектов между

²⁴⁸ Пронина Л. А. Информационные технологии сохранения культурного наследия. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 67.

²⁴⁹ Смирнов М. А. Информационное общество. – М., 2001. С. 50 – 54.

собой и с информационными объектами с целью создания информации и обеспечения условий для ее использования»²⁵⁰.

О. Бунькивская под данным термином подразумевает «совокупность технических и программных средств хранения, обработки и передачи информации, а также политические, экономические и культурные условия для ее использования»²⁵¹.

Современная информационная среда имеет диалектически противоположное назначение. В той мере, в которой она способствует процессу создания, воспроизводства, трансляции базовых и периферийных идеалов, она служит культурному обогащению людей, используя при этом стремительно развивающиеся информационные технологии. Если же современная информационная среда выступает средством радикальной деструкции идеалов, тормозит или ликвидирует процессы идеалообразования или нейтрализует их, делает их несущественными, невидимыми, неслышимыми, исключает их из пространства массовых и межличностных коммуникаций, тогда она не является культуросозидающей и должна анализироваться вне культурного контекста.

В данном диссертационном исследовании за рамками находится второе, деструктивное качество современной информационной среды. Напротив, здесь она рассматривается как один из базовых элементов культурного пространства, способ и механизм формирования этнокультурных идентичностей различных групп, в том числе, коренных малочисленных народов Сибири.

Важным для современных исследователей является сопредельное понятие информационной культуры, которая представляет собой определенный набор знаний, умений и навыков, позволяющих успешно адаптироваться к современной информационной среде и использовать ее ресурсы для самораз-

²⁵⁰ Информационное пространство: понятие и элементарная структура / Т. Ф. Берестова // Библиотеки и музеи – гаранты цивилизованности общества: [Сб. лекций] / Сост. Т. Ф. Берестова ; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2007. – С. 6–38.

²⁵¹ Информатика как наука об информации: сб. статей / Под ред. Р. С. Гиляровского. – М., 2006. – С. 76.

вития и творчества. По мнению В. Н. Михайловского, информационная культура является собой новый тип мышления человека²⁵².

Э. Л. Семенюк, рассматривая понятие информационной культуры, определяет ее как «степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией – получение, накопление, кодирование»²⁵³.

Информационная культура соотносится с другими социальными сферами и имеет различные подвиды, так как каждое этнокультурное сообщество имеет свою систему ценностей, набор знаний, умений и навыков работать с информацией. Каждая этнокультурная группа имеет собственные информационные принципы для организации информационного пространства. Как правило, эти принципы скрыты, но могут быть выделены с помощью анализа информационных контекстов, актуальных культурных практик.

Важным для целей данного исследования является понятие «информационная культура региона». Информационная культура региона представляет собой особый показатель для понимания уровня «информационной развитости» общества, которая выражается в создании и развитии информационно-коммуникативных средств. В свою очередь культура человека также зависит от общества, где она создается и в такой интерпретации, когда человек понимается как некое информационное, культурное звено со своей внутренней причиной реализации разных информационных потребностей.

Таким образом, современная информационная среда представляет собой специфический культурный продукт, в котором основное значение приобретают различные пересекающиеся культурные пространства и коммуникации. Она порождает собственные информационные образы реальности, особый виртуальный мир, активно участвует в создании современных культурных смыслов как глобального, так и локального уровня, как уровня чело-

²⁵² Михайловский В. Н. Формирование научной картины мира. – М., 2006. – 243 с.

²⁵³ Семенюк Э. Л. Информационная культура общества и прогресс информатики [Текст] // НТИ. Сер. 1. – 2014. – № 7. – С. 3.

вечества и сообществ, так и уровня индивида в его конкретных социобиопсихологических аспектах.

Современная информационная среда – это знаковая среда. Это мир смыслов и своеобразное «смыслообразующее окно», через которое человек смотрит на окружающую его действительность. Под выражением «смысловое окно» понимаются идеи²⁵⁴, идеологии, смыслы и значения, определяющие миропонимание и мировоззрение.

Семиотика, исследующая знаковые системы, установила связь между реальным и символическим пространством. В. Кей писал, что «наука и технология в контексте двадцать первого века основана на работе по созиданию символов, которые не только не освободили человека от символической трясины, но и еще глубже поместили его в зависимость от символов и от того, что он считает, они значат или не значат»²⁵⁵.

Рассматривая современную информационную среду через призму общих закономерностей и признаков, можно выделить следующее: во-первых, в связи с глобализацией она постоянно увеличивается, захватывая новые сферы жизнедеятельности человека; во-вторых, имея огромное влияние на жизнь современного человека, в своих ресурсах отражает основные формы социальных отношений между людьми; в-третьих, она способна создавать свою новую виртуальную реальность, свой цифровой мир и новые культурные смыслы в цифровых и электронных форматах, которых ранее не существовало. Современная информационная среда меняет повседневность человека и в ее пространство перемещаются базовые процессы культуры, важнейшие культурные практики, возникают новые кибер-формы традиционных практик и отношений.

Современные исследователи фиксируют появление кибер-этничности, где принадлежность к той или иной этнокультурной группе репрезентируется по преимуществу в виртуальных форматах, в социальных сетях, сетевых со-

²⁵⁴ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М.: «Мысль», 1978. – 623 с.

²⁵⁵ Кей, W. B. Subliminal seduction. A media's manipulation of not so innocent America. N.Y., 1973.

обществах. Различные социальные манифестации сегодня приобретают преимущественно виртуальную форму, одновременно открытую и закрытую. Открытую для интернет-пространства и закрытую для тех, кто не является членом того или иного виртуального социального сообщества.

Таким образом, новая информационная культура позволяет человеку приобщиться к новой кибер-форме социального бытия, для которой характерна дистанционность информационного взаимодействия, интерактивность, анонимность общения, отсутствие социальной иерархии и ряд других характеристики.

С точки зрения теории и истории культуры большое значение имеет тот факт, что в современной информационной среде посредством электронной системы создаются совершенно новые культурные артефакты – различные программы, электронные каталоги, библиотеки, выставки, магазины, базы данных, цифровые образы, цифровые двойники и т. п.

Адаптация человека в мировом информационном потоке зависит от типа данной информации – образной или знаковой. Полушария человеческого мозга выполняют разную функцию. Так, левое отвечает за обработку речевых звуков и логическое мышление, правое же, в свою очередь, – за визуальное восприятие объектов, обработку знаковых элементов. Поэтому механизм адаптации человека к современной информационной среде зависит от типа информирования.

Адаптивный характер культуры при этом можно рассматривать в контексте традиционных культурологических понятий игровой деятельности и «мифотворчества». Согласно научной теории Ф. Х. Кессиди, «главной предпосылкой гносеологического современного мифотворчества выступает надлом в традиционной системе представления мира и общества в целом»²⁵⁶. Высокодинамичное развитие научных знаний и технологий показало, что современному миру нужны новые предпосылки для создания современной научной картины мира.

²⁵⁶ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – Санкт-Петербург, 2003. – 360 с.

Психика современного человека не всегда успешно адаптируется к скорости изменения информационных технологий, а также ежедневно подвергается влиянию средств массовой коммуникации. В таких условиях в психике человека идет накопление любой информации, вне контекста достоверности или недостоверности (о чем говорит активно дискутируемое понятие «пост-правды»), что в свою очередь создает почву для формирования новых «массовых мифов», активно влияющих на всю жизнедеятельность человека, на характер и содержание его решений, на его практики и представления.

Известный культуролог XX в. М. Элиаде пишет о том, что «основное свойство человека – это его постоянное обращение к вечным мифологическим ценностям. Он желает вырваться за пределы обыденности и мифы ему в этом помогают»²⁵⁷. Современные информационные технологии, создавая новую коммуникативную среду, включают в нее не только и не столько знания, полученные с помощью научных методов, сколько формируют новые мифы, запускают современное мифотворчество, которому нынешние технологии не только не мешают, но, наоборот, питают его, создавая новые нарративы, образы, знаки и символы.

Таким образом, информация как феномен не имеет однозначной интерпретации, а создает собственную среду, обозначаемую как «пространство», «поле» или «сфера».

Основные функции современной информационной среды. Современная информационная среда имеет определенное функциональное значение. Для нее характерны основные функции, необходимые для жизнедеятельности человека: коммуникативная, культурная, образовательная, интегративная, социализирующая, творческая.

Коммуникативная функция – одна из наиболее важнейших функций современной информационной среды. Она включает в себя следующие виды коммуникаций:

²⁵⁷ Элиаде М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде; [Пер. с фр. В. П. Большакова]. 4-е изд. – Москва: Акад. проект, 2010. – 251 с.

- 1) интраперсональная – это внутренний диалог с самим собой. Человек общается со своим внутренним голосом, с совестью и т. п.
- 2) межличностная – идеальная модель коммуникации. В подобном виде, как правило, участвуют два коммуниканта;
- 3) групповая – общение происходит внутри группы и между группами;
- 4) массовая – общение происходит только в том случае, если сообщение получает большое количество человек²⁵⁸.

Последний вид коммуникаций получил свое распространение благодаря средствам массовой коммуникации. Ему свойственно использование визуального, аудиального каналов, образная, устная и письменная формы.

Коммуникативная функция имеет следующую структуру: источник – кодирование – сообщение – декодирование – получатель²⁵⁹. В процессе коммуникации главной целью является донесение информации источника до получателя, и процесс передачи информации превращается в определенный код, проходящий определенные этапы своего развития.

Расшифровка кодов требует специальной подготовки слушателя (зрителя, читателя), поэтому очень важна «медиаграмотность» в современном обществе. В зависимости от контекста информации выявляются презентативные и репрезентативные коды²⁶⁰. Первые образуют собой индексальные связи, в которых один знак указывает на другой. Как правило, к данному типу относятся несловесные формы коммуникации – жесты, движения и т. п. Второй тип концентрируется на текстах, существующих независимо от кодировщика, основанием которого служат символические и образные знаки. По степени сложности коды подразделяются на усовершенствованные и ограниченные. К первым относятся музыка и танцы как виды искусства, ко вторым – фольклор, созданный в периоды архаики и традиционного общества и иг-

²⁵⁸ Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. – Воронеж, 2000. – 175 с

²⁵⁹ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М., 2002. – С. 254.

²⁶⁰ Там же С. 267.

рающий роль базиса этнической культуры в обществе модерна и постмодерна.

Современная информационная среда выполняет *культурную функцию*, так как регенерируется из поколения в поколение и тесно связана с конкретными культурными практиками. Для информации, передаваемой с помощью современных технических средств, нет административно-территориальных границ, она всеобъемлюща и носит всепроникающий характер. Одним из немногих ее ограничителей выступает язык.

Связь информации и культуры выражается, как уже было сказано, сложным диалектическим способом. Не всякое циркулирование информации является культурным процессом, но лишь такие процессы, которые участвуют в процессах создания, воспроизводства и трансляции базовых и периферийных идеалов культуры. Если по сети распространяется информация деструктивного и/или криминологического характера, то ни сама информация, ни процесс ее распространения не являются культурными, имеющими отношение к общечеловеческой или локальной культуре. Хотя в современной теории культуры встречается понятие «криминальной субкультуры», но оно требует особого анализа и обширной дискуссии и, как правило, связано с феноменом «переворачивания» идеалов культуры, наделением культурными смыслами явлений, процессов и практик, которые культурными в сущностном смысле не являются.

С учетом данной позиции можно сформулировать, что культура эффективно функционирует при помощи механизмов сбора, хранения и распространения информации о среде, в которой запускаются и протекают процессы идеалообразования.

Таким образом, информация и культура представляют собой две взаимопроникающие сферы, при взаимодействии которых рождается информационная культура.

«Подобный уровень знаний позволяет человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и

способствовать информационному взаимодействию»²⁶¹. Информационная культура является главной характеристикой в показании уровня развития народности, а также способом определения сфер деятельности человека – быта, культуры труда, художественной культуры и т.д. Она является продуктом творческих способностей человека, а также «становится содержательной стороной субъект-субъектных и объект-объектных отношений, фиксированной с помощью материальных носителей»²⁶².

В контексте проблематики изучения современной информационной среде культура рассматривается как определенная система культурно-информационных отношений, посредничества – медиации. Ее изучение происходит через понятие «медиа». Культура определяется как специфическая система культурно-информационных связей, в которой вербальный и невербальный текст, образы, базы данных транслируются с помощью информационных технологий.

В современных медиаисследованиях ученые анализируют понятие «медиакультуры». Исследуя современную «медиакультуру», Н. Б. Кириллова говорит о ней как о «совокупности информационно-коммуникативных средств, выработанных человеком в ходе культурно-исторического развития, способствующей формированию и социализации личности»²⁶³.

Современное медиапространство создает новые возможности для коммуникации. Выделяются три основных фактора, влияющих на межличностное общение между людьми:

- 1) пространственное расширение / сжатие (пространственное ограничение расширяется с помощью коммуникации);
- 2) временная трансгрессия (произошедшие события транслируются в настоящем времени);

²⁶¹ Мечинаева Е. А. Основы информационной культуры // СОЦИС. – 1994. – № 11. – С. 59.

²⁶² Соснина Г. Н., Гончуков П. Н. Словарь трактовки понятий «информация». – М., 1997. – С. 48.

²⁶³ Кириллова Н. Б. Медиакультура : от модерна к постмодерну / Наталья Кириллова. – М.: Акад. Проект, 2005. – 445 с.

3) трансцендирование своего опыта знаний (коммуникация позволяет выйти за физические пределы человека)²⁶⁴.

Коммуникация является одним из культуuroобразующих факторов, непосредственно участвующих в этносоциокультурном становлении человека. «Поскольку культура вводится и передается посредством коммуникации, сами культуры, т. е. наши исторически построенные системы верований и кодов под влиянием новой технологической системы подвергаются фундаментальному преобразованию»²⁶⁵.

Коммуникационные технологии способствуют приобретению человеком не только новых социально-интеграционных процессов, но и помогают перенять определенный опыт самоидентификации через понятийное восприятие временного пространства, а также с помощью собственного конструирования современной информационной среды²⁶⁶.

Благодаря информационным технологиям музыкальная культура сегодня существует и воспринимается не только в пределах какого-либо региона или замкнутых общественных систем, а выходит за их границы, принимая виртуальную цифровую форму.

Интегративная функция современной информационной среды формирует основные жизненные ориентиры человека и помогает в его становлении как личности. Некоторые мыслители обратили, внимание на то, что в современном мире человек значительно реже берет информацию из экзистенциального опыта (первичной социализации, вторичной социализации и т.д.), знакомство с информацией осуществляется через средства массовой коммуникации²⁶⁷. В результате этого происходит формирование «медиамифологизированных» представлений об окружающей его реальности. Все чаще современные молодые люди имеют дело с медиатизированными источниками, чем с природными и социальными, данными им в непосредственном взаимо-

²⁶⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2003. – С. 27.

²⁶⁵ Кастельс М. Информационная эпоха общества и культура. – М., 2000. – С. 315.

²⁶⁶ Марков Б.В. Человек в эпоху масс-медиа // Информационное общество. – М., 2004. – С. 452.

²⁶⁷ Там же. С. 458

действию. К числу медиа, конечно, относятся и вербальные тексты, и книги. Но для современного этапа культуры характерен переход преимущественно от вербального текста как источника информации к преимущественно образам и/или базам данных.

Таким образом, современная информационная среда выполняет множество функций, интегрируя деятельность человека и создавая новые культурные практики. Кроме того, при определенных условиях (указанных ранее) она выполняет функцию агента культуры и выступает средством «вторичной» социализации, замещая первичную – жизненный опыт человека²⁶⁸.

Современная информационная среда является многоуровневым образованием, ее восприятие определяется рядом условий, состоящих из индивидуальных информационных и коммуникативных особенностей каждого индивида, сообществ и средств массовой коммуникации.

Современная информационная среда в музыкально-культурном аспекте. Современные культурные практики тесно связаны с процессами индустриализации, развитием массовых коммуникаций и постиндустриальными трансформациями. Они формируют особую медиатизированную культурную среду, в которой одно из главных мест отводится музыкальной культуре.

Музыкальная культура в ее современном статусе представляет собой чрезвычайно медиатизированную сферу художественной деятельности. В современном мире музыка присутствует практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Кроме того, она создает особый социокультурный, знаково-семиотический и информационный пласты, где звучание музыкальных произведений становится неотъемлемой частью повседневной жизни с помощью использования самых разных технических средств – радио, телевидения, электронных носителей, интернет-пространства и т. д.

Современная музыкальная культура – это уникальное информационное пространство, в котором соединяются воедино звучание музыкальных произведений разных жанров, традиций, обрядовых образцов и т. п.

²⁶⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 320.

М.С. Каган обращал внимание на целостность и системность музыкальной культуры. Исследователь отмечал, что «музыкальная культура – это не просто сосуществование разных видов, жанров искусства, а определенное движение согласно определенным художественно-эстетическим законам»²⁶⁹.

Современная информационная среда имеет тесную связь с музыкальной и художественной культурой. Музыкально-аудиальное пространство – это важнейший компонент жизненного пространства современного человека. Б. В. Асафьев связывал интонационную область музыки с процессами, происходящими в общественном сознании. Согласно его умозаключениям, «интонационное мышление тесно связано с той или иной культурой и представляет собой единый информационный процесс, интеллектуально управляемый субъектом»²⁷⁰.

В современном мире музыкальная культура с каждым годом становится более медийной и все больше связанной со средствами массовой коммуникации, которые не только создают музыкальную информативную базу, но и сохраняют ее, воспроизводят и транслируют. Медийные формы музыкальной культуры активнейшим образом участвуют в процессах идеалообразования, а, следовательно, создают культуру как различных сообществ, так и универсальную полифоническую человеческую культуру. В современной информационной музыкальной культуре возникают и становятся все более востребованными новые формы и способы существования музыки: on-line-трансляция, новые способы и методы кодировки музыкального текста, звукозапись и т. д.

Звучание музыки образует особое информационное пространство, а нахождение человека в постоянно звучащей аудиально-музыкальной среде носит диалектический характер: с одной стороны, идет процесс художественного познания, процесс овладения различными образцами музыкального искусства, а с другой стороны, восприятие иных аудиальных текстов мо-

²⁶⁹ Каган М. С. Философия культуры: Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 1996. – 310 с.

²⁷⁰ Асафьев Б. В. О народной музыке / Сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. – Л.: Музыка, 1987. – 248 с.

жет привести к психологической и социальной деструкции, способствовать закреплению отнюдь не позитивных культурных практик.

Чаще всего современные исследователи обращают внимание на первую, позитивную часть процесса взаимодействия реципиента и аудиального (музыкального) текста. Так, рассматривая современную музыкальную среду с позиции культурологического знания, Г. Л. Ермаш отмечает, что «через общение с музыкальной средой люди обогащают свой внутренний мир. Если художник способен обогатить людей прекрасными, социально ценными настроениями, чувствами, то его творчество становится сосредоточением духовной жизни общества, источником его обогащения. Основой для всего этого является чувственное, эмоциональное восприятие мира»²⁷¹.

К позитивным проявлениям современной музыкальной информационной среды относятся ее интеллектуальная направленность, обеспечивающая личностное развитие способностей – аналитических, оценочных, способности к осмысленному общению с произведением музыкальной культуры.

Музыкальная среда, с точки зрения ряда исследователей, включает в себя следующие свойства:

- рационализм;
- динамичность;
- гармоничность;
- коммуникативность;
- смысловая наполненность²⁷².

При изучении музыкальной среды ученые выделяют ее основные виды:

1) *культурный* – вид музыкальной среды, в котором главным компонентом является его интеллектуальная наполненность, обеспечивающая развитие разных способностей человека – способность к рассуждениям, сравнениям, оцениванию.

²⁷¹ Ермаш Г. Л. Творческая природа искусства. – М.: Просвещение, 1977. – С. 28.

²⁷² Уколова Л. И. Культурная музыкальная среда как фактор развития аналитических способностей личности // Культура, наука, образование. – М., 2016. – С. 234 – 239.

2) *стихийный* – вид музыкальной среды, формирующийся в результате непосредственного и опосредованного влияния различных природных и социальных факторов на процессы жизнедеятельности человека²⁷³.

Одной из главных особенностей музыкальной среды является её способность активно взаимодействовать с реципиентом (исполнителем, слушателем), именно музыкальные произведения в их взаимодействии с исполнителями и/или слушателями являются одними из главных факторов в формировании культурных ценностей различных сообществ. Музыкальная среда образуется в результате взаимодействия человека со «звуко-временным потоком», который создается исполнением/слушанием музыкальных произведений. Элементом музыкальной среды является музыкальный художественный образ, который возникает в процессе взаимодействия реципиента с музыкальным произведением и существует ровно столько, сколько длится самое это взаимодействие²⁷⁴.

Современная информационная среда в культурологическом аспекте понимается как динамичное художественное пространство. Ее характерной особенностью является способность формировать гармоничность, что является важным в процессах создания, воспроизведения и трансляции культурных ценностей посредством создания и воспроизводства музыкальных художественных образов. Музыкальные художественные образы как базовый элемент музыкальной среды имеют разные художественные основы – «живое» вокальное и/или инструментальное исполнение, звучащие аудио и/или видеозаписи, фрагменты документальных и художественных фильмов, саундтреки к фильмам, анимационному кино, аудио-музыкальное сопровождение видео-и компьютерных игр и т.д.

²⁷³ Мельникова Т. Ю. Музыкальная среда как феномен информационного пространства // Вестник Мазырского Педагогического университета им. И. П. Шамякина. – 2018. - № 1. – С. 97 – 101.

²⁷⁴ Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное мышление и его функции // Педагогика искусства. – 2012. – № 1. – С. 61-75; Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное мышление исполнителя и слушателя как основа процесса трансляции культурных ценностей // Педагогика искусства. – 2012. – № 3. – С. 91-104; Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное искусство в системе ценностей культуры. Красноярск: изд-во Сибирского федерального университета, 2009.

Музыкальная культура через «запуск» специфических процессов идеалообразования способствует созданию и трансляции культурных ценностей. Ценностное освоение мира – одна из особенностей социобиоантропологических процессов. По утверждению ряда мыслителей, создающих аксиологию культуры, ценности имеют иерархию. Со времен Пифагора существует интеллектуальная традиция отношения к музыке как «гармонии сфер», как отражению высших эталонов в земной жизни людей. Познание природы музыкального искусства – это «познание диалектики жизни, ее противоречий и конфликтов»²⁷⁵.

Музыкальная культура – это процесс идеалообразования, где эталоны и идеалы создаются в процессах формирования музыкального художественного образа, посредством восприятия слушателем («идеальным слушателем» является исполнитель) музыкального произведения. Таким образом, идеалы, формируемые посредством музыкальной культуры, имеют особую музыкальную форму, зафиксированную с помощью специфического музыкального языка (звуков, ритмов, тональностей, интонаций и т.д.).

Н. В. Солнцев и К. Н. Костриков отмечают, что «основной атрибут культуры – это рефлексия»²⁷⁶. В какой-то мере с ними можно согласиться, обращаясь к понятию аудиального мышления и его высшей формы – музыкального мышления. Аудиальное и его высшая форма – музыкальное – мышление представляют собой аспект синтетического мышления, где чувственный и рациональный способы познания создают в особом синтезе т.н. «вторичную» чувственность (термин В.И. Жуковского и Д.В. Пивоварова). Эта вторичная чувственность складывается, в том числе, с помощью рефлексии, хотя в основе ее лежит формирование т.н. «визуального понятия», «аудиального понятия», когда художественное произведение является шедевром, а реципиент (зритель, слушатель) способен создавать свои художественные

²⁷⁵ Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. – М.: Музыка, 1976. – 253 с.

²⁷⁶ Костриков К. Н. Музыка в художественном пространстве отечественной культуры: истоки, становление, развитие перспективы: Ч.1/ К. Н. Костриков, А. И. Щербакова. – М., 2009.

образы, применяя интеллектуальные способности, запуская особого рода рациональные процессы, связанные с пониманием идеи, явленной в форме музыкального произведения.

Музыкальная культура может быть рассмотрена в историческом плане. Существует огромное множество подходов к классификации этапов культурного развития сообществ. Для целей диссертации лучше всего воспользоваться подходом, который разработал А.Г. Дугин и который связан с выделением премодерна (архаичности и традиционности), модерна и постмодерна как типов общества, так и исторических типов культур. Преимуществом этого выделения является возможность увидеть, что в одном пространственно-временном континууме могут сосуществовать различные социальные типы и различные культурные практики, характерные для того или иного типа общества. Ряд исследователей полагают, что такая поликультурность и разнообразие как раз являются отличительными особенностями модерна и/или постмодерна. Так или иначе, в современном мире мы имеем дело с различными культурными пространствами – от традиционного и даже архаичного – до современного и постсовременного.

Традиционные культуры существуют в современном мире редко сами по себе, чаще – как культурная память, функционирование которой создает сумму культурного наследия. Процесс возникновения традиции и её передачи А. М. Мехнецов понимал следующим образом: «действие – восприятие – сохранение – воспроизведение»²⁷⁷.

«Носителем», единицей культурной памяти о традиционной культуре той или иной этнокультурной группы очень часто выступает фольклор. Это верно и в контексте изучения музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири (проживающих на территории Красноярского края, в том числе). Этнокультурные группы коренных малочисленных народов Сибири ядром своего культурного наследия считают фольклорные (в том числе,

²⁷⁷ Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры / Русская народная песня. Стилль. Жанр. Традиция (сборник статей). – Л., 1985. – С. 6.

музыкальные) культурные тексты, воспроизводство и трансляцию которых они считают частью этнокультурных идентификационных и самоидентификационных процессов.

Исследование фольклорных традиций коренных малочисленных народов Сибири выявляет ряд закономерностей, характерных для культурных практик обращения к фольклору.

Одной из особенностей фольклорного текста исследователи называют дифференцированность элементов, составляющих структуру фольклорного текста, с позиции относительной их устойчивости и подвижности²⁷⁸.

Особенности фольклорного текста описываются следующим образом:

1) в них воплощены элементы прошлого, освоенные и примененные в настоящем опыте;

2) в них возникает и преобразуется тематизм в зависимости от качеств изменений – временных, постоянных, случайных;

3) они инерционны и образовались с помощью воспроизводства культурных практик «далекого прошлого». В данном аспекте фольклорный текст полностью или частично утрачивает свое первоначальное содержание и сохраняется благодаря консервативности самой традиции²⁷⁹.

Одной из основных форм музыкального фольклора являются песни. Фольклор практически всех известных этнокультурных групп отличается т.н. «песенностью». Песни, имеющие различные музыкальные характеристики, возникают в процессах осуществления архаичной и традиционной обрядово-бытовой культурной практики (отличающей одну этнокультурную группу от другой или, наоборот, объединяющей людей в этнокультурную общность) и формирования образно-смысловых комплексов, которые соответствуют разным музыкально-стилевым формам.

Совокупность фольклорных музыкальных произведений, созданных в определенные исторические периоды и воспроизводящихся как существенно

²⁷⁸ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993. – С. 7.

²⁷⁹ Там же С. 12

значимое культурное наследие той или иной этнокультурной группы, формирует художественно-образную и знаково-символическую системы, определяющие этнокультурную специфику сообщества. Большинство существующих этнокультурных групп активно воспроизводят и транслируют в современной информационной среде произведения музыкального фольклора, превращая это воспроизводство в один из базовых процессов этнокультурной идентификации и самоидентификации.

Музыкальная культура (прежде всего, музыкальная фольклорная культура) коренных малочисленных народов Сибири сформировалась в результате взаимопроникновения различных культурных практик, присутствующих в ней как в социально-историческом, так и художественно-творческом контекстах. Главной её особенностью, которая может выступить предметом культурологического исследования, является наличие четких мелодических закономерностей – принципов строения, типов интонирования, способов распева, а также ясно фиксирующегося взаимодействия мелодической линии с поэтическим языком.

Исследовав характерные особенности современной информационной среды и способы ее влияния на жизнедеятельность человека, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, современная информационная среда выполняет ряд функций, характерных для нового актуального качества социокультурного пространства. Именно информационная среда создает и воспроизводит качество культуры «быть современной» (если участвует в процессах идеалообразования).

Во-вторых, становясь с каждым годом более доступной для поиска и обмена информацией самым различным (большим и малым) сообществам, современная информационная среда создает необходимые условия для таких уникальных этнокультурных групп, какими являются коренные малочисленные народы Сибири, сохранять и воспроизводить свою этнокультурную идентичность не только с помощью традиционных культурных практик, но и

с помощью медиатизированных культурных технологий в киберпространствах.

В-третьих, современная информационная среда тесно связана с художественной культурой, прежде всего, визуальной и аудиальной (музыкальной). Игровые внутри- и межкультурные взаимодействия, новое технологическое мифотворчество создают новые культурные практики, в которых традиционные художественные практики обретают новую жизнь и новые форматы.

Через сохранение, воспроизводство и трансляцию образцов традиционных музыкальных произведений современные композиторы воссоздают эталонные образы традиционной этнической музыкальной культуры, а также формируют новое этномузыкальное пространство, в котором исполняются и воспринимаются реципиентами произведения музыкальной культуры, содержащие традиционные музыкальные форматы.

Исследование современной информационной среды – это исследование современных способов коммуникации отдельных людей, социальных групп, сообществ, человечества в целом, так как она взаимосвязана со всеми сферами жизнедеятельности современного субъекта. Современная информационная среда выступает определенным пространством для творчества, опосредует способы мышления, психологические особенности человека, предоставляет актуальные форматы для множества социальных явлений, в том числе культурного наследия, исторической и культурной памяти.

Современная информационная среда, выступающая в роли информационного культурного элемента «большого» социокультурного пространства, является многоуровневым образованием, в котором соприкасаются и влияют друг на друга индивидуальные культурно-коммуникативные особенности каждого участника, а содержание данной среды определяет культурная специфика всех социальных групп, участвующих сегодня в процессах виртуальной массовой коммуникации.

Создание современной информационной среды представителями этнокультурных групп коренных малочисленных народов Сибири очень часто связано с созданием специальной информационной формы для культурного наследия в виде музыкальной фольклорной культуры и представляет собой культурный идентификационный процесс, в котором каждая этническая культура через реконструкцию своего исторического прошлого формирует современные механизмы для воспроизводства собственной уникальной культурной идентичности.

2. 2 Формирование информационного образа музыкальной фольклорной культуры коренных народов Сибири (эвенков, долган, селькупов)

Коренные малочисленные народы Сибири – это народы, компактно проживающие на территории Российской Федерации, сохранившие до сегодняшнего дня традиционный образ жизни, ведущие промысловую и хозяйственную деятельность и имеющие собственную культурную идентичность. Из них на территории Красноярского края проживают такие этнокультурные группы как долганы, чулымцы, нганасаны, энцы, ненцы, селькупы, кеты, эвенки, эвены, нанайцы, ханты. Представителей этих этнических групп осталось немного. Российское государство берет на себя заботу о сохранении традиционной культуры уникальных малых этносов, что отражено в нашей Конституции. Поэтому возникает необходимость в изучении их быта, фольклора и культуры в целом.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., численность малочисленных народов Сибири в Туруханском районе составила 1509 человек: кетов – 926 человек, эвенков – 194 человека, селькупов – 373 человека, долганов – 3 человека, ненцов – 12 человек, хантов – 1 человек. В Эвенкийском муниципальном районе проживает 15425 человек. Здесь соседствуют между собой такие народности как эвенки - 3912, русские – 9088, кеты – 957 и якуты – 1468. В Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе проживает 10 132 человек, это долганы – 5816, ненцы – 2845, нганасаны – 807, эвенки – 437, энцы – 227. В Северо-Енисейском районе проживает в основном русское население, но в некоторых поселках можно встретить представителей эвенкийской малой группы (в поселке Вельмо – 17, в Северо-Енисейске – 6 человек).

Музыкальный фольклор малочисленных народов Сибири – явление социокультурное, имеющее глубокую традиционную основу. Каждая интонация и слово имеют глубочайшее смысловое значение в духовно-творческой практике этих этнокультурных групп. В традиционной музыкальной культу-

ре коренных малочисленных народов Сибири наблюдается взаимопроникновение, смешение элементов, жанров, стилистических особенностей, которые образуют сложное музыкально-культурное пространство.

Исследование особенностей музыкальной культуры коренных народов Сибири привлекает внимание не одно десятилетие, как этнографов, так и профессиональных музыковедов. Проблемы исследования феномена музыкальной фольклорной культуры раскрываются в трудах Б. В. Асафьева²⁸⁰, Э. Алексеева²⁸¹, А. Н. Сохора²⁸², А. П. Милки²⁸³, И. И. Земцовского²⁸⁴ и др.

Изучению интонационных особенностей в традиционной музыке коренных малочисленных народов Сибири посвящены научные труды Л. Я. Штернберга²⁸⁵, И. М. Сулова²⁸⁶, Г. М. Василевич²⁸⁷, Ю. И. Шейкина²⁸⁸ и др.

Редчайшие образцы музыкальной фольклорной культуры Севера и Сибири представлены в работах А. Ф. Миддендорфа²⁸⁹, И. М. Сулова, А. М. Айзенштадта²⁹⁰, Е. В. Гиппиуса²⁹¹.

Особенное значение в культурном наследии всех этнокультурных групп имеет фольклор. Одной из главных особенностей музыкального фольклора коренных народов Сибири является его неоднородность, определяемая

²⁸⁰ Асафьев Б. В. О народной музыке / Сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. – Л.: Музыка, 1987. – 248 с.

²⁸¹ Алексеев Э. Фольклор в контексте современной культуры: Рассуждения о судьбах народной песни / Э. Алексеев; ВНИИ искусствознания. – М.: Сов. композитор, 1988. – 236 с.

²⁸² Сохор А. Н. Социология и музыкальная культура / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Москва: Сов. композитор, 1975. – 202 с.

²⁸³ Милка А. П. Теоретические основы функциональности в музыке. – Л.: Музыка, 1982. – 150 с.

²⁸⁴ Земцовский И. И. Фольклор и композитор: Теоретические этюды о русской советской музыке. – Ленинград; Москва: Сов. композитор. Ленингр. отд-ние, 1978. – 174 с.

²⁸⁵ Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиялцкокого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом: Т. 1. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1908. – С. 30.

²⁸⁶ Сулов И. М. Социальная культура тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски // Северная Азия. – № 1. – 1928. – 178 с.

²⁸⁷ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Под ред. Я. П. Алько-ра. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 290 с.

²⁸⁸ Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнит.-ист. исслед. / Ю. И. Шейкин; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т проблем малочисл. народов Севера [и др.]. – М.: Вост. лит., 2002. – 716 с.

²⁸⁹ Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. – Ч. 1, отд. 1: География и гидрография. – 1860. – С. 189 – 314.

²⁹⁰ Айзенштадт А. М. Песенная культура звенков / А. М. Айзенштадт; Под общ. ред. В. М. Ковальчука; Ком. по делам культуры и искусства администрации Краснояр. края. Гос. центр нар. творчества Краснояр. края, Упр. культуры и кино Администрации Эвенк. авт. округа. – Красноярск: Кн. изд-во, 1995. – 286 с.

²⁹¹ Гиппиус Е. В. Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный // Материалы и статьи: к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. – Москва, 2003. – С. 112 – 168.

социальными и природными факторами. При этом жанровый состав произведений, составляющих основу музыкальной фольклорной культуры, достаточно разнообразен: календарно-земледельческий цикл, песенная лирика, эпос, обрядовые песни.

Все исследователи отмечают, что на формирование фольклора коренных малочисленных народов Сибири огромное влияние оказали природно-климатические и хозяйственно-экономические условия. К этим условиям были приспособлены все бытовые культурные практики – изготовление одежды, строительство жилищ, исполнение календарно-обрядовых праздников и т. п.

Особый интерес к традиционной музыке коренных малочисленных народов Сибири возник во второй половине XX в. Народы, компактно проживающие в экстремальных климатических и ландшафтных условиях, смогли не только выжить, но и сохранить свои уникальные музыкальные культуры. «Песенная культура малочисленных народов Сибири отличается тематическим разнообразием, а также характерными областными музыкальными особенностями. Так, например, одна и та же песня, исполняемая в разных областях, приобретает своеобразное, интонационно-новое звучание»²⁹².

В досоветский период музыкальная культура народов Сибири почти не изучалась. В советский период она стала предметом серьезного исследования композиторов, музыковедов и этнографов. Особый интерес к традиционной музыкальной культуре коренных малочисленных народов Сибири возникает во второй половине XX в. С этого времени начинается систематическое исследование фольклора как особой научной предметности. Фольклор рассматривается как своеобразное воплощение культурных традиций этноса²⁹³.

Традиция понимается здесь как зафиксированный в специфических культурных практиках социально-групповой опыт. Она воплощается в уст-

²⁹² Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 8 – 17.

²⁹³ Винокурова У. А. Воспитание и образование детей народов Севера. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1997. – 218 с.

ном и письменном народном творчестве. В первом случае информация передается из «уст в уста» от поколения к поколению. Во втором – традиция фиксируется с помощью исследовательской деятельности ученых. Если фиксированная информация может существовать неопределенное время относительно независимо от реципиентов в материализованной форме (например, книжных текстов, записей, оцифрованных источников и т.д.), то устное творчество существует только тот период времени, пока есть носитель культурной памяти. И. Земцовский, рассматривая данный феномен, отмечал следующее: «Традиционность касается в фольклоре всего без исключения, начиная от особого склада мышления, от мировоззрения, не подверженного моде, от особой точки зрения на жизнь и историю...и кончая манерой звукоизвлечения»²⁹⁴.

Важнейшим элементом музыкальной фольклорной культуры является песенный стих как носитель различных типов музыкально-песенной ритмики.

Корпус песенных текстов фольклора представляет собой поле для культурологического исследования. Его графическая запись выступает основой для исследования особенностей конкретного текста. Одним из важнейших свойств фольклора является его вариантность. В письменной фиксации текста подобное свойство часто утрачивается. Чем подробней фонетически записан музыкально-речевой текст, тем больше в этой записи отражается информация о его вариативности. В связи с этим при использовании разных видов графической записи исследователь применяет различные модели для его изучения, соотносимые с восприятием звучащего текста.

Велика также роль письменных текстов, которые представляют собой неотъемлемую и значимую часть текстовой базы и являются в дальнейшем предметом исследования.

²⁹⁴ Земцовский И. Народная музыка и современность (К проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор. – М., 1977. – С. 56.

Для комплексного изучения особенностей музыкального языка и песенного текста исследователи предлагают руководствоваться тремя методическими подходами:

- 1) экспериментальный подход с привлечением к исследованию носителей языка изучаемой культуры;
- 2) инструментальный анализ материала;
- 3) репрезентативное исследование корпусов музыкальных текстов²⁹⁵.

Восприятие звучащего текста структурно связано с разворачивающимися во времени объектами. Любой объект восприятия характеризуется структурированностью, целостностью, а также обладает относительной самостоятельностью. Так как звучание текста разворачивается в соответствии с психофизиологическими возможностями конкретных реципиентов, только некоторые элементы текста воспринимаются реципиентами, но не весь объем музыкально-речевого текста. В свою очередь реципиент с помощью «вторичной чувственности»²⁹⁶ наделяет воспринимаемый текст значениями и смыслами.

Для исследования текстов и речи лингвокультурологи используют термины идентификации и сегментации. Сегментация – это членение речевого континуума на участки, отвечающие тем или иным языковым единицам. Идентификация обозначает отождествление вычлененных единиц соответствующим единицам системы²⁹⁷.

Сегментация как инструмент исследования применяется на разных этапах восприятия. В момент восприятия человек не может оперировать полным текстом, а также декодировать текст по минимальным структурным едини-

²⁹⁵ Консон Г. Р. О методе целостного анализа музыкального произведения/Г. Р. Консон // Художественное образование и наука. – 2015. - № 2. – С. 37 – 39.

²⁹⁶ Жуковский В. И., Пивоваров Д. В. Зримая сущность:(Визуал. мышление в изобразительном искусстве). Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991.

²⁹⁷ Кузьмина Е. Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 5–12.

цам. Обращаясь к эффективным способам восприятия, человек использует более крупные сегменты – слова, синтагмы и целые предложения²⁹⁸.

Важным аспектом в изучении музыкально-речевого текста становится его ритмическая структурная организация. Она представляет собой один из важных признаков словоформы, так как в тексте музыкального произведения разные словоформы могут обладать разными акцентными контурами.

Корпус музыкальных текстов как основа музыкальной фольклорной культуры представляет собой единство поэтического текста, нотного материала, аудиозаписей отдельных музыкальных фрагментов, видеозаписей, фотоиллюстраций, а также некоторых комментариев исследователей. Изучение музыкального фольклора строится на его многомерном исследовании, применяя междисциплинарный подход.

В качестве инструмента для систематизации текста музыкального фольклора используется формула – поэтическая строка, обладающая грамматически-синтаксическим строением, обладающая ритмическим единством и способностью к передаче определенного образа²⁹⁹. Особенно эффективен данный метод для исследования обрядовых текстов.

Исследования музыкального фольклорного текста включают в себя экстратекстуальный и внутритекстовый факторы, в которых каждому тексту дается жанровая характеристика, основывающаяся на традиционном определении³⁰⁰. Каждый из жанров имеет свои сюжетные характеристики в соответствии с традиционными представлениями о жанровых особенностях исполняемого текста. Фольклорные тексты представляют собой некий архаизированный культурный образ этноса, так как в них нет описаний современных повседневных культурных практик, а сам текст был записан в XIX-XX вв. Основным принципом классификации музыкальных фольклорных текстов является их функциональный признак, отражающий связь описываемых яв-

²⁹⁸ Там же С. 7

²⁹⁹ Баранов А. М. Корпусная лингвистика// Баранов А. М. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001. – С. 45

³⁰⁰ Там же С. 67.

лений между собой. Сюжеты разделены на категории согласно своей смысловой роли в тексте³⁰¹.

В музыкальной фольклорной культуре коренных малочисленных народов Сибири большую роль играют песни, которые, как правило, имеют разную жанровую направленность, где описывается как материальная, так и духовная традиционная культура. В них представлено как описание национальных бытовых предметов, одежды, так и чувственные переживания, связанные с любовной лирикой, обрядовыми действиями. В песнях, связанных с промысловой деятельностью, воспеваются красота родных мест, повадки зверей, способы и приемы охоты на зверей. «Образы природы, особенно в старинных песнях, преобладают над личными переживаниями. Очень часто природа одушевляется, это связано прежде всего с психологией человека родового строя. Много песен у перечисленных народностей связано с промыслом, так как основным занятием была охота и рыбная ловля, от их удачи или неудачи зачастую зависела их жизнь»³⁰².

В песнях в качестве художественного материала сюжетом выступают быт и обычаи – культурные практики архаической и традиционной эпох. Значительное место принадлежит жанру лирических и шуточных песен. В начале XX в. появляются песни социально-бытовых и даже политических сюжетов. Трудовые и исторические песни в музыкальной фольклорной культуре сибирских коренных этносов встречаются довольно редко, исследователи полагают, что это обуславливается несколькими причинами: во-первых, специфика охоты и рыболовства предусматривает соблюдение полной тишины, во-вторых, в импровизационном фольклоре исторические песни, как правило, не прививались, став частью устного творчества³⁰³.

³⁰¹ Голованов И. А., И. Г. Казачук Национальные ценности в фольклорном тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 4. – С. 145 – 148.

³⁰² Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 8 – 17.

³⁰³ Толмачев Ю. А. Народное музыкальное творчество: учебное пособие / Ю. А. Толмачев. – Тамбов, 2006. – С. 55.

Долгое время песни коренных малочисленных народов Сибири не имели нотной фиксации, и произведения музыкальной фольклорной культуры передавались с помощью изустной традиции. В связи с этим одна и та же песня в разных регионах или даже в разных жилищах получала новые художественные элементы. Импровизационными были всевозможные заклинания, колыбельные, похоронные и свадебные песни – при каждом их исполнении вводились новые мелодико-ритмические и поэтические вариации, но с течением времени наиболее выразительные попевки закреплялись и совершенствовались. В результате естественного и закономерного расширения родовых связей расширялись и границы распространения общего для данных этнокультурных групп музыкального фольклора, а тексты его произведений с каждым периодом времени становились все устойчивей. Постепенно появляются и оформляются песни, отличающиеся от напева-импровизации, – это конкретные музыкальные образцы с устойчивыми ладовыми и структурными признаками.

Рассмотрим процессы воздействий музыкальной фольклорной культуры на этнокультурные идентификации и самоидентификации коренных малочисленных народов Сибири нескольких этнических групп, компактно проживающих в Красноярском крае, а именно – эвенков, селькупов и долганов. В ходе исследования традиционной музыкальной фольклорной культуры будут выявлены характерные особенности музыкальной фольклорной культуры каждой этногруппы с помощью культурологического анализа конкретных произведений музыкальной фольклорной культуры.

Этнокультурные особенности эвенков в области музыкального искусства. Изучение эвенкийской культуры начинается с 20-х гг. XX в., а музыкальная культура эвенкийского народа является предметом специального рассмотрения и представлена ограниченным количеством фактологических данных.

Одно из главных мест в традиционной культуре эвенков принадлежит эпическому фольклору. Так, исследователи выделяют в нем две крупные

сферы: «*нимнзакан*» – космологические, тотемические мифы, сказочно-мифологический эпос и «*тэлэнг*» – бытовые рассказы, легенды и исторические предания.

Музыкальная культура эвенков представляет собой не только совокупность отдельных жанровых образований, но и развернутую разноуровневую сложноорганизованную систему. В обрядовом фольклоре выстраивается целый этнокультурный комплекс специфических культурных практик: обряды жизненного цикла (родильные, свадебные, похоронные), ритуалы, шаманские обряды, медвежий праздник.

И. М. Суслов при исследовании музыкальных особенностей эвенкийской культуры отмечал функциональность их музыкальных произведений и вовлеченность во все сферы жизнедеятельности: «Музыка эвенков, при первом же знакомстве с нею, приковывала мое внимание, создавала условия привязанности к музыкально-творческим эвенкийским рапсодам»³⁰⁴.

Музыкальная культура эвенков разнообразна и основывается на архаичных и традиционных фольклорных принципах. Музыкальную фольклорную культуру эвенков подразделяют на «*икэр*» – песни-импровизации, «*давлавур*» – новые песни³⁰⁵.

Эвенкийская лирическая песенная жанровая традиция определяется термином «*икэ*», что переводится как «песня, напев, мотив». Необходимо отметить еще один национальный термин «*ог*», «*огэн*» – мелодия³⁰⁶. Если в эпических жанрах воспроизведением занимаются сказители, то в лирических песнях высказываться может каждый человек, желающий поделиться своими воспоминаниями о памятных событиях своей жизни (первая любовь, женитьба, поездки и т. п.). Как правило, поющие размышляют о своей судьбе, о чем-то наболевшем, тревожащем их в данный момент времени. Каких-либо возрастных ограничений в исполнении «*икэ*», как правило, нет. Лирические пес-

³⁰⁴ Суслов И. М. Социальная культура тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски // Северная Азия. – 1928. – № 1 – 178 с.

³⁰⁵ Айзенштадт А. М., Ковальчук В. М. Песенная культура эвенков. – Красноярск: Красноярское книжное издательство. – 1995. – С. 134.

³⁰⁶ Там же С. 156.

ни поются как молодыми юношами и девушками, так и зрелыми мужчинами, и женщинами, а также людьми преклонного возраста. Однако подобные песни не поются детьми, так как для их исполнения нужен конкретный и личный жизненный опыт.

Важнейшим носителем музыкальной фольклорной культуры эвенков являются личные песни. Как правило, личный напев сочиняется достаточно взрослым человеком в какой-либо из периодов его жизни и исполняется им на всем протяжении последующей жизни, становясь своеобразным маркером его индивидуального исполнительского стиля и личностных качеств. Так, в своем исследовании В. В. Сенкевич-Гудкова говорит о том, что «иногда один из членов семьи сочинял песню-импровизацию только для себя, не доверяя ее даже родным»³⁰⁷.

Примером может служить текст следующей песни, исполняемой преимущественно только женщинами (расшифровка С. М. Широкогорова, 1913 г.):

«Гуси-то пролетали
Утки проплывали
Дорогая Эконда, золотая вода,
Хороша Эконды моей вода,
Богата Эконды моей вода,
Весло мое с изгибом утиной ножки»³⁰⁸.

Текст песен-импровизаций представляет собой внутреннюю речь певца, выраженную в краткой форме, смыслы которой нередко понятны только ему одному. В течение всей жизни «икэ» подвергается многократному варьированию изначальных текстов. Мелодия в дальнейшем может исполняться в разном тоне – выше, ниже; в разных темпах – быстрее, медленнее; также может в дальнейшем ритмически варьироваться.

³⁰⁷ Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии), 1971. – С. 91.

³⁰⁸ Там же. С. 56.

В качестве примера можно привести фрагмент эвенкийской песни «От изгороди до изгороди» (Курела Курингэллэ), ее исполнитель – Хромов Афанасий Вячеславович (1932 г.). Содержание песни: «От твоей изгороди к моей изгороди олени ходят. Они твои или мои – все равно»³⁰⁹. В связи с тем, что традиционная хозяйственная культура эвенков связана с кочевым оленеводством, в эвенкийском традиционном эпосе огромное количество различных песен, сказок, загадок, связанных с оленем.

Исследователи, изучающие мелодии эвенкийских народных песен, имеющих архаичные истоки, выделяют ряд культурных закономерностей. Во-первых, звуковой масштаб песен неширокий, они исполняются «в диапазоне терции, кварты, квинты, в редких случаях сексты»³¹⁰. Основным мелодическим зерном служит интонация восходящей кварты (возгласная интонация), так как жизнь эвенков в основном связана с промыслом, охотой, оленеводством. Также, рассматривая ладовую систему эвенкийской песенной культуры, Ю. И. Шейкин называет ее «олигохазматоничной». «Олигохазматоника – синтезирующий этап в развитии лада в песенных мелодиях. На данном этапе происходит тоново-интервальная индивидуализация мелодии, которая порождает множество звукорядов»³¹¹. Во-вторых, в большинстве случаев в песенных образцах преобладает синкопа, а ритмическое движение мелодии осуществляется более мелкими длительностями (в основном восьмые, шестнадцатые и тридцать вторые длительности), благодаря чему возникает ощущение быстрого темпа.

Специфика традиционной музыкальной культуры эвенков обусловлена хозяйственными и художественными культурными практиками. Во многих песнях можно узнать интонации звукоподражания голосам зверей, птиц, сигнальные интонации, необходимые для управления домашними животными. Ю. И. Шейкин подразделяет звукоподражание на два типа: натуралистиче-

³⁰⁹ Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 56 Песни и напевы народов Севера (применение и содержание песен). Санкт-Петербург, 1956. – С. 37.

³¹⁰ Березюк С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1 (2). – С. 32 – 40.

³¹¹ Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Сибири. – М.: Восточная литература. 2002. – С. 118.

ский – звучание максимально приближено к звучанию голоса определенного животного, и символический, где не ставится главной целью точное повторение³¹². Последний тип звукоподражания – это своеобразные «звуковые портреты» птиц, животных, а также природных явлений. Как правило, поющий пытается максимально приблизить звучание своего голоса к изображаемому объекту. Так, например, оленевод очень часто зовет оленя, подражая его голосу. «Главным организующим элементом в подобном звучании является слово, от него и идет ритмическая организация. В подобных примерах как таковой мелодии нет, на повторяющемся тоне с прерывистыми паузами исполнитель издает хрипящий звук, чем подражает звучанию оленя»³¹³.

Звукоподражание голосам птиц и зверей несет в себе сакральный смысл, так как активно используется в ритуальной практике. Кроме того, элементы звукоподражания занимают значительное место в эпических сказаниях: запевно-припевные словосочетания выполняют изобразительную функцию, необходимую для музыкально-поэтических характеристик зооморфных героев сказаний. Также звукоподражательное интонирование находит свое применение в лирических импровизациях, описывающих природные явления и посвященных тону птиц, и зверей. В зависимости от общего контекста подобные вставки могут реализовываться по-разному: иметь чисто имитационный характер, если данное употребление связано с промысловой деятельностью. Кроме того, они могут приобретать вербальную форму, если звукоподражание включено в речевое повествование, либо и вовсе мелодизироваться, если речь идет о песне³¹⁴.

В XX в. в музыкальную фольклорную культуру эвенков приходят политические сюжеты, в частности, в них поется о вождях – Ленине и Сталине.

³¹² Шейкин Ю. И., Ценханский В. М., Мазепус В. В. Информационная культура этноса (опыт системного рассмотрения) // Культура народностей Севера: Традиция и современность. – Новосибирск, 1986. – С. 235 – 247.

³¹³ Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 56 Песни и напевы народов Севера (применение и содержание песен). – Санкт-Петербург, 1956. – С. 27.

³¹⁴ Айзенштадт А. М., Ковальчук В. М. Песенная культура эвенков. – Красноярск: Красноярское книжное издательство. – 1995. – С. 187.

Так, в качестве примера можно привести текст песни-импровизации, записанной от Н. Трофимова (1937 г.), перевод Г. М. Василевич:

«По силе разума призванный
Наш, говорю, товарищ
Сталин, храбрый вожь
Ведет за собой народ.
Крепко сплотивший работников,
Наш, говорю, хозяин
По верным своим путям
Нынче ведет народы.
Крепко-накрепко вдумавшись
Люди-друзья, говорю,
Мы по следам его мыслей
Мысли свои пронесем.
Бывают первые бегуны,
И мы, говорю, не стряхнем,
Но, соревнуясь в беге,
За Сталиным поспешим.
Из всех народов работники
Жизнь, говорю, знают;
Неправы у них жизни дела,
Обычаи и порядки.
Мы Сталина любим,
Друзьям говорю, поможем:
Кривую жизнь отвергаем,
Темную осветлим.
Словно дети бессмысленные
И мы, говорю, были;
Отцы жили, горяя;

Матери жили, плача»³¹⁵.

Музыкальная форма песни – строфическая. Каждая строка представляет свою смысловую единицу. В первых восьми строках идет восхваление вождя народов Сталина, автор песни восхищается им. Следующие двадцать – призывают двигаться его путем в светлое и великое будущее. Ритмическая организация песни построена на трехсложных стихотворных размерах: дактиль, амфибрахий, анапест.

Следующий пример – текст песни, записанный от Н. Платонова, посвящен В. И. Ленину, перевод Е. В. Гиппиуса:

«Ленин по пути
Желанная жизнь наша,
Корни ее, основу ее
Ленин большой посадил
Здесь, на всем Севере.
Светлый коммунизм,
Безоблачные дни,
Светя, приходят.
Ленина (большого) по пути его.
Ленин – большой отец наш.
Сказанное им, заветы его
В тело свое навьючивая,
В кровь свою впитывая.
Молодые товарищи!
Ленин – большой отец.
Светлый путь его
В жизнь свою вводим»³¹⁶.

³¹⁵ Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии), 1971. – С. 57.

³¹⁶ Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии), 1971. – С. 27.

Музыкальная форма песни – куплетная. Как и в предыдущем примере, основной замысел произведения – восхищение делами вождя и призыв следовать «его заветам». В данном примере текст песни имеет «квадратную рифмовку» А В С D 4+4 – упор делается на смысловое значение песни.

Важнейшим элементом музыкальной фольклорной культуры эвенков являются песни-хороводы. Исследователями неоднократно высказывалось мнение о архаичности этого жанра и о его первоначально сакральном характере. Так, в хороводной песне «Эникэн Катанга – Матушка Катанга»³¹⁷ (приложение 1, рис. 2), записанной от К. И. Ворониной, текст связан с почитанием и восхвалением реки «Катанга»: «Матушка Катанга богата рыбой, а горы ее зверями», эвенки относятся к ней как к «кормилице», дающей пропитание и работу. Предварительный анализ показывает, что эта песня могла быть архаичным заклинанием, обращением древнего рыболова к духу реки, его молением об удачной ловле.

Хороводная песня изложена в традиционной куплетной форме. При этом к композиционным особенностям следует также отнести вопросо-ответную структуру каждого куплета: есть солист и остальная группа хора. Мелодика «вопроса» и «ответа» одинаковая. Диапазон песни равен малой септимере: от e^1 до d^2 . Как в русских хороводных песнях мы слышим припев «люлю-люли», так и в данном примере наблюдается подобное словосочетание «икэлэ, икэла», которое повторяется после каждой строки. Таким образом, общая характеристика структуры песни позволяет говорить о том, что мелодически и ритмически она достаточно проста и может воспроизводиться достаточно легко.

Рассматривая в целом природу архаичных эвенкийских песен, можно выделить следующие особенности: во-первых, тембровые особенности песен очень своеобразны – в нотной записи песен их не всегда можно уловить, что приводит к не всегда узнаваемому исполнению ее на музыкальном инстру-

³¹⁷ Эвенкийские песни / Сост. Н. Н. Биланин, А. Н. Мареева; отв. ред. Ю. И. Шейкин. – Якутск: Офсет, 2005. – С. 84 – 85.

менте; во-вторых, в эвенкийской музыке всегда можно определить единицу метра, кроме того, в них наиболее часто слышны «хромые ритмы» – пунктир, синкопа, триоль; в-третьих, в эвенкийской музыке чаще всего встречаются «вписанные форшлаги», несущие свою смысловую единицу; в-четвертых, ладовая организация песен в основном связана пентатоническими музыкальными закономерностями или целотоновым тетрахордом в основании построения песен. Традиционные песни исполняются, как правило, *a`cappella*.

Национальный музыкальный инструментарий представлен некоторым количеством разных типов инструментов. Одним из наиболее распространённых среди музыкальных инструментов эвенков является «кэннигипкэвун» – маленький металлический варган в форме лиры с припаянным к середине обода язычком. Резонатором служит полость рта. Как правило, на нём наигрываются простые мелодии. Также большое значение в обрядовой и ритуальной практике отводится бубну. Хорошо известно, что игра на бубне организывает деятельность шамана, позволяя ему «воссоединиться» с духовным миром, с предками.

На материале анализа творчества заслуженного учителя, композитора Российской Федерации Николая Николаевича Биланина будет рассмотрен один из репрезентантов современной эвенкийской песни. Как отмечают современники, в Эвенкии нет, пожалуй, ни одного эвенкийского поселка, который не посетил бы Николай Николаевич, «...он приезжал в деревню не только с песнями, но и за песнями»³¹⁸. Композитор чувствовал интонационные особенности, ладогармоническую организацию произведений музыкальной фольклорной культуры эвенков, которые он выразил в своих песнях.

Для структурного анализа была выбрана песня Н. Н. Биланина «Прекрасная земля»³¹⁹ (приложение 1, рис. 3). Как и многие другие эвенкийские композиторы-песенники, своей музыкой Биланин восхваляет красоту и величие Эвенкии: «Земля-то красива, всем она богата; и летней жарой и стужею

³¹⁸ Эвенкийские песни / Сост. Н. Н. Биланин, А. Н. Мареева; отв. ред. Ю. И. Шейкин. – Якутск: Офсет, 2005. – С. 3.

³¹⁹ Там же. С. 11 – 15.

зимней; и птичьей песнею, и детской радостью; тебе, земля, наш привет!»³²⁰. Как правило, в традиционных песнях аккомпанирующую роль выполняет ритмическая организация на каком-либо национальном шумовом инструменте, и композитор не отходит от этой традиции, а наоборот развивает ее. Во вступлении песни выписана ритмическая организация, звучащая на фоне музыкального сопровождения. Открывает произведение возгласная интонация, построенная на звуках тонической терции. Диапазон мелодии достаточно широк – от h^m до g^2 , в свою очередь традиционная музыка в своем основании имеет достаточно небольшой диапазон (квинта, секста, в редких случаях септима).

Традиционная музыка эвенков в основном исполняется одногласно с отдельной подголосочной мелодией. И здесь автор не отходит от традиций. Зачин песни – основная тема, которая представляет собой одногласное проведение мелодии, затем включаются остальные группы голосов. Следует отметить еще одно заимствование из традиционного пения – в каждом куплете вкрапляются возгласы – «гей, гей, хэй, гей». В кульминации произведения автор убирает полностью аккомпанемент, вся группа хора поёт *a` cappella*. И в самом конце произведения опять звучит одногласное проведение темы, композитор как будто возвращает слушателя к истокам национального исполнения.

Одно из центральных мест в музыкальной культуре эвенков принадлежит Виктору Степановичу Гончикову – первому эвенкийскому композитору, авторский арсенал которого состоит из разных музыкальных жанров: инструментальной музыки, ансамблевых и хоровых сочинений, песенного творчества. Особое значение для музыкальной эвенкийской культуры имеет сборник песен «Гулувун»³²¹, в который вошли не только авторские сочинения, но и обработанные им народные мелодии.

³²⁰ Там же. С.13.

³²¹ Гончиков В. С. Гулувун / В. С. Гончиков. – Улан-Удэ: Республиканский центр народного творчества, 1992. – 80 с.

В методическом пособии «Эвыдыл Давлакур»³²² композитор ставит перед слушателем две задачи одновременно. Изучая интонационные особенности в представленных песенных примерах, можно не только погрузиться в музыкально-интонационное этнокультурное пространство, но и одновременно изучать языковые особенности эвенкийской этнокультурной группы.

Корпус музыкальных текстов в методическом пособии разделен на три раздела. В первом помещены музыкальные тексты детских песен, во втором – песни для детей старшего возраста и взрослых, а в третьем – инструментальная музыка с типичными интонационными особенностями национального звучания.

Так, в качестве песенного примера можно привести произведение автора «Дегилдули, бэйналдули» на слова М. Бубякиной:

«Собирайтесь все!
Дэгиел, дэгиел!
Спойте друзьям!
Дэгиел, дэгиел!
Эти лебеди летят.
Дэгиел, дэгиел!
Спустились на озеро!
Дэгиел, дэгиел!
Никогда не стреляйте!
Дэгиел, дэгиел!
Лось бежит
Лахой-ла, Хой-ла!
Это лосиха мать!
Лахой-ла, Хой-ла!
Сзади ее малыш-лосенок!
Лахой-ла, Хой-ла!
Не стреляй в них!

³²² Гончиков В. С. Эвенкийские песни: Методическое пособие. Красноярск: Арн, 1997. – 80 с.

Лахой-ла, Хой-ла!
Олененок скачет!
Инедэ, инедэ!
Береги оленя!
Лахой-ла, Хой-ла!»³²³.

Данный песенный пример имеет два раздела. В первом говорится о птицах и о бережном к ним отношении. Во втором поется о животных, в частности, о лосихе с лосенком. Форма произведения имеет строфическое строение. В песенном тексте слово «Дэгиел», звучащее после каждой смысловой позиции, несет в себе функцию рефрена. Схематично текст первой части можно изобразить следующим образом:

A – B – A₁ – B – A₂ – B – A₃ – B – A₄ – B

Принцип построения второй части песни схож с первой, но в отличие от нее здесь встречается два припева – «Лахой-ла, Хойла» и «Инедэ, инедэ». Её схема такова:

C – D – C₁ – D – C₂ – D – C₃ – D – C₄ – D₁ – C₅ – D

Композитор старается воспроизвести и акцентировать архаичные приемы построения текста и его содержания. С раннего возраста эвенки приучают детей любить свою Родину, свой край. Эта любовь проявляется в мельчайших элементах повседневных культурных практик эвенков – в восхищении местом, где они живут, в бережном отношении к животным, которые находятся рядом с ними. Автор не зря помещает данное произведение в первый раздел – музыку для самых маленьких, поскольку основная культурная трансмиссия осуществляется, как правило, родителями по отношению к своим детям.

По признаку ладовой организации эвенкийских песен, их можно разделить на две группы. К первой относятся мелодии с пентатоническим строением. Данный тип музыкального строения позволяет говорить о родственной

³²³ Гончиков В. С. Эвенкийские песни: Методическое пособие. — Красноярск: Арун, 1997. — С. 14.

связи эвенков с музыкальной культурой народов Поволжья и Дальнего Востока.

Ко второй группе принадлежат мелодии, имеющие сложные ладообразованные элементы, которые роднят музыкальную эвенков с музыкальной культурой якутов. Как правило, для таких песен характерна ладовая система с целотонными тетра хордами. Но в то же время главной отличительной особенностью музыкального фольклора эвенков являются вписанные форшлаги, исполняемые ими в песнях.

Специфика средств художественной изобразительности в текстах песен обусловлена архаической лексикой, образностью, параллелизмом строк. Кроме того, ритмической организации песен присущи все виды традиционной рифмовки – эпифора, анафора, внутренняя рифма, аллитерация и т. д.

Этнокультурные особенности музыкальной культуры долган. Как известно, этническая группа долганов сложилась из групп различного происхождения. Ядро долган составляют четыре родословные группы тунгусского происхождения – *долган, эджен, карынтуо и донгот*³²⁴. Кроме того, в их этногенезе участвовали русские старожилы и якуты. Долганы достаточно долгое время не имели этнонима, которое они получили благодаря русским исследователям-этнографам. Сами же долганы именовали себя «*тыя*», что в переводе на русский язык означает «*лесной человек*»³²⁵.

Вплоть до 1973 г. долганов считали «бесписьменным народом», так как только с середины 1980-х гг. у них появился первый «Букварь». Рассматривая этнокультурные особенности долган, исследователи отмечали, что «в их традиционной культуре раскрываются вечные морально-этические ценности: любовь к Родине, к музыке, к природе, к людям. Они гордятся своей историей и героями, воспевая их в эпических музыкальных жанрах»³²⁶.

³²⁴ Левин М. Г. Народы Сибири: этнографические очерки. – М., 1956. – 742 с.

³²⁵ Ефремов П. Е. Фольклор долган. — Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 448 с.

³²⁶ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020 – Т. 1 (2). – С. 8 – 17.

А. Ф. Миддендорф первым из исследователей обратился к изучению культурных особенностей долганской этнокультурной группы. Он разделил долганов на две группы – оседлых и кочующих. Позже, во второй половине XX в. и в первой половине XXI в., ученые М. С. Воронкин³²⁷, Е. И. Убрятова³²⁸ и П. Е. Ефремов³²⁹, В.П. Кривоногов³³⁰ проводили полевые исследования в местах компактного проживания долган, благодаря чему культурологический фонд нашей страны обогатился ценными этнографическими материалами.

Одним из первых ученых, активно исследовавших фольклорную культуру долган, является А. А. Попов³³¹. Ему удалось собрать достаточно большое количество этнографического материала, благодаря которому можно составить представление о жизнедеятельности долган, их материальной и духовной культуре. В ходе культурологического анализа произведений долганского фольклора ученый «разделил «памятники устного народного творчества» на пять видов: 1) загадки, 2) рассказы, 3) сказки, 4) былины, 5) песни»³³².

«Корпус фольклорных текстов долган представлен загадками, сказками, историческими преданиями, былинами и бытовыми рассказами. Особой популярностью пользуются сказки с сюжетом о животных – их происхождение, превращение в людей и обратно. Рассказы также разнообразны по своему содержанию – бытовые, о кочевой жизни, исторические предания, повествующие о путешествиях и необычных путешествиях главного героя»³³³.

³²⁷ Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

³²⁸ Убрятова Е. И. Крупный исследователь языков Сибири // Экспериментально-фонетические исследования сибирских языков (сборник научных трудов). – Новосибирск, 1981. – С. 4 – 5.

³²⁹ Ефремов П. Е. Долганское олонхо / П. Е.Ефремов; Отв. ред. В. Т. Петров. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 132с.

³³⁰ Кривоногов В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета: Гуманитарные науки. 2013. – Т. 6. – № 6. – С. 870 – 881.

³³¹ Ефремов П. Е. Фольклор долган. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 430 с.

³³² Коренные малочисленные народы Таймыра: традиции, быт, культура: Рекомендательный указатель литературы / А. А. Сакиева, Н. О. Юрченко, А. Н. Попова; Таймырская окружная библиотека. – Дудинка, 2005. – С. 7.

³³³ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020 – Т. 1 (2). – С. 8 – 17.

Давая характеристику традиционной музыкальной фольклорной культуре долган, необходимо отметить следующее. Во-первых, песни долган условно можно разделить на короткие и длинные. Как правило, короткие песни исполнялись непрофессиональными музыкантами и пелись как юношами, так и девушками. Длинные же песни могли исполняться только «высокоодаренными» народными импровизаторами.

В корпусе музыкальных текстов долган подавляющее большинство их хозяйственных и художественных культурных практик. Произведения музыкальной фольклорной культуры долган можно разделить на три группы – лирические, бытовые и обрядовые. К лирическим относятся песни, воспевающие красоту родной земли; к бытовым – колыбельные, шуточные, частушки, дорожные, трудовые; к обрядовым – свадебные песни.

Наиболее многочисленными являются «лирические песни». Они являются основанием музыкальной фольклорной культуры долган. Большинство песен этого жанра посвящено любовной лирике (счастливой или несчастной любви). Кроме того, в некоторых песенных текстах рассказывается о красоте не только родных мест, но и девушек, которые там живут. Песни о любви в долганском музыкальном фольклоре называются «*туойсуу ырыа*»³³⁴. Исполнителями данного жанра могут быть как девушки, так и юноши, или же мужчины и женщины, поющие от лица молодых людей.

«Трудовые песни» по своему содержанию и тематической направленности исполняются в разные периоды жизни человека – в момент работы, охоты, рыбалки и т. п. Кроме того, они могут звучать как песни-воспоминания о проделанной работе, о ловкой охоте и т. д.

«Приветственные песни» делятся на два вида: застольные и концертные (приветствие со сцены). Главное отличие данных видов друг от друга заключается в их содержательном контексте. Если в застольных песнях основным содержательным элементом становится встреча охотников из тундры,

³³⁴ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения : 17.00.02. – Новосибирск, 2005. – 439 с.

оленеводов, близких друзей и т. д., то в концертном приветствии воспеваются жизнь и трудовая деятельность народа. Нередко в приветственных песнях встречаются песни-вокализы, в которых на первый план выходит вокальное мастерство исполнителя, текст же, в свою очередь, несет в себе вспомогательную функцию.

Дорожные песни возникают в связи с протяженностью мест, где живут долганы. Как правило, эти песни связаны с созерцанием своей родной земли, а также в них поется о различных передвижениях людей – на оленях, лодках и т. д. Кроме того, исполнители нередко в них передают свои чувства, эмоциональное состояние и впечатления от проделанной дороги. Примером может служить песня охотника:

«Ого-го-го-гого-го-го-го!

Я хожу по лесам, че

Я прохожу через болота,

Топчу болота большого озера,

Переезжаю широкие реки»³³⁵.

«Шуточные песни» необходимы для выражения юмористического характера исследуемого народа – поведение людей, критика их негативного поведения, неправильных поступков. Тексты, высмеивающие повадки и неправильный образ жизни человека, сосредоточен в текстах частушках.

Зачастую на один и тот же текст может быть создано множество различных интонационных вариаций, так как у каждого отдельного человека есть один или несколько сочиненных им напевов, на текст которых они импровизируются при непосредственном переживании, наблюдении или самой деятельности. Напевы также могли передаваться из рода в род или же запоминаться от своих друзей или знакомых. Так, например, в момент воспоминания о друге пелась мелодия, заимствованная от него.

При анализе стилистических особенностей музыкальной фольклорной культуры долган необходимо отметить следующее: «во-первых, по манере

³³⁵ Фонограммархив. Рукописный фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии). – 1961.

исполнения они близки эвенкийской группе; во-вторых, фонация, встречаемая в национальных песнях, по интонационному строю роднится с русскими народными песнями»³³⁶.

По типу интонирования «песенный фольклор долган можно разделить на: вокальный, сигнальный, вокально-сигнальный»³³⁷. При исполнении песен долганы используют разные тембральные краски для более выразительного исполнения песен – вибрирующее и тремолирующее пение в узкощелевой фонации. Кроме того, в произведениях музыкальной фольклорной культуры можно встретить богатый выбор средств музыкальной выразительности – ладовые, композиционные особенности характерных для соседних народностей (кетов, эвенков, нганасанов, селькупов). Исходя из этого, можно говорить об их крепких межкультурных связях.

Большое значение в традиционной музыкальной культуре отводится лирическим песням. Как правило, в них поется о любви к родным, родной стороне, любимому человеку или животному. В качестве репрезентанта можно привести охотничью лирическую песню, записанную от И. М. Поповой (пос. Волочанка Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края):

«Надену я шапку из лисицы,
Надену я шубу из норки и пойду.
Выйду я на улицу и запрягу быстроногих оленей,
Поеду по просторам родной страны, по ее оврагам, ущельям.
Подъеду к одному капкану – огненная лисица, к другому – белый песец.
Добытую пушнину с поклоном Родине отдам»³³⁸.

Основное значение данного песенного примера – любовь и восхваление богатств Родины, созерцание красоты окружающего мира. По своей форме текст представляет собой шестистишие с рифмой – А В С D E D.

³³⁶ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 1(2). – С. 8 – 17.

³³⁷ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе музыкальной культуры долган: Автореферат на степень доктора искусствоведения. – Новосибирск, 2005. – С. 20.

³³⁸ Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии), 1971. – С. 4.

Традиционные песни долган напрямую связаны со системой стихосложения, определяющей основную композицию и их тембровую окраску. «Напев песен и стихосложение выражаются в противопоставлении двух типов песен. Первый тип – традиционный – свободное, импровизационное ритмическое движение мелкими и крупными длительностями. Второй тип – ритмоформульный – совпадение музыкально-ритмической структуры мелодики с текстом. Обычно подобный тип песен имеет строфическое строение с объединенными попарно строками»³³⁹.

Сравнивая музыкально-стилистические особенности музыкальной фольклорной культуры долган с соседними этносами, выявляется следующее: диапазон мелодии достаточно широкий по сравнению с эвенкийскими традиционными песнями – квинта, октава, нона или ундецима. В современной долганской музыкальной культуре широко распространены традиционные жанры (имеющие архаические истоки). Так, в повседневные художественные практики входят круговые танцы и традиционная песня – «*ырыа*», которая является самостоятельным повседневным песенным жанром, отражающим психологическое отношение исполнителя к какому-либо явлению, событию или предмету.

При сравнении музыкальной фольклорной культуры долган с соседними этносами их межкультурная связь проявляется в песенных традициях. Так, песни «благопожелания (*алгыс*), дорожная (*ырыата*) и колыбельная (*биһик ырыата*) присутствуют как в фольклоре долган, так и якутов. Лирические песни «*ырыа*» звучат в долганском, якутском и эвенкийском музыкальном фольклоре; приветственные песни можно услышать у долган, эвенков, кетов и якутов; личные песни – в фольклоре долган, эвенков, эвенов, нганасан, ненцев»³⁴⁰.

³³⁹ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 8 – 17.

³⁴⁰ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения: 17.00.02. Новосибирск, 2005. – С. 34.

Музыкальный фольклор долган носит монодийный характер, т. е. при исполнении песни в основном используется одноголосное музыкальное изложение. Ансамблевое исполнение можно увидеть в традиционных долганских танцах.

Значительное место в музыкальной фольклорной культуре долган принадлежит круговым танцам – «*хейро*». Данный вид танца исследователи связывают с охотничьей и промысловой деятельностью или встречей солнца после долгой полярной ночи. Этот танец, как правило, исполнялся на открытом месте во время праздников, имеющих сакральное значение. Согласно выводам Г. Г. Алексеевой, «танец «*хейро*» – это некое подражание брачным танцам стерхов. Обоснованием для такой позиции служат: направление движения танцующих по кругу; шаг крест-накрест, сопровождающийся наклонами туловища; отсутствие смыслового значения текста. Танцующие во время исполнения издают звукоизобразительные возгласы, имитирующие журавлиный крик – «хейро, хейра»»³⁴¹.

Примером данного танца служит «песня, записанная от трех долганок – П. А. Сахатиной, И. М. Поповой и М. П. Гидатовой (пос. Волочанка Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края). Песня исполняется с ритмическими возгласами «Хейра, та хейра, то хейро», не имеющими лексического значения. Танцуют медленно по кругу, взявшись за руки, движение ног близко к основному ходу»³⁴².

Отличительные особенности долганской современной музыкальной фольклорной культуры заключаются в использовании элементов, связанных с архаической обрядовой практикой и основанных на древних вокальных традициях: звукоподражание птицам и животным; использование сигнального типа интонирования; круговые танцы с пением; «шаманские камлания», в

³⁴¹ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения : 17.00.02 Новосибирск, 2005. – С. 124.

³⁴² Фонограммархив. Рукописный фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии). – 1961. – С. 54.

которых важное место занимает пение во время обрядового действия и, как отмечалось ранее, песня «*ырыа*» с собственным вокальным своеобразием»³⁴³.

Репрезентантом выступает хороводная песня «*Ырыа*» (Песня о Эгей-марке речке). Мелодическая линия достаточно проста и построена на сочетании двух звуков – *a* и *g*. Ритмическая организация песни строится на пунктирном ритмическом рисунке. Смысловое содержание песни, как и в других этнокультурах, связано с восхвалением созерцаемой красоты природы (приложение 1, рис.4).

Ритмическое своеобразие долганской музыкальной фольклорной культуры обусловлено наличием шестисложных, семисложных, восьмисложных, девятисложных структур с преобладанием ямбического стихотворного размера.

Г. Г. Алексеева, рассматривая звуковысотную и ладоинтонационную структуру произведений музыкальной фольклорной культуры, обозначила следующие элементы, свойственные традиционному фольклору: мелодика выстраивается на «восходящих и нисходящих интонациях, в основании некоторых музыкальных образцов находится субкварта»³⁴⁴.

Многообразие звуковой палитры музыкального фольклора можно выделить не только в пении, но и в инструментальном исполнении. В долганском музыкальном фольклоре национальные инструменты, как правило, использовались в домашнем музицировании или обрядовом действии. «Инструментальная музыка связана с национальным инструментом «*хамысом*». На нем играли преимущественно женщины и дети в целях духовного воспитания. Во время игры на инструменте дети благодаря звукам *хамыса* изучали мир звуков окружающей их природы – птиц, зверей, природных явлений. Тембр данного инструмента звучит в малой октаве с вибрацией, что напоминает некое подобие звучания низкого человеческого голоса. При игре на этом

³⁴³ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 8 – 17.

³⁴⁴ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения: 17.00.02. – Новосибирск, 2005. – С. 134.

инструменте исполнителем произносился текст, поэтически не связанный, но имеющий глубокое смысловое значение. Главной особенностью традиционного инструментального творчества долган является передача им внутреннего состояния человека. Это происходит благодаря сходству *хамыса* с человеческим голосом. Кроме того, инструмент имел лечебное воздействие на человека при обрядовом действии»³⁴⁵.

Ритмическая организация традиционных песен и обрядов достигалась с помощью сопровождения ударами бубна – *дунгур*. Бубен использовали в качестве аккомпанемента в танцах или исполнении какого-либо авторского произведения. Но все же главной его функцией было и остается применение в обрядовом действии – шаманском камлании.

Одним из наиболее важных жанров музыкальной культуры долган является эпос – *олонко*. По своей структуре олонхо представляют собой стройную композицию. Как правило, она открывается вступлением – зачином и экспозиционным представлением главных героев повествования. Далее следует завязка основной сюжетной линии, а затем идет развитие действия, связанное со столкновением противоборствующих сил – добра и зла. Последним элементом «олонко» является развязка сюжета – победа героя, его возвращение на Родину и т. п. «Долганский эпос существует в двух традициях – речевой и песенной. Речью передаются различные события, пением – непосредственно повествование от лица героя, это является главной отличительной особенностью долганского эпоса. Песни героев зачастую несут в себе магическую и обрядовую функцию. Кроме того, они передают эмоциональное состояние героя, а также дают ему характеристику. Рассматривая ладовую принадлежность долганских сказаний, можно говорить о ладотональной основе с широкими мелодическими скачками»³⁴⁶.

Система стихосложения подобных песен – верлибр, принципом которого является свободное количество слогов в каждой строке. Песни долган-

³⁴⁵ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 10.

³⁴⁶ Ефремов П. Е. Долганское олонхо. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1984. – С. 35.

ского эпоса в основном имеют строфическую форму. Схематично это можно представить следующим образом: $a+a^1+a+a^1$ или $a+a^1+a^2+a^3$, в зависимости от развития сюжетной линии³⁴⁷. Музыкальная драматургия песен делится на два типа: первый тип строится на персонифицировании напевов, в которых идет чередование речи сказителя-олонкосута и главного героя, темпового и тембрового противопоставления в этих песнях нет; второй тип основан на тембровом, ритмическом, звуковысотном противопоставлении героев Среднего и Нижнего миров³⁴⁸.

Четкая композиционная структура долганского олонко включает: зачин, представление страны, где находится главный герой, убранство его жилища, мировоззрение древнего человека о создании мира. В первой части акцентируется древность произошедших событий: «В ту пору, как эта страна, в которой мы живем, с голову оленя была; в ту пору, когда нависшее небо с лицо человека было, старик со старухой жили»³⁴⁹. Сюжетная линия разворачивается согласно героическим подвигам, описываемым по мере возрастания трудностей. Преодолев все испытания, герой возвращается домой, создает семью, живя счастливой жизнью в Среднем мире.

Г.Г. Алексеева в мелодико-текстовой организации долганского олонко выделяет три основные группы их ритмической структуры³⁵⁰:

- 1) однотипные: ямб, хорей, дактиль и т. д.;
- 2) состоящие из двух или четырех построений: амфибрахий + анапест и т. п.;
- 3) состоящие из трех и более построений: трибрахий + хорей + дактиль и т. п.

Исследуя характерные особенности звуковысотной организации песенной культуры долганского фольклора, исследователи выделяют следующие

³⁴⁷ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения: 17.00.02. – Новосибирск, 2005. – С. 157.

³⁴⁸ Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 12

³⁴⁹ Ефремов П. Е. Долганское олонхо. Якутск. 1984. – С. 34.

³⁵⁰ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения: 17.00.02 Новосибирск, 2005. – С. 148.

особенности: восходящая мелодия с диапазоном большой терции, поступенно-восходящая и ступенчато-восходящая³⁵¹. В момент исполнения мелодия и текст могут не всегда совпадать между собой. В свою очередь ритмическая организация песен свободная (нет четкого ритма), что помогает исполнителю достичь художественно-образной цели – звукоизображение природных явлений, голосов животных, птиц и т. п. «Для достижения подобного звучания исполнитель использует разнообразные длительности, часто не укладывая их в определенный тактовый размер»³⁵².

Репрезентантом данных особенностей выступает «Песня оленевода» («Постуук ырыата») Огдо Оксёновой (приложение 1, рис. 1). Автор с помощью средств музыкальной выразительности применяет приемы звукоподражания (нисходящее глиссандо со вставленными форшлагами) в первой части и саму поездку на олене во второй, вкрапляя в текст возгласы «Хей!». По своему объему произведение невелико, но стремится точно передать черты, характеризующие оленеводческую деятельность.

Одной из характерных черт долганской песенной культуры состоит в ее типе фонации – «узкощелевой», присутствующей в песнях в различных исполнительских вариантах и по большей части связанной с тремоляцией и вибрацией голоса³⁵³.

Современная песенная культура долган включает в себя типовые черты традиционных песен – звукоизобразительность, ритмическая организация, поэтический текст. Так, В. Туприн в произведении «Песня восхода Солнца»³⁵⁴ на слова Л. Попова (приложение 1, рис. 7) воспроизводит некоторые особенности долганской музыкальной культуры. В основе песни лежит традиционный танец «Хэйро», которым встречают появление солнца после долгой полярной ночи. Подобно архаическим образцам, поэтический текст в

³⁵¹ Там же С. 162.

³⁵² Березюк С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 14.

³⁵³ Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии / Ю. И. Шейкин. – Якутск, 1996. – С. 54.

³⁵⁴ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. – М.: СО РАН, 2005. – 439 с.

этом уже авторском произведении практически отсутствует, слышится только возгласная интонация солиста и отвечающая ему группа хора. Данное произведение исполняется мужским хоровым составом, а мелодическая линия построена на кварто-квинтовых мелодических оборотах.

«Песня оленевода» («Табаһыт ырыата») – еще одно произведение современной музыкальной долганской фольклорной культуры, записанное от В. С. Чуприна, в котором воплощаются элементы традиционной (может быть, архаичной) музыкальной фольклорной культуры. Данное произведение принадлежит к жанру бытовых песен. Мелодическая линия песни достаточно проста и основывается на звуках тонического трезвучия (приложение 1, рис 5). Кроме того, в текст введены элементы звукоподражания оленю. В песенном тексте автор акцентирует внимание на отношении человека к оленю:

«Помню по реке белокаменной
Пасу оленей белой масти.
Собираю стадо оленей своих»³⁵⁵.

При этом анализируя долганскую музыкальную культуру в целом, Г.Г. Алексеева замечает, что такой элемент как «звукоподражание», не свойственен их традиционному музыкальному фольклору в отличие от музыкального фольклора других этнических групп коренных малочисленных народов Сибири «Они вписываются в систему культуры, но за пределами этнической сонорики не практикуются, поэтому обнаруживаются практически во всех жанрах культуры»³⁵⁶.

Кроме того, традиционные жанры, являющиеся основными элементами долганской песенной традиции, сами по себе не являются песенными жанрами – это круговые танцы, шаманский обряд, инструментальная музыка, эпос олонхо. Несмотря на то, что каждый жанр представляет собой самостоятельное явление со своими признаками и определенными правилами, фольклор долган имеет прежде всего функциональное сакральное значение: круговые

³⁵⁵ Песни на стихи авторов малочисленных народов Севера. – Якутск, 1994. – С. 18.

³⁵⁶ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения: 17.00.02. – Новосибирск, 2005. – С. 76.

танцы – для встречи солнца; шаманские обрядовые действия – для лечения больных; инструментальная музыка необходима для подражания природным явлениям и голосам животных; в олонхо повествуется о жизни и подвигах долганских героев.

Смещение вокальных традиций в музыкальной культуре долган свидетельствует об их открытости к другим культурам. Так, например, восприятие музыкальных традиций соседних этносов происходит с помощью лирической песни «*ырыа*», присутствующей также в песенных традициях других этнических культур.

Жанры музыкального фольклора долган исследователи подразделяют на песенные и непесенные, которые постоянно взаимодействуют и взаимобогащают друг друга³⁵⁷.

Звукоподражание не составляет жанровую основу долганского музыкального фольклора, но образует собственный культурный пласт. Звукоподражания в традиционной культуре долган преимущественно исполняются на одном дыхании. Г.Г. Алексеева по типу интонирования разделяет их на вокальные, сигнальные, речевые и тонированные³⁵⁸. Так, например, к сигнальным звукоподражаниям относятся песни, связанные с охотой. Сигналы прежде всего выполняют определенную функцию – это обращение охотника к собакам или оленям.

Кроме того, звукоподражание как составная часть музыкального фольклора долган не только является изобразительным элементом песенного творчества, но и влияет на формирование звуковысотной и ладоорганизационной системы в традиционных песнях. Долганские звукоподражания представляют собой один из приемов синкретического искусства, имеющих в первую очередь сакральное значение.

Долганский музыкальный фольклор и музыкальные авторские произведения на его основе имеют композиционные, ладовые, звуковысотные осо-

³⁵⁷ Там же С.95.

³⁵⁸ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: Дис. д-ра искусствоведения: 17.00.02. – Новосибирск, 2005. – С. 73.

бенности. Можно утверждать о его культурной специфике и о наличии ряда черт, отличающих долганскую музыкальную культуру от музыкальных культур соседних этнокультурных групп коренных малочисленных народов Сибири.

Этнокультурные особенности музыкальной культуры селькупов. Селькупы относятся к самодийской этнической группе. Данный этнос делится на две группы – северные и южные селькупы. Селькупы компактно проживают в Томской области, в деревне Фарково Красноярского края, а также в Ямало-Ненецком автономном округе. Селькупский этноним звучит как «чумэлкуп», что означает «земляной человек». Этнографические исследования селькупов начинается в XVIII в. с исследовательских поездок ученых М. А. Кастерена³⁵⁹, К. Р. Доннера³⁶⁰, А. Ф. Миддендорфа³⁶¹.

Ценный фактологический материал представлен в трудах супругов Г. Н. Прокофьева и Е. Д. Прокофьевой³⁶². Культурные особенности селькупской этнокультурной жизни отражены в работах современных исследователей – О. Б. Степановой³⁶³, Н. А. Тучковой³⁶⁴, Ф. Ф. Губайдулина³⁶⁵, К. В. Резниковой³⁶⁶

Большой вклад в исследование характерных интонационных особенностей элементов музыкального языка селькупов внесли работы Ю. И. Шейкина³⁶⁷, О. Э. Добжанской³⁶⁸, Э. Е. Алексеева³⁶⁹, Я. Ниemi³⁷⁰.

³⁵⁹ Кастерн М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1938 – 1844, 1845 – 1849) // Магазин земледелия и путешествий. – М., 1860. – 495 с.

³⁶⁰ Доннер К. Самоеды в Сибири. – Штутгарт, 1926. – 175 с.

³⁶¹ Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и восток Сибири. – Ч. I – II. – Санкт-Петербург, 1860. – 1752 с.

³⁶² Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы селькупов / Е. Д. Прокофьева // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX – начало XX в.): сборник статей; отв. ред. И. С. Вдовин. – Л.: Наука, 1977. – С. 66–79.

³⁶³ Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе / О. Б. Степанова. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2008. – 304 с.

³⁶⁴ Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой / Н. А. Тучкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 2 (130). – С. 205–208.

³⁶⁵ Губайдулин Ф. Ф. Музыкальные инструменты традиционной исполнительской культуры селькупов: этнооргалогический аспект. Дис. на соиск. науч. степ. кандид. искусств. – М., 2017. – 331 с.

³⁶⁶ Резникова К. В. Современное состояние селькупов Красноярского края по материалам полевых исследований (июнь 2010г.) // Северные архивы и экспедиции. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 23 – 40.

³⁶⁷ Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование / Ю. И. Шейкин. – М.: Вост. лит., 2002. – 718 с.

³⁶⁸ Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края: монография / О. Э. Добжанская. – Норильск: АПЕКС, 2008. – 272 с.

Музыкальный фольклор селькупов вобрал в себя элементы культуры соседних этносов, в том числе религиозные образы, некоторые элементы песенной традиции и инструментария. Сам термин «музыка», подобный термину на русском языке, в селькупском языке отсутствует. Вместо него существуют такие слова, как «*чарыса*» – шуметь, звучать, «*сумы* – звук, или же «*сумпыка*» – петь.

Исследовательская традиция лингво-культурологического анализа фольклора селькупов впервые был представлен в трудах М. А. Кастерена³⁷¹. Ученый сделал записи селькупских фольклорных произведений, включая легенды, сказки, сказания, а также богатырские селькупские песни. Особое место в его трудах отводится синкретическим жанрам, в частности, песням, сопровождающим национальные танцы, в которых выражены основные характеристики главного героя. Собранные материалы дают представление об образах селькупской мифологии, связанной с музыкальными произведениями.

Первые музыковедческие исследования были проведены отечественным ученым-музыковедом А. М. Айзенштадтом³⁷², он в сравнительном анализе охарактеризовал некоторые особенности песенного фольклора селькупов. Образцы песен были записаны в этнографических поездках при участии Ю. И. Шейкина, И. А. Богданова³⁷³ в Туруханске в 1988 г.

Рассматривая традиционное песенное творчество селькупов, многие музыковеды писали, что текст и музыка в этих музыкальных произведениях неразрывно связаны между собой: «Родство мелодии с речевой интонацией не означает, что первая произошла от второй, но обе они опираются на общие предпосылки и имеют общие корни»³⁷⁴.

³⁶⁹ Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры: рассуждения о судьбах народной песни / Э. Е. Алексеев. – М.: Советский композитор, 1988. – 237 с.

³⁷⁰ Ниemi Я. Записи музыки народов Севера в Финляндии – перспективы использования. – М., 2013.

³⁷¹ Кастерен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). – Санкт-Петербург, 1860. – 503 с.

³⁷² Айзенштадт А. М. Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. – М., 1966. – 164 с.

³⁷³ Шейкин Ю. И. Проблема фольклора и фольклоризма в культуре народов Севера // Традиционная культура малочисленных народов Севера и современность // Тезисы научно-практической конференции. – Якутск, 1996. – С. 9 – 11.

³⁷⁴ Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование: звуковысотный аспект / Э. Е. Алексеев. – М.: Советский композитор, 1986. – С. 42.

По собранным музыкальным фольклорным образцам можно судить о том, что образ жизни и климатические условия предопределили особенности селькупской музыкальной фольклорной культуры. Рассматривая песенный текст, можно заметить отсутствие рифмы, так как в традиционных песнях, как правило, интонация несет в себе второстепенное значение, поскольку полностью подчиняется словесному тексту и его ритмической формуле – художественному образу. «Художественный образ в песне играет главную роль, а музыка второстепенную. В отличие от предыдущих двух рассматриваемых этногрупп в селькупских песнях крайне редко вставляются междометия-восклицания (*ей, уое, гэй*), что делает песенную форму нетрадиционной, необычной для восприятия на слух»³⁷⁵.

Одно из важных исследований музыкальной фольклорной культуры селькупов принадлежит этнографу Г. И. Пелиху³⁷⁶. Ученый, исследуя устное поэтическое творчество селькупов, выявил следующие песенные разновидности:

«*Изумба*» – это ритуальная песня. Несмотря на свое разнообразие, она имеет четкую регламентацию, формирующуюся и изменяющуюся от поколения к поколению. Песня могла исполняться во время сватовства, но во время свадьбы петь ее было нельзя. Большое значение также имело то, какую песню поют в начале медвежьего праздника, и необходимо было знать, что после того как съедена медвежья голова, ее петь было нельзя. Если же кто-то пел не ту песню во время обряда, то это считалось дурной приметой, и она могла стать источником обид и ссор. Эта песня могла исполняться как *a cappella*, так и под звуки балалайки и «бандуры»³⁷⁷.

«*Лерга*» – личная песня, сочиняемая каждым селькупом отдельно. Он может сочинять ее сам или же при помощи шамана. Поэтому каждый селькуп знал «собственные» песни своих родных и друзей, а во время вхождения

³⁷⁵ Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Старинные и современные селькупские песни. – Салехард, 1999. – С. 3.

³⁷⁶ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. – Томск, 1972. – 424 с.

³⁷⁷ Инструмент, разновидность *каги*

в соседний поселок, он запевал свою «личную» песню, так как это считалось актом вежливости. Согласно их представлениям, у каждого человека должна быть своя собственная песня, своя «лерга».

В качестве репрезентанта рассмотрим традиционную песню «Я селькупка» («Мат чумэл налгуп»), записанную от В. П. Тузаковой. Данный песенный пример имеет диапазон квинты. Мелодика проста, в основном строится по звукам тонического трезвучия (приложение 1, рис. 8).

«Инка» – традиционная песня-импровизация, поющая всегда на один мотив и не имеющая смыслового значения или конкретной сюжетной линии. По традиционным поверьям селькупов тайга любит песни и когда человек поет, с ним ничего не случится. Кроме того, при исполнении данных песен нет куплетных повторов, каждый раз звучит новая «инка».

«Мыга-сангель» – песня, исполняемая исключительно женщинами. Если ее пел мужчина, то тем самым он подвергал себя большой опасности. По их поверьям духи не оставят такое святотатство безнаказанным.

Селькупскую песенную культуру исследователи разделяют на три основных типа мелодий³⁷⁸: первый тип характеризует плавное мелодическое движение с преобладанием поступенных ходов и спокойного ритма при небольшом диапазоне используемого звукоряда. Подобный тип мелодий свойственен лирическим песням. Второй тип – сочетание плавной мелодической линии со скачкообразной в широком мелодическом диапазоне. Третий тип мелодий основан на усложнении ритмических рисунков – триоль, синкопа, пунктир³⁷⁹. Еще одна особенность селькупских песен – преобладание пентатоники и построение мелодии по аккордовым звукам, частые скачки на терцию, кварту и квинту³⁸⁰.

В селькупском музыкальном фольклоре значительное место занимают шуточные песни. В этих песнях почти нет описания красоты природы, ее

³⁷⁸ Губайдуллин Ф. Ф. Музыкальная культура селькупов: методы изучения // Анализ музыки в контексте задач музыкальной педагогики. – Уфа, 2012. – С. 75

³⁷⁹ Там же С. 78

³⁸⁰ Там же С. 80

восхваления и восхищения, это жизненное пространство в них присутствует как нечто должное. Так, в традиционном и современном фольклоре селькупов широко распространены частушки, исполняемые как на родном, так и на русском языках. В качестве примера можно привести авторскую частушку Ирины Коробейниковой:

Табэк амда паргэт твет,	«Сидит белка на березе
Фа каборгот табнан чаг.	Белая рубашка.
Пёу шэрбат олонпарон,	На головке сапожок
Каборг шэрбат тобогон.	На ноге рубашка» ³⁸¹ .

В обрядовых песнях селькупов отражены их религиозная картина мира. Ее основные элементы хорошо изучены³⁸². В общем виде их содержание, так или иначе отраженное в обрядовых музыкальных произведениях, можно представить следующим образом. Люди живут между нижней и верхней частью земли. Умершие только внешне покидают мир и в обличии медведей продолжают обитать в том же жизненном пространстве. Живут в верхнем мире семьями и родами. Вверху жить лучше – жарко, много оленей, рыбы. Там нет войн и болезней, а главное, там больше селькупов, чем на земле. Текст таких песен направлен на обращение к верхним людям, их нужно слушаться и почитать.

В качестве примера песен о животных можно привести «Песню про рыб» («*Кэлыт четы*»), записанную от Гавриила Егоровича Мандакова в деревне Фарково Туруханского района Красноярского края:

«Окунь, ёрш, чебак, сорога
Воду возмутили.
Карася разбудили.

³⁸¹ Сказки и рассказы селькупки Ирины. Сборник фольклорных и литературных текстов на русском и селькупском языках. Автор-составитель: И. А. Коробейникова / Отв. ред. А. Г. Тучков. Томск: ООО Издательство «Ветер», 2014. – 296 с.

³⁸² Юнкеров Ю. Старинные и современные селькупские песни. – Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. – С. 45

Эй, карась, проснись!

Эй, не мойся!

Сейчас щука придет

Тебя проглотит!»³⁸³.

В селькупских песнях есть сюжеты с повторяющимися персонажами (старик в заячьей шубе и старуха), наделенными волшебными силами. Старуха – хозяйка божественного чума, живущая на священной сопке, куда в семь лет должен подняться каждый мужчина. Кроме того, эти герои есть в песнях, связанных с водной стихией, – старуха, дающая или же не дающая рыбу, старухи-покровительницы – женщины небесной стихии и т. п. Примером таких песен служит народная легенда «Дедушка в заячьей шубе», напечатавшая Л. Д. Сильверстовой, перевод Ф. М. Файзулиной:

«Дедушка в заячьей шубе

Жил в далекие времена.

Заячья шуба (най-я, най-я)

Дедушка в заячьей шубе –

Большой человек,

Его любят все.

Заячья шуба (най-я, най-я).

Поём о нём.

Его вечно воспеваем.

Заячья шуба (най-я, най-я)»³⁸⁴.

В песенных произведениях современной эпохи сюжетом выступают какие-то важные культурные проблемы. В песне «Знай свой язык», записанной от М. И. Федоровой, идет призыв к нынешнему поколению изучать свой язык, говорить на нем. Музыка этой песни лирична, с переменным размером и ритмическим разнообразием – пунктир, триоль, синкопа, которые придают ей энергичность и призывный характер:

³⁸³ Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Старинные и современные селькупские песни. – Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. – С. 4.

³⁸⁴ Старинные и современные селькупские песни / Сост. Ю. Юнкеров. – Салехард, 1999. – 65 с.

«О чем селькупы песни поют,
О чем слова говорят.
Они песнями рассказывают,
О жизни поют.
Сейчас – (най) – новое время
Молодые селькупы
Родной язык не любят.
Кто свой язык не знает,
Это беда, его беда»³⁸⁵.

Традиционные песни исполнялись преимущественно *a` cappella*. Аккомпанирующую роль выполняли шумовые инструменты – различные колокольчики, погремушки, бубны, костяные либо латунные варганы.

Большая заслуга в исследовании традиционных музыкальных инструментов принадлежит Ф. Ф. Губайдулину³⁸⁶. Он исследует архаичные и современные музыкальные инструменты и приходит к следующим выводам.

Во-первых, музыкальные инструменты данной этнической группы зародились и существуют в неразрывной связи с традиционной духовной культурой – применение шумовых инструментов в обрядовой практике.

Во-вторых, инструменты связаны со всеми сферами жизни народа – инструменты в виде объектов окружающей природы и бытовые предметы; много инструментов изначально создавалось для звукоподражания, например, пищалки из стебля тростника, свистелки – из бересты и т. п.

В-третьих, мелодика песен имеет устойчивый тональный звукоряд и четко организованную ритмическую структуру.

Кроме того, согласно архаичным и традиционным религиозным представлениям, игра на музыкальных инструментах – это дар свыше и способ взаимодействовать с духовным миром. Игра на музыкальном инструменте

³⁸⁵ Сборник песен народов Севера. 3 вып. Старинные и современные селькупские песни. – Салехард 1999. – С. 13.

³⁸⁶ Губайдулин Ф. Ф. Музыкальные инструменты традиционной исполнительской культуры селькупов: этноорганологический аспект: дисс... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Губайдуллин Фиргат Фирзатович. – М., 2017. – 331 с.

оказывала огромное влияние на всех живых существ, находящихся в данный момент вокруг исполнителя: «Все различные животные и птицы, собрались и слушали Итте»³⁸⁷.

Большой вклад в сохранение песенных образцов внесли В. П. Тузакова и И. А. Коробейникова³⁸⁸. С 1962 года они собирали традиционные напевы, а затем оформляли в музыкальные произведения. Кроме того, тексты песен, собранные данными фольклористами, обрабатывались, и им придавалась стихотворная форма. Также старинные селькупские песни переводились на русский язык, благодаря чему они стали доступны широкому кругу слушателей.

Современные песни селькупов сознательно сохраняют и воспроизводят фольклорные образцы. Подобно архаическим источникам, тексты современных песен воспроизводят восхищение красотой природы и ее своеобразием. Так, в песенном тексте «Страна Селькупия» (музыка В. Зоткина, слова Б. Ковешникова) идет возвеличивание своей земли: «И словно сказка эти дивные места, земли нетронутой святая чистота»³⁸⁹. Диапазон мелодии достаточно объемный – используется ундецима. Синкопа, звучащая в начале каждой фразы, должна свидетельствовать об обращении к этническим музыкальным традициям.

Жанр колыбельных селькупских песен также имеет свои особенности. В текстах колыбельных песен девочек называли «солнышко», «куколка», «ягодка-смородинка», «картошечка»: «Ты – картошечка моя, очень я люблю тебя»³⁹⁰. Мальчиков при пении колыбельной могли называть «воробушком», «медвежонком» или «рыбкой». Когда мальчики подрастали, колыбельная

³⁸⁷ Доннер К. Сказки кетских селькупов. Рассказы стариков в разное время / К. Доннер // Земля Верхнекетская : сборник науч.-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района ; отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1997. – С. 42.

³⁸⁸ Тузакова В. П., Коробейникова И. А. Обские напевы селькупов Нарымского края. – Томск: Вайар, 2015. – 152 с.

³⁸⁹ Старинные и современные селькупские песни / Сост. Ю. Юнкеров. – Салехард, 1999. – 65 с.

³⁹⁰ Старинные и современные селькупские песни / Сост. Ю. Юнкеров. – Салехард, 1999. – С. 59.

песня звучала в виде напутствия: «Когда ты подрастешь, пойдем с тобой рыбку ловить»³⁹¹.

Рассмотрев традиционный и современный музыкальный фольклор селькупов, можно сделать следующие выводы: во-первых, музыкальный фольклор этноса разножанровый. Во-вторых, интонационный пласт исполняемых песен в основном имеет сакральное значение – процесс создания звука (игра на инструментах, пение, звукоподражание) считается магической практикой. В-третьих, селькупский язык, выйдя из повседневного употребления, сохраняется и воспроизводится в музыкальной культуре.

В ходе сравнительного исследования были выявлены некоторые особенности музыкальной фольклорной культуры эвенкийской, долганской, селькупской этнокультурных групп, которые изложены в табл. 1.

Таблица 1

Особенности музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири – эвенков, долган, селькупов

Параметры	эвенки	долганы	селькупы
Ритмическая организация песен	Преобладание синкопированного ритмического рисунка, обилие мелизмов.	Преобладание пунктирного ритмического рисунка.	Использование триоли, пунктира в песенных примерах.
Ладовая организация песен	Бесполутоновая ладовая система.	Малоступенный лад.	Устойчивый лад
Традиционные народные инструменты	<i>Конгипкавун</i> (металл. варган), <i>билгау</i> (высушенное птичье горлышко), охотничий лук, бубен, <i>оревун</i> (деревянная трубка), <i>пичавун</i> (пищалка), <i>тиргипкавун</i> (деревянный варган),	Фоноинструменты: <i>каангалда</i> (ботало на рогах оленя), <i>купулаан</i> (ботало-колокол), <i>кобо</i> (погремушки-бубенчики), <i>кингкилээн</i> (звуковые украшения на одежде).	<i>Томраа</i> (губной инструмент), <i>Кага</i> (струнный инструмент), пищалки, свистелки, шумовые инструменты: колокольчики, бубен.

³⁹¹ Там же.

	бубен.	<i>Баргаан</i> – дуговой варган, бубен.	
Смысловое значение пе- сенного текста	Любовь к родной земле, к природе, к животным и максимально позитивное отношение ко всему, что окружает авторов, исполнителей, слушателей.		

При сравнении музыкальных произведений изучаемых народностей были обнаружены общие элементы их музыкальной фольклорной культуры. Практически во всех песенных образцах, связанных с охотой и промыслом, используется звукоподражание, которое имеет не только иллюстративную направленность, но и несет в себе сакральное значение. У большинства репрезентантов музыкальной фольклорной культуры схожа ритмическая организация произведений.

Одной из главных отличительных особенностей музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов является ладовая организация песен. Так, песни эвенков относятся к бесполутоновой ладовой системе – пентатонике. В свою очередь ладовым основанием долганских песен является малоступенный лад с широкими интервальными скачками. Песни селькупов имеют в основном устойчивую ладовую организацию.

Традиционные музыкальные инструменты в каждой этнической группе имеют свое название, но функционально одинаковы в применении. Большое значение имеет ритмическая организация музыкального произведения, поскольку ритм необходим для совершения обрядовых действий. В основном аккомпанирующую роль выполняют шумовые инструменты – бубен, палочки, колокольчики. Кроме того, у всех трех этносов есть губной музыкальный инструмент – варган. Для большей звукоизобразительности в песнях используются различные свистульки, пищалки и т. п.

Таким образом, музыкальная фольклорная и авторская культура коренных малочисленных народов Сибири содержит ряд специфических артефактов и культурных практик взаимодействия с этими артефактами. Данные

культурные практики характерны для современных процессов этнокультурной идентификации и самоидентификации коренных малочисленных народов Сибири. В XXI в. эти процессы протекают в современной информационной среде. Дальнейшее исследование связано с анализом репрезентации музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов в современной информационной среде.

2.3 Современные культурные практики сохранения и воспроизводства музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов

Создание корпусов музыкальных произведений коренных малочисленных народов Сибири. В исследовании традиционных фольклорных текстов главной задачей в создании корпусов является выявление этнографических деталей и дифференциация их по определенным признакам. Данная область является новой и формируется при помощи базы фольклорных произведений этнических традиций.

Первые опыты в систематизации фольклорных текстов начинаются с 1980-х гг. Главным методом при создании корпусов музыкальных текстов является опора на терминологическую базу. Тем самым корпусный метод способствует быстрому поиску запрашиваемой информации.

Процесс создания корпуса музыкальных текстов включает в себя три этапа:

- 1) отбор текстов исследуемой области или культуры.
- 2) вычленение основных структурных элементов текста.
- 3) выявление лексических и интонационных особенностей текста, а также составление базового списка, включающего в себя терминологию и ключевые понятия³⁹².

Исследователи выделяют следующие основные критерии, участвующие в отборе текстов³⁹³:

Предметная направленность. Фиксированные музыкальные тексты, на которые направлена исследовательская деятельность, а также изучение языка с их помощью, включающие в себя теоретические и методические элементы.

Соотнесенность по времени. Материал, собранный в полевых условиях, разделяется на архаичный и современный. Благодаря такой структуре

³⁹² Гриневиц А. А. Онтология хантыйского корпуса текстов для электронного портала «Фольклор народов Сибири». – Томск, 2004. – С. 337 – 340.

³⁹³ Кузьмина Е. Н. Основные научные принципы фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 7.

можно проследить динамику и путь развития музыкальной культуры в целом. Кроме того, этот подход позволяет выявить этнокультурные особенности исследуемой народности.

Балансировка. В корпусе музыкальных текстов четко представлена терминологическая база, что позволяет получать информацию об их использовании³⁹⁴.

«При создании корпуса музыкальных текстов народов Сибири внутри фольклорных текстов выявляются эпизоды, словосочетания и фразы, характеризующие хозяйственную деятельность героев, их материальный быт – снаряжение для охоты, рыбалки, жилища, пища, утварь и т. п.; элементы социальной жизни человека – сватовство, свадьба, встреча гостей, проводы героя, похороны и т. д.; сказание о героях, подвигах и т. п.»³⁹⁵.

О хозяйственной деятельности, как правило, повествуется в первых фразах и зачинах песни, она представляет собой некое сообщение о том, какой деятельностью занимается или занимался главный герой.

Одним из главных занятий малочисленных народов является охота. Этот род деятельности представлен прежде всего песнями таежных охотников и рыболовов. Так, например, в музыкальной фольклорной культуре селькупов главным промысловым занятием является охота на белок (белкование). События, описанные в подобных песнях, происходят в зимнее время. Как правило, зачины песен начинаются сборами героя на рыбалку или охоту (на водоплавающую дичь). Большая часть фольклорных текстов об охоте и рыболовстве связана с традиционным героем «Итя».

Необходимо отметить, что в традиционных песенных текстах селькупов на данный сюжет отражается активное занятие охотой. Одновременно есть упоминание о других способах хозяйственной деятельности – по совету старших герой добывает животных при помощи петель и котцев (рыболовно-

³⁹⁴ Там же С. 9.

³⁹⁵ Тучкова Н. А. Корпусный метод в фольклористике и его возможности для этнографических исследований (опыт использования на селькупском фольклорном материале) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 2 (20). – С. 100 – 111.

го снаряжения). Типичным в тексте песен является сюжетная линия – герой собирается на рыбалку, но одновременно берет с собой лук и стрелы. С охоты он приносит домой утку. Большинство песенных текстов также связано с рыбалкой. Типичные зачины песен: «Бабушка, я пойду ловить рыбу сетью», после чего герою дается сеть, и он уходит на промысел. Кроме сети в текстах могут встречаться и другие способы ловли – с помощью морды и запоров (ловушками для рыб) и пики.

Как отмечалось ранее, огромное значение для северных народов имеет животноводство и оленеводство. В корпусе песенных текстов селькупов это также находит свое отражение: «Муж с ружьем в лес пошел белковать, а жена скот кормила»³⁹⁶ или «Ича поехал охотиться и запряг оленей»³⁹⁷.

Традиционным жилищем селькупов является чум – «*тат*», что, в свою очередь, представлено в песенной культуре этого этноса. Обычно в тексте песен не фиксируются детали интерьера жилища, но заостряется внимание на опорном шесте – к нему себя привязывает герой, чтобы злые духи его не унесли.

В песнях также может быть описание другого вида жилья – избушка, землянка («*карамо*»). Причем одно из важных мест в жилище принадлежит очагу. Несмотря на то, что в песенных сюжетах относительно данного объекта как таковое внимание не акцентируется, но согласно этнографическим данным очаг имеет огромное значение для всех коренных малочисленных народов Сибири – через него входят и выходят духи, охраняющие дом или, возможно, враждебные.

Корпус фольклорных текстов эвенков также представлен разножанровыми этнокультурными особенностями.

Общее название песен, мотивов и мелодий в эвенкийском языке обозначается словом «*икэн*». Имеются и другие слова, связанные с песенным

³⁹⁶ Старинные и современные селькупские песни / Сост. Ю. Юнкеров. – Салехард, 1999. – С. 34.

³⁹⁷ Там же. С. 45.

творчеством – «*давляйн*», «*хэгэн*», «*икэвун*». Пение сказителя во время повествования обозначается словом «*икэвкэ*».³⁹⁸

В корпусе текстов эвенкийских песен можно встретить следующие традиционные обозначения песенных жанров:

- 1) плясовая песня – «*Дэвэй алд*», «*олкм*», «*тнг*», «*учр*»;
- 2) длинная (переводная) песня – «*Давлявун давляйн*»;
- 3) песня-импровизация – «*һайн*»
- 4) песни с устойчивой тематикой – «песня шамана», «урм песня», песни весеннего праздника³⁹⁹.

Одна из отличительных особенностей эвенкийской музыкальной культуры заключается в синкретическом единстве пения и танца. В корпусе фольклорных текстов могут быть использованы традиционные понятия – «*зэлэн*», что означает «петь и плясать» или «*икэн*», переводимое как «танец с пением». Г.М. Василевич говорила о том, что «на самых ранних этапах истории эвенков танец с пением представлял собой охотничью пантомиму или игрище охотников, в которых выявлялась не только сила, ловкость и сообразительность, но и смелость»⁴⁰⁰.

Необходимо отметить характерную черту, свойственную только эвенкам и эвенкам, – понятие танца и песни могут выражаться одним словом, например, глаголом «*хэдэн*», что означает «*петь и плясать*».

В корпусе песен эвенков также можно встретить тексты, связанные с промыслом, – охотой и рыболовством. Главные герои таких песен назывались «*бае*», «*уранкай*», «*мата*», что в переводе означает «человек». Для охотников и рыболовов важным является «*сингкэн*» – удача, встречающаяся также в их традиционных песнях.

³⁹⁸ Петров А. А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов / А. А. Петров; Отв. ред. В. А. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2013. – 214 с.

³⁹⁹ Василевич Г. М. Материалы по фольклору сибирских эвенков // Материалы по эвенкийскому (тунгусскому фольклору) / Сост. Г. М. Василевич. – Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1936. – С. 58.

⁴⁰⁰ Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки XVIII – начало XX в. – Л.: Наука, 1969. – С. 208.

Для жизни коренных малочисленных народов Сибири огромное значение имеет оленеводство. В эвенкийских песенных текстах название животного звучит как «сэвэ́кй» или «хэвэ́кй». В зависимости от местоположения и диалекта в текстах песен могут встречаться и другие названия этих животных – «энгун», «итык», «аминикáги оронин» («божий олень»), «бугады орон» («небесный олень»).

Корпус музыкальных текстов долган также разнообразен и разножанровен. Традиционный фольклор включает в себя героический эпос, сказки, мифы, легенды, предания, песенное творчество.

При создании корпуса фольклорных текстов долган российский ученый А. А. Попов⁴⁰¹ разделил их по тематическому признаку: тексты о животных, о разбойниках, о шаманах, сказки, песни, олонхо.

Огромное значение для корпусной фольклористики представляют труды П. Е. Ефремова⁴⁰². Ученый сравнивал тексты на долганском и русском языках, сверяя их, устранял неточности, допущенные при переводе.

Одним из основных жанров долган является героический эпос, который в народе имеет название «ыры́алаак олонко» – «олонко с песней». Само слово «олонко» переводится как «вымысел», «повествование», «рассказ»⁴⁰³.

Особое место в традиционной музыкальной культуре долган уделяется деталям, относящимся к быту и эпическому творчеству. Так, например, в героических сказаниях промысел богатырей осуществляется на диких медведях и оленях. Вместо собак могут быть медведи и волки, а ловят коней «маму́том». В текстах, связанных с оленеводством и животноводством, отражены такие национальные слова, как: «маму́т», «сокуй» (элемент одежды) и «хорей» (инструмент для понукания олений).

Благодаря созданию корпуса песенных текстов музыкальный фольклор появляется и оформляется как структурная единица традиционной культуры,

⁴⁰¹ Попов А. А. Долганы: Собрание трудов по этнографии. Т 2. / Соста. А. А. Барболина. – СПб.: Дрофа, 2003. – 319 с.

⁴⁰² Ефремов П. Е. Долганское олонхо / П. Е. Ефремов. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 133 с.

⁴⁰³ Там же.

отличающаяся конкретным и совершенным образом, устойчивыми ладовыми и структурными признаками, указывающими на характерные особенности конкретной этнической группы. Основным критерием при отборе текстов служит их историко-познавательная ценность, а также художественное совершенство.

Данный подход к фольклорным текстам позволяет одновременно выявить большой и дифференцированный набор этнографических аспектов исследуемой культуры, а также структурировать материал по хронологическим и локальным элементам жизни народа. Выявляемое культурное пространство с помощью корпусного подхода помогает в исследовании особенностей традиционного текста и позволяет понять художественную основу современной этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири. Тексты музыкального фольклора представляют собой архаизированный культурный пласт. Основной контекст этнографических фольклорных произведений детально показывает быт и жизненный уклад человека, а также род их занятий. Произведения музыкального фольклора выступают содержательной базой культурной и исторической памяти эвенков, долган и селькупов.

Музыкальный фольклор, будучи носителем культурной памяти коренных малочисленных народов Сибири, являет собой определенную форму передачи культурных смыслов. Его современное воспроизведение становится одним из основных механизмов формирования культурной идентичности этих народов.

Одним из ярких примеров интерпретации традиционного музыкального фольклора в современной информационной среде является этно-опера Александра Маноцкого «Бойе» на литературный текст В. П. Астафьева. Произведение было написано в 2013 г. и поставлено в Красноярском музейном центре в «Ночь музеев» (приложение 2, рис. 9, 10). В сюжете оперы нет повествования о трудностях людской жизни, рассказ о Бойе, лучшем друге главного героя, тоже остается за кадром. Все действие построено на единственном эпизоде из жизни охотников, решившихся зимовать в тундре.

Большое значение в современной музыкальной культуре отводится пространственному решению. Данная постановка проходила в формате «*movement*», что означает непрерывное движение. Среди характерных особенностей выделяется живое взаимодействие со зрителем: зритель находится в центре происходящего (один из способов вовлечения в традиционную культуру); импровизационность, неожиданное вступление артистов, расположение оркестра (шесть инструментальных групп размещены вокруг аудитории, т. е. и исполнители, и слушатели находятся в одном пространстве). Расположение точек-мизансцен было задумано композитором независимо от конкретного помещения.

Элементы звукоизобразительности, характерные для традиционного музыкального фольклора, тоже включены в это произведение. Так, звукоизобразительные элементы в опере достигаются с помощью разных средств музыкальной выразительности. Здесь можно выделить определенные тембровые решения, и разнообразие технических приемов исполнения. Например, прием игры за подставкой в партии скрипок создает скрежещущий звук, который имитирует звучание народных эвенкийских инструментов.

Трансляция спектаклей, концертов и постановок с помощью современной информационной среды позволяет традиционному и современному искусству не только выйти за территориальные границы города, края или региона, но и расширить аудиторию зрителей и слушателей.

Основой современной информационной среды является медиaprостранство. Предварительный анализ показывает, что произведения музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов активно приобретают медиатизированную форму. Особенно характерен данный процесс медиатизации произведений музыкального фольклора коренных малочисленных народов Сибири для последних 5-10 лет. Для исследования современной информационной среды в контексте культуры коренных малочисленных народов Сибири необходимо было применить сумму методов, разрабатываемых в современных медиаисследованиях.

Термин «медиа» в переводе с латинского означает «посредник» и имеет следующие атрибуты⁴⁰⁴:

- 1) сохранение (фиксация);
- 2) репродуцируемость;
- 3) удаленность во времени и пространстве;
- 4) компетентность в использовании.

С методологической точки зрения, исследование феномена медиа в большинстве случаев опирается на следующие научные теории⁴⁰⁵:

- 1) социальную теорию;
- 2) философскую теорию;
- 3) лингвистическую теорию.

Первая теория применима в таких научных областях как: антропология, социология, экономика. Анализ элементов медиа здесь проводится с помощью классических методов исследования – интервью, контент-анализа, наблюдение, фокус – группы и т.д.

Второе направление необходимо для теоретического осмысления эмпирических данных. Основные представители философских теорий медиа – Ю. Хабермас⁴⁰⁶, С. Жижек⁴⁰⁷, П. Бурдьё⁴⁰⁸, М. Фуко⁴⁰⁹, Э. Морен⁴¹⁰ и др.

Возникновение лингвистической теории медиа связано с появлением семиотики. Благодаря данному направлению, исследование аудиального, поэтического, рекламного и другого материала для анализа медиа осуществляется с помощью знака. Представителями данного направления являются такие ученые как: Р. Барт⁴¹¹, У. Эко⁴¹², Э. Бенвенист⁴¹³, П. Рикёр⁴¹⁴, Дж.

⁴⁰⁴ Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2017. – С. 26.

⁴⁰⁵ Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2017. – С. 240 – 242.

⁴⁰⁶ Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: MIT Press, 1989.

⁴⁰⁷ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.

⁴⁰⁸ Bourdieu P. *La distinction. Critique sociale du jugement*. – Paris: Les éditions de Minuit, 1979.

⁴⁰⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994.

⁴¹⁰ Морен Э. Метод. Природа Природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.

⁴¹¹ Barthes R. *Éléments de sémiologie // Communications*. 1964a. – Vol. 4. – No. 4. – P. 91–135.

⁴¹² Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста. – М.: Изд-во РГГУ 2005.

⁴¹³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Изд-во УРСС, 2009.

Остин⁴¹⁵ и др. Таким образом, рассмотренные выше теории формируют новые представления о медиа культуре, а также способствуют пониманию данной предметной области и основных направлений.

Гарольд Лассуэлл, один из ведущих медиаисследователей, выделил следующие основные функции медиа:

- 1) «наблюдение за социополитическим оружием – через медиа происходит демонстрация обществу самого общества;
- 2) корреляция с компонентами общества – выполняет функцию передачи информационных задач в различных подсистемах общества;
- 3) передача культурного наследия – массовые коммуникации постоянно воспроизводят и создают общество»⁴¹⁶.

Еще одна функция медиа, согласно теоретическим исследованиям Чарльза Райта,⁴¹⁷ – развлекательная.

Одно из самых распространенных в современных социогуманитарных направлениях в исследовании культуры с помощью медиа является «*diaspora media studies*» («медиаисследования диаспор»). Например, рассматривается т.е. «культурный шок» и его последствия. Преодоление «культурного шока», происходящего в результате столкновения цивилизаций, современный медиаисследователь Филипп Бок видит в следующем:

- 1) «геттоизация (изоляция культуры внутри другой культуры);
- 2) ассимиляция (растворение одной культуры в другой с целью соответствия социальным и культурным нормам);
- 3) культурный обмен (взаимодействие культур);
- 4) частичная ассимиляция (принятие части культурных норм);
- 5) колонизация и модернизация (разрушение одной культуры другой)»⁴¹⁸.

⁴¹⁴ Ricoeur P. Du texte à l'action, Essais d'herméneutique. – Paris: Seuil, 1986.

⁴¹⁵ Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

⁴¹⁶ Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // Bryson L. The Communication of Ideas. – N. Y.: Harper, 1948. – P. 37–51.

⁴¹⁷ Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2017. – С. 270

Американский антрополог Арджун Аппадурай⁴¹⁹ в книге «На просторах современности: культурные измерения глобализации», исследуя культуру разных этносов, определил типы этнокультурных пространств и их взаимодействие друг с другом. Он выделяет следующие виды этнокультурных пространств:

- 1) этнопространство (этнообмен);
- 2) медиапространство (обмен сообщений);
- 3) технопостранство (обмен технологиями);
- 4) финансовое пространство (обмен финансовыми потоками);
- 5) пространство идей (обмен идеями и идеологиями)⁴²⁰.

С 1990-х гг. происходит активное развитие медиатехнологий, телекоммуникаций и других медиаканалов, в результате чего образуются следующие категории виртуальных продуктов:

- 1) «медиатизированные социальные обмены; свободные для потребления услуги (коммерческое телевидение и т.п.);
- 2) нерыночные продукты, создаваемые на основе принципа воспроизводимости (государственные медиа)»⁴²¹.

Современные представители этнических групп для сохранения, воспроизводства и трансляции своей этнокультурной основы создают различные виртуальные сообщества, YouTube-каналы, веб-сайты, медиатизируя фольклорную музыкальную культуру. Благодаря коммуникативным возможностям Интернет-пространства традиционная культура малых этнических групп становится доступной более широкой аудитории, чем в предшествующие историко-культурные периоды.

Исследование медиатизированной музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири в Интернет-пространстве позволило сформировать представление о ее современном состоянии, а также вы-

⁴¹⁸ Bock Ph. Culture Shock: A Reader in Modern Cultural Anthropology. – N. Y., 1970. – P. 56 – 57.

⁴¹⁹ Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis, 1996.

⁴²⁰ Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2017. – С. 364 – 365.

⁴²¹ Там же С. 381

делить специфические культурные практики конструирования этнической идентичности этих групп в современной информационной среде.

В ходе анализа наиболее популярной среди современных российских молодежных демографических групп социальной сети «ВКонтакте» было выделено 6 групп Интернет-сообществ, связанных с традиционной музыкальной культурой эвенков, долган и селькупов: «Эвенкийский народный ансамбль «Осиктан»», «Эвенкийская певица Санильга-Кыраһа», «Этнос: эвенки, тунгусы», «Һакалар - долганы», «Единый народ «долганы»», «Селькупы».

Эвенкийский народный ансамбль «Осиктакан». «Осикта» в переводе с эвенкийского означает «звезда». Данный коллектив был образован в 1966 г. и с тех пор является постоянным участником концертно-просветительской деятельности. В социальной сети «ВКонтакте» выложены ряд музыкальных произведений в их исполнении, а также фотографии с различных мероприятий. Данный ансамбль является постоянным участником фестиваля «Мир Сибири». Всего в группе 93 участника. Коллектив выступал с песенно-танцевальной сюитой «Солнце Октября землю обогрело», в которую вошли песни и стихи местных авторов Алитета Немтушкина и Ксении Ворониной, танцы «Олененок», «Охота на медведя», «Ехорье». Через два года концертной деятельности, коллектив статус «народного».

Эвенкийская певица Санильга-Кыраһа (рис. 3) позиционируется как одна из наиболее ярких и художественно одаренных представителей своего народа. В переводе с эвенкийского «Синильга» означает «снег». В репертуар этой певицы входят известные фольклорные эвенкийские песни, хороводы, а также эстрадные якутские песни. В настоящее время Синильга работает в Якутии в Театре малочисленных народов Севера. Произведения музыкальной фольклорной культуры в исполнении этой певицы были подвергнуты современной обработке, создаются современные музыкальные видеоклипы. Всего в группе «Эвенкийская певица Санильга-Кыраһа» социальной сети «ВКонтакте» 124 участника. Кроме того, у певицы есть собственный YouTube-

канал⁴²². Несмотря на то, что подписчиков у этого канала всего 63, клипы певицы пользуются определенной популярностью. Так, клип «Две звезды»⁴²³ набрал 2751 просмотр. Певица в дуэте с Еленой Голомаревой исполняют традиционную эвенкийскую песню. Это хороводная песня с повторяющимися словами «Эгелей эге-эге-эге-лей». Несмотря на современную музыкальную обработку, в песне звучат традиционные фоноинструменты – варган и бубен, что придает данному произведению искусственно архаизированный характер.

Рис. 3. Скрин экрана страницы «ВКонтакте» «Эвенкийская певица Санильга-Кыраһа»

Интернет-сообщество – группа «ВКонтакте» «Этнос: эвенки, тунгусы» берет на себя просветительскую функцию. В этой группе размещена историческая справка о жизни эвенкийского народа, опубликованы образцы музыкальной фольклорной культуры в виде музыкальных треков. На группу подписаны 581 чел.

⁴²² https://www.youtube.com/channel/UCqsfJT5WvalwAra_WWYccrw

⁴²³ <https://www.youtube.com/watch?v=oGEA6uQvIX0>

Группа «Һакалар - долганы» (рис. 4) имеет 306 подписчиков. В данной группе представлены как научно-познавательные видео, рассказывающее о быте и жизни долган, так и образцы традиционной музыкальной фольклорной культуры, в том числе видеозаписи с музыкальных фестивалей и конкурсов.

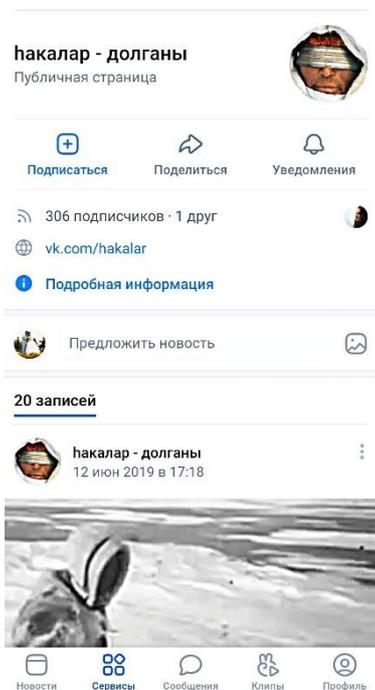

Рис. 4. Скрин экрана страницы «ВКонтакте» «Һакалар - долганы»

Группа «Единый народ – долганы» включает 350 участников. В данном сообществе также представлены музыкальные образцы фольклорной культуры в виде музыкальных треков, созданы различные темы для общения и обсуждений.

Группа «ВКонтакте» «Селькупы» имеет 109 участников. Здесь размещена историческая справка о происхождении и быте селькуп, подробно описывается селькупская культура и обычаи, размещены образцы традиционной музыкальной фольклорной культуры в виде музыкальных треков, научно-познавательный видеофильм соответствующей тематики.

Конкурсы и фестивали традиционной музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири, как правило, имеют цифровую версию на веб-сайтах и YouTube-каналах.

Так, для популяризации фольклора коренных народов Сибири на бурятском телеканале ведется телепередача «Улгур». YouTube-канал этой передачи существует с 2014 г. Количество просмотров каждого выпуска, как правило, варьируется от 50 до 300. Количество просмотров телепередачи от 18.12. 2018 г., где была сделана запись VIII Межрегионального фестиваля эвенкийской песни и танца⁴²⁴, составило 1100.

Наиболее известен в современном российском культурном пространстве фестиваль «Мир Сибири»⁴²⁵ – Международный фестиваль этнической музыки. Канал фестиваля был создан в 2013 г. и имеет в настоящее время 2037 подписчиков. Ролики отдельных выступлений насчитывают в среднем от 200 до 1000 просмотров. В 2019 г. фестиваль на всех своих площадках объединил 35 тыс. чел. На концертных площадках фестиваля выступали мастера – представители эвенкийской и долганской этнокультурных групп. Отличительной особенностью фестиваля «Мир Сибири» являются этнические мастер-классы, где демонстрируются различные традиционные искусства и ремесла. Группы фестиваля «Мир Сибири» в социальных сетях имеют достаточно большое количество подписчиков: «ВКонтакте» – около 17 000 чел., «Facebook» – около 1800 чел.

«ARCTIC MEGAPEDIA»⁴²⁶ – «Арктический многоязычный портал» содержит информацию о культурах арктических этносов. Канал создан в 2014 г. и имеет на сентябрь 2020 г. 277 подписчиков и 75853 просмотров. В качестве иллюстративного материала здесь представлены видеофильмы с исполнением сказок, стихов, олонхо, а также традиционных и современных песен. Так, видеоролик «Долганы Красноярского края» за 7 месяцев набрал 912 просмотров. Данный видеоматериал представляет собой бытовую запись, где звучит долганская народная лирическая песня.

Интересен с точки зрения представленности долганского музыкального фольклора в современной информационной среде YouTube-канал Федора

⁴²⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=23TdH4stVz8>

⁴²⁵ <https://www.youtube.com/user/mirsibiri>

⁴²⁶ <https://www.youtube.com/c/ARCTICMEGAPEDIA/videos>

Калинина⁴²⁷. Канал был создан в 2015 г. и имеет 50 подписчиков. Несмотря на небольшое количество подписчиков, выложенные видеоролики пользуются определенной популярностью. Так, например, долганский ансамбль «Хейро» с танцем «Долганский напев» имеет 2366 просмотров, этот же коллектив с танцем «Хейро» – 6281 просмотр, а вокально-танцевальная группа «Сулускан» с песней «Долганская девушка»⁴²⁸ – 4470 просмотров.

YouTube канал «ГАУК ОЦНК»⁴²⁹ был создан в 2015 г., имеет в настоящее время 626 подписчиков. Здесь собраны образцы музыкальной культуры многих этнических групп коренных малочисленных народов Сибири. Видео-запись концерта «Песни селькупской тайги»⁴³⁰ позволяет выделить особенности построения концертных номеров, репрезентирующих селькупскую музыкальную культуру. Концерт открывается тремя традиционными песнями, исполняющимися исключительно под звуки бубна. Песни поются в октавный унисон женских и мужских голосов. Связующим элементом между традиционным и современным песенным репертуаром селькупов выступает национальный танец «Эл Ойэн».

YouTube-канал Александра Ирикова⁴³¹ связан с традиционной селькупской музыкальной культурой. Канал имеет всего 6 подписчиков. В песне «Щой кумый тэтты»⁴³² в исполнении вокальной группы «Мачит коймы», что означает «Песня тайги», применено звукоподражание пению птиц. В качестве аккомпанемента используется звучание бубна, отбивающий специальный ритмический рисунок. Функционально мелодия песни достаточно проста, но звукоизобразительные и подголосочные вставки делают ее красочной. Данное видео имеет 146 просмотров.

⁴²⁷ https://www.youtube.com/channel/UCgJBTRI8zVAXM7g_aEowBIA

⁴²⁸ https://www.youtube.com/watch?v=l60-R_Xkc7g

⁴²⁹ <https://www.youtube.com/channel/UC13p8w49UWsP6ILHfRKPyGA>

⁴³⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=Rz4PCmPuWGQ&t=160s>

⁴³¹ <https://www.youtube.com/channel/UC9e8dSCKFU-wH6yegpRtFsg/videos>

⁴³² <https://www.youtube.com/watch?v=KLNyautTYG0>

В табл. 2 приведены количественные данные, связанные с представленностью фольклорной музыкальной культуры эвенков, долган и селькупов в современном интернет-пространстве.

Таблица 2

Фольклорная музыкальная культура эвенков, долган и селькупов в современной информационной среде (на примере интернет-сообществ социальной сети ВКонтакте и видеороликов, размещенных на видеохостинге YouTube)

Название коллектива (исполнителя)	Географическое местонахождение музыкального коллектива, исполнителя	Количество просмотров (YouTube за последние 3 года) на сентябрь 2020 г.	Группы в социальной сети «ВКонтакте» (количество подписчиков) на сентябрь 2020 г.
Эвенкийский народный ансамбль «Осиктакан»	п. Тура, Красноярский край	Более 5000 просмотров	Группа «ВКонтакте» - 93 участника
Санильга-Кыраһа (эвенкийская певица)	Якутия	Более 20000 просмотров	Группа «ВКонтакте» – 124 участника Facebook – 4100 участников
Долганский ансамбль «Хейро»	г.Дудинка, Красноярский край	Более 10000 просмотров	–
«Мачит коймы» (селькупы)	г. Салехард	Более 10000 просмотров	Группа «ВКонтакте» – 103 участника

Произведения музыкальной фольклорной культуры эвенков, долган и селькупов благодаря аудиозаписям активно распространяются в современной информационной среде через несколько информационных ресурсов одновременно. Так, например, эвенкийская народная песня «Матушка Катанга» в исполнении ВИА «Северное сияние размещена на веб-сайтах «*LightAudio*»⁴³³,

⁴³³ <https://lightaudio.ru/mp3/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0>

«*biffhar*»⁴³⁴, «*get-tune.cc*»⁴³⁵, «*djbag.net*»⁴³⁶; круговой танец «Хейро»: «*LightAudio*»⁴³⁷, «*Hmp3.ru*»⁴³⁸; «Песня оленевода» – на сайтах «*biffhar*»⁴³⁹, «*iPlayer.Fm*»⁴⁴⁰, «*get-tune.cc*»⁴⁴¹; «Страна Селькупия»: «*LightAudio*»⁴⁴².

Большое значение для процессов воспроизводства этнокультурной идентичности имеют электронные библиотеки, в которых собраны репрезентанты музыкальной культуры коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Так, в электронной «Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия)»⁴⁴³ представлен научный и музыкальный материал в виде оцифрованных статей, рукописей, книг, нотных сборников, аудио- и видеоматериалы. В электронной библиотеке «Русский Север»⁴⁴⁴ открыты для доступа медиаматериалы, тематические газеты и журналы, этнографический материал. В электронной «Сахалинской областной универсальной научной библиотеке»⁴⁴⁵ проводятся электронные этнографические выставки, демонстрируются оцифрованные нотные издания и т.д. Этнокультурные особенности эвенков репрезентируются в оцифрованных материалах электронной библиотеки «Эвенкитека»⁴⁴⁶. Музыкальные произведения коренных малочисленных

⁴³⁴ https://biffhard.net/track/00415547850743059979%D1%82%D1%83%D0%BD%D0%B3%D1%83%D1%81%D0%BE_%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D1%87%D0%B6%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0_%D1%8D%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8_%D1%8D%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%B8_%D0%BD%D0%B5_%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0/

⁴³⁵ <https://get-tune.cc/song/11958534-tunguso-manchzhurskaya-gruppa-evenki-eveny-i-negidalcy/74634705-matushka-katanga/>

⁴³⁶ https://djbag.net/song/77770047/Tunguso_Manchzhurskaya_gruppa_Evenki_Eveny_i_Negidalcy_Matushka_Katanga/

⁴³⁷ <https://lightaudio.ru/mp3/%D1%85%D0%B5%D0%B9%D1%80%D0%BE>

⁴³⁸ https://hmp3.ru/oPLKNfvaYBnYIWtoITZwrQ_dolganskiy-tanets-heyro-heiro-dolgan-dance.html

⁴³⁹ https://biffhard.net/track/102953098230345902384-%D0%B5_%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%8B_%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%8B_%D0%BF%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8F_%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0/

⁴⁴⁰ https://web.gybka.com/song/87845254/E.Aksenova_dolgany_tofalary_-_Pesnya_olenevoda/

⁴⁴¹ <https://get-tune.cc/song/15850469-e.aksenova-dolgany-tofalary/99573496-pesnya-olenevoda/>

⁴⁴² <https://lightaudio.ru/mp3/%D1%81%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%8B>

⁴⁴³ <https://e.nlrs.ru/open/2935>

⁴⁴⁴ <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=18>

⁴⁴⁵ <https://libsakh.ru/>

⁴⁴⁶ <http://www.evenkiteka.ru/stellages/folklore/>

народов Сибири размещены на таких сайтах как: «Окружной Центр национальных культур»⁴⁴⁷, «ScorSer»⁴⁴⁸, «Ale07.ru»⁴⁴⁹, «Etnic.ru»⁴⁵⁰, «kmns.ru»⁴⁵¹.

Благодаря трансляции произведений музыкальной фольклорной культуры в современной информационной среде происходит расширение границ народного музыкального творчества. Трансляция музыкального фольклора с помощью современных технологий является сегодня одной из базовых практик воспроизводства этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири.

Музыкальная фольклорная культура эвенков, долган и селькупов распространяется с помощью Интернет-технологий, где в цифровом формате представлены аудио- и видеозаписи музыкальных произведений, этнографическая концертно-культурная деятельность, мастер-классы, on-line-трансляции концертов и отдельных исполнений традиционных музыкальных произведений и т.д.

Через сохранение, воспроизводство и трансляцию образцов традиционных музыкальных произведений современные композиторы воссоздают эталонные образы традиционной этнической музыкальной культуры, формируют новое этномузыкальное пространство, в котором исполняются и воспринимаются реципиентами произведения музыкальной культуры, содержащие традиционные музыкальные форматы. Современные композиторы расширяют пространство традиционной музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири, создавая произведения крупной формы (оперы, симфонии), приближая традиционную музыкальную культуру к высоким образцам музыкального искусства.

Воспроизводство и трансляцию произведений музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири можно рассматривать как процесс создания современной информационной среды, целенаправ-

⁴⁴⁷ <https://ocnk89.ru/multimedia/55-sbornik-pesen-narodov-severa>

⁴⁴⁸ <http://ru.scorser.com/D/%d0%9d%d0%be%d1%82%d1%8b.html>

⁴⁴⁹ <https://ale07.ru/index.html>

⁴⁵⁰ <http://etnic.ru/music/page/3>

⁴⁵¹ <https://kmns.ru/blog/2018/05/27/muzyka-narodov-severa/>

ленное формирование культурного пространства, способствующего процессам этнокультурной идентификации и самоидентификации коренных малочисленных народов Сибири.

Заключение

Культурологическое исследование способов конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири на основе сохранения и распространения музыкального фольклора в современной информационной среде позволило сделать ряд выводов, базирующихся на определенной концептуальной и методологической основе.

К важнейшим способам конструирования этнокультурной идентичности данных этнокультурных групп относятся процессы, связанные с сохранением, воспроизводством и трансляцией произведений традиционной музыкальной культуры, прежде всего, произведений музыкального фольклора.

В первом параграфе с помощью культурологического анализа музыкальной культуры определено её ценностно-смысловое значение, необходимое для формирования социокультурного и символического пространства тех или иных современных этнокультурных групп. Теоретико-культурологический анализ традиционной музыкальной культуры показал логику и основную проблематику теоретических знаний в области исследований музыкальной фольклорной культуры, а также позволил рассмотреть структурно-системные ценности, включающие в себя элементы материальной и духовной культуры. Среди этих ценностей выделяются такие, как ценность сохранения этнокультурной традиции, ценность наличия в этнической культуре современных и традиционных музыкальных произведений, ценность сохранения традиционных религиозных верований. Исследуя динамику социального развития, удалось определить корреляцию языкового своеобразия этнокультурной группы с музыкально-интонационной культурой исследуемых народов. Данная корреляция заключается в соответствии традиционного мелодического своеобразия произведения, где музыкальная интонация несет в себе определенную информацию, наполненную глубоким смыслом и его же ладогармоническими особенностями. Таким образом, сумма произведений традиционной музыкальной культуры коренных малочис-

ленных народов Сибири, репрезентированная с помощью цифровых и сетевых технологий современной информационной среды, представляет собой культурное пространство, в котором происходит кодирование базовых этнокультурных ценностей.

Анализ существующих методологических подходов позволил уточнить научную модель конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири и ввести в эту модель новые элементы, в том числе, межкультурные связи эвенкийской, селькупской и долганской этнокультурных групп, этнокультурный музыкальный язык народов Сибири, тематическое «ядро» традиционных музыкальных произведений, интонационное «зерно» и звукоизобразительность их музыкальной культуры.

Рассмотрение культурообразующих функций в контексте современной информационной среды с помощью структурного и функционального анализа позволило определить базовые элементы музыкальной культуры, а также систематизировать способы и методы их распространения в культурологическом пространстве. К этим элементам относятся средства музыкальной выразительности (темп, динамические оттенки, регистр, лад), музыкальная интонация, знаковая фиксация музыкального текста, жанровая сфера. Способы и методы распространения музыкальной фольклорной культуры в современной информационной среде осуществляются с помощью интернет-пространства, аудио и видеозаписей, этнографической концертно-культурной деятельности, мастер-классов, где происходит вовлечение зрителя в музыкальное игровое пространство, онлайн трансляции традиционных концертов, современных способов кодировки музыкальной информации.

Сравнительно-исторический метод, используемый для понимания закономерностей динамики развития коренных малочисленных народов, позволил проследить эволюцию становления исследуемой музыкальной культуры, а также объяснить принципы и способы ее развития. Суть этой эволюции заключается в расширении и изменении традиционного музыкального инструментария, заимствовании элементов музыкальной культуры в иных эт-

нокультурных группах, принадлежащих к коренным народам Сибири, создании современных произведений музыкальной культуры на традиционной основе, создании произведений музыкальной культуры крупной формы и традиционной направленности (оперы, симфонии и др.).

Во втором параграфе проведен аналитический обзор концепций и систематизированы знания о музыкальной фольклорной культуре, культурной идентичности, культурной среде, этнокультурной среде, интонационной культуре.

Исследование информационно-семиотической концепции музыкальной фольклорной культуры выявило два основных пути ее развития – материальный и духовный. Создание современной информационной среды, наполненной культурным наследием в области музыкальной фольклорной культуры, представляет собой культурный процесс, в котором каждая этническая культура через реконструкцию своего исторического прошлого формирует собственную уникальную культурную идентичность. Произведения музыкальной культуры, зафиксированные с помощью современных информационных технологий, актуализируют традиционный процесс передачи культурного наследия, когда, передаваясь от поколения к поколению, произведения музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Севера сохраняют свои архетипические стержни и механизмы, обеспечивающие этнокультурную идентификацию и самоидентификацию.

Типологический метод исследования произведений музыкальной фольклорной культуры помог раскрыть закономерности культурного функционирования этих произведений, конкретизировать их образное содержание, выявить специфику присутствия этих произведений в современной информационной среде. Например, произведение Н. Н. Биланина «Прекрасная земля» включает в себя как элементы традиционной, так и современной этнической культуры коренных народов Сибири. Автор, преобразовывая архаическое произведение, не только воспроизводит этнические культурные особенности, но и с помощью современных музыкальных выразительных средств делает

свое произведение доступным для воспроизводства с помощью актуальных инструментов, современных исполнителей и его трансляции слушателям, находящимся в современном информационном пространстве.

Таким образом, репрезентация произведений музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Севера и Сибири в современном информационном пространстве создает новые способы этнокультурной идентификации. Виртуализация культурного наследия и особое почитание произведений музыкальной фольклорной культуры как наиболее аутентичной, традиционной, укорененной в историческом времени, является способом передачи и актуализации культурных смыслов исследуемых этнокультурных групп, становится одним из основных механизмов в формировании современного этнокультурного пространства, а также способом самоидентификации культурных групп с конкретным этносом.

Теоретический анализ понятия «современная информационная среда» в первом параграфе второй главы в трудах зарубежных и отечественных ученых позволил конкретизировать актуальные способы культурного воспроизводства и сохранения культурной памяти коренных малочисленных народов Сибири. С помощью концептуального метода исследования раскрыты понятия «современная информационная среда», «музыкальная среда», «информация», «межличностная информационная среда», «информационная культура», «современная музыкальная культура», «современное информационное пространство».

Современная информационная среда – это новое социокультурное пространство, которое способствует раскрытию новых культурных смыслов в этнокультурном аспекте в том числе. Она базируется на принципах открытости, доступности, многообразия и включенности, а также содействует распространению этих смыслов. Основной технологической базой выступают цифровые технологии, а также технологии современных массовых коммуникаций, предполагающих обязательную обратную связь, переход множества социальных коммуникаций в виртуальную сферу, формирование кибер-

технологий для этнокультурных идентичностей в социальных сетях, создания специализированных веб-сайтов и ряда других современных культурных практик.

Исследование культурной модели фольклора с помощью анализа современной информационной среды позволило определить методы, способы и механизмы распространения культурного наследия в форме совокупности произведений музыкальной фольклорной культуры в современном социокультурном пространстве. Понимание современной информационной среды в культурологическом аспекте позволило выявить ее связь с динамичной художественной средой. Современная информационная среда выступает в роли информационного культурного элемента «большого» социокультурного пространства и является многоуровневым образованием, где соприкасаются и взаимовлияют друг на друга индивидуальные культурно-коммуникативные особенности каждого участника, а содержание данной среды определяет культурная специфика всех социальных групп, участвующих сегодня в процессах виртуальной массовой коммуникации.

Эмпирическое культурологическое исследование музыкальной культуры коренных малочисленных народов Сибири во втором параграфе второй главы диссертации позволило выявить базисные ценности, отражающие мировоззрение исследуемого феномена и их социокультурную уникальность. К этим ценностям относятся ценности добра, красоты, правды, труда, наличия художественного дара, эстетического вкуса, определенные эмоции, глубокое уважение к культуре собственного этноса и толерантное отношение к другим этническим культурным ценностям, в том числе выраженным в художественной форме. Таким образом, речь идет о ценностях, характерных для большинства этнокультурных групп. Поэтому своеобразие заключается в художественных форматах их сохранения, воспроизводства и трансляции. В данном исследовании были изучены музыкальные формы ценностных выражений этнокультурных групп коренных народов Сибири (эвенков, долган, селькупов).

Были проанализированы произведения музыкальной фольклорной культуры эвенкийской, долганской и селькупской этнокультурных групп. На основе этого анализа удалось выявить некоторые характерные особенности их музыкальной культуры. Взятые в качестве культурологического анализа фонетические образцы послужили основой для эмпирического исследования. В ходе культурологического анализа было выявлено, что музыкальная культура исследуемых этнокультурных групп имеет сходство между собой. Это культурное сходство выражается в следующих особенностях: использование пунктирных ритмов в вокальной и инструментальной музыке, применение возгласной интонации в обрядовой и промысловой песенной культуре (интонация восходящей кварты), бесполутоновых народных ладов в основании строения традиционных песен (пентатоника), звукоизобразительность в песнях (звукоподражание лесным и домашним животным).

Одновременно произведения музыкальной фольклорной культуры эвенкийской, долганской, селькупской этнокультурных групп значительно отличается от русской народной музыкальной культуры. Так, например, интонационной культуре исследуемых народов присуща острая ритмическая организация элементов музыкального языка, тогда как для русского народного мелоса характерен плавный мелодико-ритмический рисунок. Также одним из отличительных элементов песенной культуры малочисленных народов является звукоподражание. Данная особенность связана, прежде всего, с образом жизни, занятностью и природно-климатическими условиями исследуемых этнокультур. Тематическое содержание лирических песен, как в русской народной культуре, так и в песенных примерах малочисленных народов Сибири, имеет общие черты: создание художественного образа родной природы, любви к своей стране и людям.

Были определены жанровые особенности и функции произведений музыкальной фольклорной культуры, к которым относятся обрядовая (музыка шаманов, ритуалы, круговые танцы, благопожелания), эпическая и лирическая сферы.

В третьем параграфе второй главы было проведено исследование актуальной представленности произведений музыкального фольклора эвенков, долган и селькупов в современной информационной среде на материале анализа социальных сетей, веб-сайтов и видеохостинга YouTube, где размещены данные произведения в виде аудио-, видео- и текстовых материалов. На основании этого исследования можно с уверенностью утверждать, что современные практики этнокультурной идентификации эвенков, долган, селькупов – представителей коренных малочисленных народов Сибири – приобретают новые форматы в современной информационной среде. Речь может идти о кибер-формах, которые принимают традиционные культурные практики. В подавляющем большинстве этнокультурных групп сохранение, трансляция и распространение музыкальной фольклорной культуры имеет базовое значение. В начале XXI вв. это базовое значение сохраняется, но приобретает новые форматы, которые определяют появление новых культурных практик для идентификации и самоидентификации. Представители каждой этнокультурной группы создают групповые информационные образы, связанные с традиционным музыкальным фольклором.

Уточненная научная модель конструирования культурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири позволила дополнить особенности культурологических исследований данного явления (проведена культурная связь между архаичным и современным фольклором, с помощью корпусного подхода систематизированы песенные жанры, раскрыта межкультурная интонационная связь), а также определить их культурную и историческую ценность, которая заключается в продолжении творческой деятельности носителей музыкальной фольклорной культуры (ее создании и интерпретации). Благодаря песенным фольклорным текстам становится понятен традиционный образ жизни, а исконная среда обитания коренных народов Сибири получает художественную форму для своего воплощения. Для научной модели конструирования культурной идентичности коренных народов Сибири была дополнена терминологическая база: введены аутентичные понятия

традиционной (фольклорной прежде всего) музыкальной культуры, а также обозначены способы передачи культурной памяти от поколения к поколению, характерные для эвенкийской, долганской, селькупской этнокультурных групп.

Произведения музыкальной фольклорной культуры коренных малочисленных народов Сибири можно рассматривать как базу для пополнения современной информационной среды как важнейшего современного элемента культурного пространства, где происходят актуальные процессы сохранения, воспроизведения и трансляции культурной идентичности коренных малочисленных народов Сибири.

Список литературы

1. Авдеева, Ю. Н. Теоретико-методологические основы социокультурного проектирования // Социодинамика. – 2015. – № 10. – С. 138–149.
2. Авдеева, Ю. Н., Шпак А. А. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, А. А. Шпак // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 63–80.
3. Аврорин, В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору / Отв. ред. С. Н. Оненко. – Ленинград, 1986 – 526 с.
4. Айзенштадт, А. М. Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке // Проблема фольклора народов СССР. – Москва, 1973. – 312 с.
5. Айзенштадт, А. М. Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. – Москва, 1966.
6. Айзенштадт, А. М. Песенная культура звенков / А. М. Айзенштадт; Под общей редакцией В. М. Ковальчука; Комитет по делам культуры и искусства администрации Красноярского края. Государственный центр народного творчества Красноярского края, Управление культуры и кино Администрации Эвенкийского автономного округа. – Красноярск: Книжное издательство, 1995. – 286 с.
7. Айзенштадт, А. М., Ковальчук, В. М. Песенная культура эвенков. – Красноярск: Красноярское книжное издательство. – 1995. – 288 с.
8. Акишина, Е. О. Реконструкция социально-этических ценностей в пифагорейской философии // Наука, образование и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции (25 июня 2016 г., г. Томск). В 4 ч. Ч. 4. – Уфа, 2016. – С. 72 – 74.
9. Алексеев, Э. Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект / Э. Е. Алексеев; ВНИИ искусствознания. – Москва: Советский композитор, 1986. – 238 с.

10. Алексеев, Э. Е. Нотная запись народной музыки: теория и практика. – Москва: Советский композитор, 1990. – 168 с.
11. Алексеев, Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры: Рас–суждения о судьбах народной песни / Э. Е. Алексеев. – Москва: Советский композитор, 1988. – 237 с.
12. Алексеева, Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган: диссертация доктора искусствоведения: 17.00.02 Новосибирск, 2005. – 439 с.
13. Алексеева, Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. – Якутск: СО РАН, 2005. – 439 с.
14. Алексеенко, Е. А. Обряд и фольклор кетов // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. – Ленинград, 1974. – С. 69-75.
15. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – Москва: КАНОН–Пресс. Ц. Кучково поле, 2001. – 416 с.
16. Анисимов, А. Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири / А. Ф. Анисимов. – Ленинград: Наука, 1969. – 148 с.
17. Анучин, В. И. Рассказы сибиряка / В. И. Анучин. – Санкт-Петербург, 1899. – 64 с.
18. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.
19. Арановский, М. Г. Синтаксическая структура мелодии / М. Г. Арановский. – Москва: Музыка. 1991. – 30 с.
20. Арефьев, В. С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия ВСОРГО. Т. 32. № 2. Иркутск, 1902. – 126 с.
21. Аристотель. Избранные труды. – Москва, 1978. – 685 с.
22. Асафьев, Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. – 2-е издание. – Москва: Музыка, 1973. – 142 с.

23. Асафьев, Б. Музыкальная культура / В. Асафьев. – Москва, 1978. – 439 с.
24. Асафьев, Б. О народной музыке / Составитель И. Земцовский, А. Кунанбаева. – Ленинград: Музыка, 1987. – 248 с.
25. Астафьева, О. Н. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды / О. Н. Астафьева, А. Я. Флиер // Культурологический журнал. – 2013. – 1176 с.
26. Астафьев, В. П. Царь-рыба: повествование в рассказах / В. П. Астафьев. – Москва: Детская литература, 2010. – 429 с.
27. Афанасьев, А. Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. – Москва, 1996. – 640 с.
28. Ахмадулина, Б. Миг бытия / Б. Ахмадулина. – Москва, 1997. – 197 с.
29. Баева, Л. В. Информационная эпоха: Метаморфозы классических ценностей / Л. В. Баева. – Астрахань, 2008. – 234 с.
30. Барт, Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Сборник статей. – Москва: Новое издательство, 2006. – 200 с.
31. Баранов, А. М. Корпусная лингвистика / Баранов А. М. Введение в прикладную лингвистику. – Москва, 2001. – 360 с.
32. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва, 2001. – 423 с.
33. Бенедикт, Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. – Москва: Университетская книга, 1997. – 726 с.
34. Березюк, С. В. Музыкальный фольклор как феномен культурного наследия народа / С. В. Березюк // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 49.
35. Березюк, С. В. Рецепции музыкального фольклора коренных народов Сибири в современном музыкальном искусстве / С. В. Березюк //

Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: Материалы Международной научно-практической конференции Красноярск, 28 ноября 2019 года / Ответственный за выпуск Н. П. Копцева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – С. 194 – 204.

36. Березюк, С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве / С. В. Березюк // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4 (2). – С. 8 – 17.

37. Березюк, С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков / С. В. Березюк // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1 (2). – С. 32 – 40.

38. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – Москва: УРСС, 2009.

39. Богатырев, П. Г. Народная культура славян / П. Г. Богатырев / Составитель Е. С. Новик, Б. С. Долгих. – Москва: ОГИ, 2007. – 368 с.

40. Богораз, В. Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Советский фольклор. – Москва; Ленинград, 1949. – 255 с.

41. Бонфельд, М. Ш. Музыка: Язык, речь, мышление / М. Ш. Бонфельд. – Санкт-Петербург, 2006. – 396 с.

42. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983 – 418 с.

43. Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык // Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь–справочник. – Москва, 1994. – 245 с.

44. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Начала. – Москва: Socio, Logos, 1994. – 288 с.

45. Бурькин, А. А. Фольклор коренных народов Севера: Осмысление наследия, задачи и перспективы изучения // Арктика XXI в. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 28 – 43.

46. Бурькин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты (на материале эвенского языка). – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. – 384 с.
47. Благодатов, Г. И. Русская гармоника: Очерк истории инструмента и его роли в русской народной музыкальной культуре. – Ленинград: Учгиз, 1960. – 182 с.
48. Василевич, Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – Ленинград: Учпедгиз, 1940. – 196 с.
49. Василевич, Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Под редакцией Я. П. Алькора. – Ленинград: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 290 с.
50. Василевич, Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
51. Василевич, Г. М. Материалы по фольклору сибирских эвенков // Материалы по эвенкийскому (тунгусскому фольклору) / Сост. Г. М. Василевич. – Ленинград: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 201 с.
52. Васильева, Е. Е. Вертеп и музыка / Е. Е. Васильева // Традиционная культура: Научный альманах. Москва, 2002. – С. 37-54.
53. Ватхин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – Санкт-Петербург, 2001. – 338 с.
54. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – Москва, 1989. – 261 с.
55. Вертков, К. А. Атлас музыкальных инструментов народов СССР / К. А. Вертков, Г. И. Благодатов, Э. Э. Язовицкая. – Москва: Музыка, 1975. – 339 с.
56. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. Ленинград, 1940. – 383 с.
57. Вико, Д. Основание новой науки об общей природе наций / Д. Вико. – Ленинград, 1940. – 704 с.

58. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Т. 1. От Возрождения до Просвещения. – Москва: Кучково поле, 2007. – 496 с.
59. Винер, Н. Кибернетика и общество. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. – 201 с.
60. Винокурова, У. А. Воспитание и образование детей народов Севера. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1997. – 218 с.
61. Власов, И. В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – 376 с.
62. Воронкин, М. С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика / М. С. Воронкин. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
63. Воскобойников, М. Г. Эвенкийский фольклор / М. Г. Воскобойников. – Ленинград: Учпедгиз, 1960. – 339 с.
64. Галайская, Р. Ф. Варган у народов Советского Союза: (К вопросу об архаизмах в народном музыкальном инструментарии) // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. – Москва, 1973. – 340 с.
65. Галицкая, С. П. Теоретические вопросы монодии / С. П. Галицкая. – Ташкент, 1981. – 92 с.
66. Гегель, Ф. Избранные сочинения / Ф. Гегель. – Москва, 1956. – 372 с.
67. Геллнер, Р. Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Р. Э. Геллнер. – Москва: Московская школа политических исследований, 2002. – 249 с.
68. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / Иоганн Готфрид Гердер. – Москва: Наука, 1977. – 703 с.
69. Гиппиус, Е. В. Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный // Материалы и статьи: к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Редактор-составитель Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. – Москва, 2003. – 215 с.

70. Гиппиус, Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий / Е. В. Гиппиус // Актуальные проблемы современного фольклора. – Ленинград, 1981. – 196 с.
71. Гирц, К. Интерпретация культур. Москва: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
72. Гмелин, И. Г. Путешествие по Сибири: В 4 томах. – Геттинген, 1751. – 125 с.
73. Гончиков, В. С. Эвенкийские песни: Методическое пособие. – Красноярск: Арун, 1997. – 80 с.
74. Гончиков В. С. Гулувун / В. С. Гончиков. – Улан-Удэ: Республиканский центр народного творчества, 1992. – 80 с.
75. Горцевская, В. А. Очерк истории изучения тунгусо-манчжурских языков. – Ленинград: Учпедгиз, 1959. – 78 с.
76. Голованов, И. А., Казачук, И. Г. Национальные ценности в фольклорном тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 4. – С. 145 – 148.
77. Григоренко, Г. В. История философии: Учебник. – Москва: Юрайт, 2004. – 278 с.
78. Гриневич, А. А. Онтология хантыйского корпуса текстов для электронного портала «Фольклор народов Сибири» // Язык и фольклор коренных народов Сибири. – 2015. – № 1 (28). – С. 84 – 90.
79. Губайдулин, Ф. Ф. Музыкальные инструменты традиционной исполнительской культуры селькупов: Этноорнанологический аспект: дис. ...канд. искусствовед. – Москва, 2017. – 331 с.
80. Губайдуллин, Ф. Ф. Музыкальная культура селькупов: методы изучения // Анализ музыки в контексте задач музыкальной педагогики. – Уфа, 2012. – С. 124 – 147.
81. Гулыгин, М. Музыка в нашей жизни / М. Гулыгин. – Москва, 2004. – 232 с.

82. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград, 1989. – 202 с.
83. Гумилев, Л. Н. Этногенез и этносфера. Москва, 1970. – 189 с.
84. Гусев, В. Е. Эстетика фольклора. – Ленинград: Наука, 1967. – 286 с.
85. Гусева, О. В. Культурологический потенциал музыкального образования в условиях индустриального региона: дис...канд. культурол. наук. 24.00.01 / Гусева Ольга Васильевна. – Кемерово, 2003. – 183 с.
86. Грушевицкая, Т. Г., Попков, В. Д., Садохин, А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – Москва, 2002. – 352 с.
87. Дандес, А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сборник статей. – Москва: Восточная литература, 2003. – 278 с.
88. Данилов, А. А. Бытовая лексика эвенского языка. – Якутск: ИЯЛИ, 1991. – 114 с.
89. Дегтяренко, К. А. Актуальное состояние коренных малочисленных народов Севера // Социодинамика. – 2015. – № 10. – С. 39–57.
90. Дильтей, В. Построение исторического мира в науках о духе. – Москва, 2004. – 419 с.
91. Добжанская, О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края: монография / О. Э. Добжанская. – Норильск: АПЕКС, 2008. – 272 с.
92. Добровольский, Б. М. Исторические песни XIII–XVI вв. / Б. М. Добровольский. – М., 1960. – 132 с.
93. Довгаль, В. А. Информационные технологии в системе социализации личности / В. А. Довгаль // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 121 – 128.
94. Доннер, К. Самоеды в Сибири / К. Доннер. – Штутгарт, 1926. – 179 с.
95. Доннер, К. Сказки кетских селькупов. Рассказы стариков в разное время / К. Доннер // Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных

очерков к 60-летию образования Верхнекетского района ; ответственный редактор Я. А. Яковлев. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 1997. – 430 с.

96. Донской, Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX и XXI веков: (Краткий обзор) / Ф. С. Донской, В. А. Роббек. – Якутск: ИПМНС СО РАН, 1997. – 39 с.

97. Ермаш, Г. Л. Творческая природа искусства. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 28.

98. Ефремов, П. Е. Долганское олонхо / П. Е. Ефремов. – Якутск: Книжное издательство, 1984. – 133 с.

99. Ефремов, П. Е. Фольклор долган / П. Е. Еремов. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 430 с.

100. Ефремов, П. Е. Фольклор долган. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН / П. Е. Ефремов. – Москва, 2000. – 448 с.

101. Жорницкая, М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири / М. Я. Жорицкая. – Москва: Наука, 1983. – 152 с.

102. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии. – Москва: Художественный журнал, 1999. – 234 с.

103. Замараева, Ю. С. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, М. Я. Хребтов // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 34–47.

104. Замараева, Ю. С. К вопросу о воздействии глобальных трансформаций на коренные народы Севера, компактно проживающих в регионах Российской Федерации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. – № 5–1. – С. 113–116.

105. Замараева, Ю. С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения эвенкийского языка с 1930 по 2000-е гг. в эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных доку-

ментов эвенкийского архива) / Ю. С. Замараева, Н. А. Сергеева, А. И. Филько, Е. С. Стручева // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 22–53.

106. Замараева, Ю. С. Обзор научно-исследовательской литературы по проблемам изучения культуры коренных народов и коренной идентичности в период 2013–2018 годов // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы. – Красноярск: Сибирский федеральный университет. – С. 180 – 200.

107. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934 – 1954. – Москва, 2004. – 400с.

108. Земцовский, И. И. Музыка и этногенез // Советская этнография. – Москва, 1998. – 96 с.

109. Земцовский, И. И. Фольклор и композитор: Теоретические этюды о русской советской музыке. – Ленинград; Москва: Советский композитор. Ленинградское отделение, 1978. – 174 с.

110. Земцовский, И. Народная музыка и современность: (К проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор. – Москва, 1977. – 174 с.

111. Злобин, Н. С. Культура и общественный прогресс / Н. С. Злобин. – Москва: Наука, 1980. – 293 с.

112. Золотарев, А. М. Родовой строй и первобытная мифология / Ответственный редактор Л. А. Файнберг. – Москва: Наука, 1964. – 328 с.

113. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. – Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1963. – 500 с.

114. Информатика как наука об информации / Под редакцией Р. С. Гиляровского. – Москва, 2006. – 592 с.

115. Ионин, Г. Н. К вопросу об этнофилологии // Этнокультурологические и этнофилологические проблемы образования. – Санкт-Петербург, 1997. – 232 с.

116. Исаев, М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – Москва: Флинта; Наука, 2002. – 200 с.
117. Кавелин, К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории культуры / [Составитель, вступительная статья В. К. Кантора; подготовка текста и примечания В. К. Кантора, О. Е. Майоровой; Институт философии АН СССР, Философское общество СССР]. – Москва: Правда, 1989. – 654 с.
118. Каган, М. С. Культура – философия – искусство / М. С. Каган, Т. В. Холостова. – Москва: Знание, 1988. – 63 с.
119. Каган, М. С. Философия культуры: Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 1996. – 310 с.
120. Казакевич, О. А. Картина мира северных селькупов сквозь призму фольклора // Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – Москва, 1997. – С. 88-107.
121. Каракозов, С. Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. – 2015. – С. 41-55.
122. Каргин, А. С. Народная художественная культура: Учебник / А. С. Каргин. – Москва, 2000. – 423 с.
123. Кастельс, М. Информационная эпоха общества и культура. – Москва, 2000. – 608 с.
124. Кастерен, М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). – Санкт-Петербург, 1860. – 495 с.
125. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. – Воронеж, 2000. – 175 с.
126. Консон, Г. Р. О методе целостного анализа музыкального произведения/ Г. Р. Консон // Художественное образование и наука. – 2015. - № 2. – С. 37 – 39.

127. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии / Ф. Х. Кессиди. – Санкт-Петербург, 2003. – 322 с.
128. Килькеев, В. Н. Клиффорд Гирц: Концепция культуры и семиотический подход к ее изучению // Вестник Челябинского университета, 2009. № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. – С. 138 – 142.
129. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: От модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – Москва: Академический Проект, 2005. – 445 с.
130. Кирко, В. И. Вовлечение коренных малочисленных народов Сибири в инновационные процессы / В. И. Кирко, А. В. Кеуш // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2012. – № 10. – С. 233–237.
131. Кистова, А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации / А. В. Кистова // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: Опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 170–176.
132. Кирия, И. В., Новикова, А. А. История и теория медиа: учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва, 2017. – 424 с.
133. Коган, Л. Н. Теория культуры: Учебное пособие / Л. Н. Коган. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 160 с.
134. Колесник, М. А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера / М. А. Колесник // Litera. – 2014. – № 3. – С. 39–59. 30. Электронная версия: http://e-notabene.ru/ca/article_13998.html. (дата обращения 27.01.2020).
135. Колесник, М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов / М. А. Колесник, М. Г. Смолина // Сибирский антропологический журнал. 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 41–53.
136. Колесникова, В. Д. Сравнительный словарь тунгусо-манчжурских языков / В. Д. Колесникова, В. А. Горцевская, В. А. Константинова. – Ленинград: Наука, 1975. – 470 с.

137. Колмогоров, А. Н. Теория информации и теория алгоритмов / А. Н. Колмогоров. – Москва: Наука, 1987. – 304 с.
138. Копцева, Н. П. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири / Н. П. Копцева, Н. М. Лещинская. Электронное издание / Красноярск, 2018. – 354 с.
139. Копцева, Н. П. Результаты теоретических и экспериментальных исследований «Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» в Сибирском федеральном университете // Сибирский федеральный университет. Siberian Federal University – 2013. 6 (5). – С. 762–772.
140. Копцева, Н. П., Лозинская, В. П. Музыкальное мышление и его функции // Педагогика искусства. – 2012. – №. 1. – С. 61 – 75;
141. Копцева, Н. П., Лозинская, В. П. Музыкальное мышление исполнителя и слушателя как основа процесса трансляции культурных ценностей // Педагогика искусства. – 2012. – №. 3. – С. 91 – 104.
142. Копцева, Н. П., Лозинская, В. П. Музыкальное искусство в системе ценностей культуры. – Красноярск: изд-во Сибирского федерального университета, 2009. – 115 с.
143. Копцева, Н. П., Кирко, В. И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях: научное издание // Современные проблемы науки и образования. – 2014. - № 3. – С. 792.
144. Копцева, Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском Федеральном округе // Проблемы общества и политики. 2013. – № 12. – С. 1 – 16.
145. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальной трансформации (на материале Красноярского края). Часть 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края / Под редакцией Н. П. Копцевой. – Красноярск: СФУ, 2012. – 640 с.

146. Коренные малочисленные народы Таймыра: Традиции, быт, культура: Рекомендательный указатель литературы / А. А. Сакиева, Н. О. Юрченко, А. Н. Попова; Таймырская окружная библиотека. – Дудинка, 2005. – 171 с.
147. Костриков, К. Н. Музыка в художественном пространстве отечественной культуры: истоки становления, развитие, перспективы / К. Н. Костриков, А. И. Щербакова. – Москва: Перспектива, 2005. – 235 с.
148. Костриков, К. Н. Переходный период: Философский и социокультурный анализ: Монография / К. Н. Костриков, Н. В. Солнцев. – Москва: Перспектива, 2008. – 311 с.
149. Кравчук, П. Ф. Информатизация общества как условие самосовершенствования общества личности / Известия Курского государственного технического университета. – 2002. – № 1. – С. 241 – 253.
150. Крашениников, С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / С. П. Крашениников. – Москва, 1949. – 810 с.
151. Кривоногов, В. П. Энцы Таймыра: Современные этнические процессы // Северные архивы и экспедиции. 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 54–71.
152. Кривоногов, В. П., Ермилова, Е. С. Социокультурная динамика этнических процессов эвенков // Журнал Сибирского федерального университета: Гуманитарные науки. 2018. – Т. 11. – № 11. – С. 1845 – 1871.
153. Кривоногов, В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета: Гуманитарные науки. 2013. – Т. 6. – № 6. – С. 870 – 881.
154. Кривоногов, В. П. Этническая ситуация у коренных малочисленных народов Красноярского края // Енисейская провинция. 2004. – № 1. – С. 34 – 41.
155. Кривоногов, В. П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. – Красноярск: Красноярский педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2001. – 108 с.

156. Кривоногов, В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета: Гуманитарные науки. 2013. – Т. 6. – № 6. – С. 870 – 881.

157. Кузьмина, Е. Н. Основные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 5 – 12.

158. Кулапина, О. И. Методология музыкознания в контексте высшего музыкального образования: Понятийные установки // Музыкальное историко-теоретическое образование. – Москва, 2014. – 239 с.

159. Куренной, В. А. Межкультурный трансфер знания: Случай Логоса / В. А. Куренной; Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 год / Под общ. ред.: М. Колеров, Н. Плотников. – Москва: Регнум, 2012. – 213 с.

160. Кузьмина, Е. Н. Основные научные принципы фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 5 – 12.

161. Лазутин, С. Г. Композиция русской народной лирической песни / С. Г. Лазутин // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 5 / Отв. ред. В. Е. Гусев. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 200–218.

162. Лапин, В. А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс / В. А. Лапин // Искусство устной традиции. Историческая морфология / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Альмеева. Санкт-Петербург, 2002. – С. 28–38.

163. Лапин, В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора / В. А. Лапин. – Санкт-Петербург: РИИИ, 2017. – 440 с.

164. Лебедев, В. Д. Язык эвенов Якутии. – Ленинград: Наука, 1978. – 205 с.

165. Лебедева, Ж. К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982. – 112 с.
166. Левин, В. И. Краткий эвенкийско-русский словарь. – Москва: Учпедгиз, 1936. – 224 с.
167. Левин, М. Г. Народы Сибири: этнографические очерки / М. Г. Левин. – Москва, 1956. – 742 с.
168. Лещинская, Н. М. Этнокультурные исследования энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 6–19.
169. Лобакова, Н. М. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования / Н. М. Лобакова, Е. А. Сертакова // Северные архивы и экспедиции. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 6–29.
170. Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1978. – 623 с.
171. Лотман, Б. Ю. Культура и язык / Б. Ю. Лотман // Статьи по типологии культуры / Семиосфера. – Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2001. – 396 – 399 с.
172. Лузан, В. С. Специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов // Лики культуры в эпоху социальных перемен: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Под ред. Н. Б. Кирилловой. 2018. – С. 165–169.
173. Лурье, С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – Москва: Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
174. Маак, Р. К. Вилюйский округ Якутской области. – 1-е изд. / Р. К. Маак. – Санкт-Петербург, 1887. – Ч. 3. – 192 с.
175. Мазель, Л. А. Проблемы классической гармонии. – Москва: Музыка, 1972. – 616 с.
176. Мазепус, В. В. Артикуляционный принцип определения тембров при описании этнических интонационных феноменов // Аборигены Сибири:

Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. междунар. научн. конф. – Новосибирск, 1995. – 311 с.

177. Макаренко, А. А. Русская фольклористика Сибири (XIX – начала XX вв.) / А. А. Макаренко. – Томск, 1962. – 349 с.

178. Максимов, Н. В. Информационная среда науки и образования: От информационного обслуживания к распределенной системе управления знаниями / Н. В. Максимов // Информационное общество. – 2009. – Вып. 6. – 284 с.

179. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – Москва, 2003. – 464 с.

180. Марков, Б.В. Человек в эпоху масс-медиа // Информационное общество. – Москва, 2004. – 509 с.

181. Медведева, Е. А. Основы информационной культуры / Е. А. Медведева // Социс. – 2013. – № 11. – 136 с.

182. Медникова, Э. М. Значение слова и методы его описания / Э. М. Медникова. – Москва: Высшая школа, 1974. – 202 с.

183. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский. – Москва: Музыка, 1976. – 253 с.

184. Мельникова, Т. Ю. Музыкальная среда как феномен информационного пространства // Вестник Мазырского Педагогического университета им. И. П. Шамякина. – 2018. – № 1. – С. 97 – 101.

185. Метляева, С. В. Музыкальная культура Севера (Некоторые наблюдения) // Искусство глазами молодых: материалы X Международной научной конференции / С. В. Метляева. – Красноярск, 2018. – С. 333–335.

186. Метляева, С. В. Музыкальная культура Севера (некоторые наблюдения) / С. В. Метляева // Искусство глазами молодых IX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2018. – № 11. – С. 413–418.

187. Метляева, С. В. Музыкальная фольклористика Севера (некоторые наблюдения) / С. В. Метляева // II Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: Опыт и перспективы». – Красноярск, 2019. – С. 299 – 304.
188. Мехнецов, А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры / Русская народная песня. Стилль. Жанр. Традиция (сборник статей). – Ленинград, 1985. – 134 с.
189. Мечинаева, Е. А. Основы информационной культуры // СОЦИС. – 1994. – № 11. – С. 55 – 60.
190. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – Москва: Наука, 1988. – 439 с.
191. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на Север и восток Сибири. – Ч. I–II. – Санкт-Петербург, 1860 – 1878. – 188 с.
192. Милка, А. П. Теоретические основы функциональности в музыке / А. П. Милка. — Ленинград: Музыка, 1982. – 150 с.
193. Михайловский, В. Н. Формирование научной картины мира / В. Н. Михаловский. – Москва: 2006. – 243 с.
194. Моисеев, Н. Н. Информационное общество: Возможность и реальность / Н. Н. Моисеев // Информационное общество. – Москва: АСТ, 2004. – 429 с.
195. Морен, Э. Метод. Природа Природы. – Москва: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
196. Мыреева, А. Н. О запевах эвенкийских сказаний // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1980. – 334 с.
197. Несмелая, А. С. Этнические традиции, культура коренных малочисленных народов Севера и проблемы их сохранения / А. С. Несмелая // Вестник Тамбовского университета: Гуманитарные науки. – 2012. – № 12 (162). – С. 169–172.
198. Нестеров, Е. В. Образные слова в эвенском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 25 с.

199. Ниemi, Я. Записи музыки народов Севера в Финляндии – перспективы использования. – Москва, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/khorobrykh/ss-15928228> (дата обращения: 23.11.2019).
200. Николаев, Д. С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasianphonology.info/static/lamentsmetrics> (дата обращения 20.02.2020).
201. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – Москва: Наука, 1993. – 187 с.
202. Новик, Е. С. Вербальный компонент промысловых обрядов (на материале сибирских традиций) // Малые формы фольклора. – Москва, 1995. – С. 198 – 217.
203. Новик, Е. С. Историческая поэтика фольклора: От архаики к классике / Е. С. Новик, Е. М. Метелинский, С. Ю. Неклюдов. – Москва, 2010. – 285 с.
204. Новикова, К. А. Лексика эвенкийского языка // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980. – 272 с.
205. Новикова, К. А. Эвенский фольклор. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1958. – 116 с.
206. Новое будущее Сибири: Ожидания, вызовы, решения / Под ред. О. А. Карловой и Н. П. Копцевой. – Красноярск: СФУ, КГПУ им. Астафьева, 2013. – 356 с.
207. Новые перспективы для энцев: Исследовательские и прикладные проекты / Под ред. Н. П. Копцевой. – Красноярск: СФУ, 2020.
208. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Под ред. Н. П. Копцевой. – Красноярск: СФУ, 2018. – 246 с.
209. Обрядовые жанры эвенского музыкального фольклора // Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков культур: тез. междунар. науч. конференц. – Новосибирск, 1995.3. – С. 368–369.

210. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – Москва: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
211. Павлов, И. Н. Полное собрание трудов. – В 5-ти т.: Т. 1, 2, 5. – Москва: Культура, 1973. – 424 с.
212. Павлова, Т. В. Образцы музыкального фольклора эвенов Якутии. – Якутск: Бичик, 1996. – 88 с.
213. Павлова, Т. В. Музыкальная стилистика эвенских песен // Языки культуры и будущее народов Арктики: Тез. докладов международной конференции 17–21 июля 1993 г. – Якутск, 1993. – С. 51 - 59.
214. Пелих, Г.И. Происхождение селькупов / Г. И. Пелих. – Томск, 1972. – 424 с.
215. Песни на стихи авторов малочисленных народов Севера. – Якутск, 1994. – 90 с.
216. Петров, А. А. Этнолингвистические исследования языков народов Севера в России (к постановке проблемы) // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 1994. – 88 с.
217. Петров, А. А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов / А. А. Петров; Отв. ред. В. А. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2013. – 214 с.
218. Пивоваров, Д. В. Идеал в основании культуры: стратегия общего образования / Д. В. Пивоваров // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. – Екатеринбург. – 2004. – Вып. 1. – С. 12–23.
219. Пименова, Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики / Н. Н. Пименова // Человек и культура. 2014. – № 2. – С. 28–66.
220. Попова, У. Г. Пережитки шаманизма у эвенов / У. Г. Попова // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Ленинград, 1981. – С. 90 – 128.

221. Попов, А. А. Долганы: Собрание трудов по этнографии. Т 2. / А. А. Барболина. – Санкт-Петербург: Дрофа, 2003. – 319 с.
222. Поротов, Г. Г. Песни Алтая / Г. Г. Поротов, В. В. Косыгин. – Петропавловск-Камчатский, 1969. – 40 с.
223. Прокофьева, Е. Д. Шаманские бубны / Е. Д. Прокофьева // Историко-этнографический атлас Сибири. – Москва, Ленинград, 1961. – 435 с.
224. Прокофьева, Е. Д. Некоторые религиозные культы селькупов / Е. Д. Прокофьева // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX – начало XX в.): сборник статей; отв. ред. И. С. Вдовин. – Ленинград: Наука, Ленингр. отделение, 1977. – С. 66–79.
225. Пронина, Л. А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека / Л. А. Пронина. – Москва: Наука, 2005. – 195 с.
226. Пронина, Л. А. Информационные технологии сохранения культурного наследия / Л. А. Пронина. – Санкт-Петербург: 2009. – С. 42 – 52.
227. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп; Сост. Б. Н. Путилова. – Москва: Наука, 1976. – 328 с.
228. Пропп, В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность: Избранные статьи. – Москва: Наука, 1976. – 325 с.
229. Путилов, Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. в память В. Я. Проппа. – Москва, 1975. – С. 115 – 125.
230. Пушкарева, Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: Системно-феноменологический анализ: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Москва, 2003. – 47 с.
231. Пчелкина, Д. С. Историография исследований по теме трансформации идентичности коренных народов Севера / Д. С. Пчелкина // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 304–311.

232. Резникова, К. В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // *Litera*. – 2016. – № 2. – С. 20–34.
233. Резникова, К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки / К. В. Резникова // *Сибирский антропологический журнал*. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 62–82.
234. Резникова, К. В. Современное состояние селькупов Красноярского края по материалам полевых исследований (июнь 2010г.) // *Северные архивы и экспедиции*. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 23 – 40.
235. Риккерт, Г. *Науки о природе и науки о культуре* / Риккерт Г. – Москва: Республика, 1998. – 413 с.
236. Роббек, В. А. Проблемы сохранения и развития языков народностей Севера на современном этапе / В. А. Роббек, Д. М. Насилов // *Просвещение на Крайнем Севере: сб. № 25*. – Санкт-Петербург, 1992. – 166 с.
237. Рохейм, Г. *Происхождение и функции культуры* / Г. Рохейм. – Ижевск, 2011. – 135 с.
238. Рубцов, Ф. А. *Основы ладового строения русских народных песен* / Рубцов Ф. А. *Статьи по музыкальному фольклору*. – Москва, Ленинград, 1964. – 94 с.
239. Сабурова, Л. М. *Об изучении народных обрядов* // *Фольклор и этнография*. – Ленинград, 1974. – 274 с.
240. *Сборник песен народов Севера. 3 вып. Старинные и современные селькупские песни*. – Салехард: ЗАО СПЭЙБ, 1999. – 64 с.
241. Семенюк, Э. Л. Информационная культура общества и прогресс информатики // *НТИ Сер. 1 Орг. и методика информ. работы*. – 1994. – № 1. – С. 1–8.
242. Середкина, Н. Н. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири / Н. Н. Середкина, М. Г. Смолина, А. В. Кистова // *Сибирский антропологический журнал*. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 62–82.

243. Середкина, Н. Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования / Н. Н. Середкина // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы: материалы V Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 298–302.
244. Сертакова, Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса / Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 999.
245. Ситникова, А. А. Рецензия на книгу «Эвенкия»: Время больших перемен: По материалам эвенкийского архива. Ч.1: Ликвидация безграмотности» // Сибирский антропологический журнал. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 44–47.
246. Ситникова, А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур (обзор научных исследований) // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 63–75.
247. Симакова, С. И. Тенденции виртуализации журналистского контента в современных СМИ / С. И. Симакова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2015. – № 3. – С. 216.
248. Сказки и рассказы селькупки Ирины. Сборник фольклорных и литературных текстов на русском и селькупском языках. Автор-составитель И. А. Коробейникова / Отв. ред. А. Г. Тучков. Томск: Ветер, 2014. – 296 с.
249. Слепцов, П. А. Лингвофольклористика: Проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное население народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1991. – С.95 – 102.
250. Смирнов, М. А. Информационное общество. – Москва, 2001, С. 50 – 54.
251. Смолина, М. Г. О культурной рефлексии взаимодействия своей и чужой культур // Специфика этнических миграционных процессов в XX –

XXI веках: Опыт и перспективы: материалы V Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 117–129.

252. Смолина, М. Г. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / М. Г. Смолина; Под ред. Н. П. Копцевой. – Красноярск: СФУ, 2018. – 433 с.

253. Снегирев, И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды / И. М. Снегирев. – Москва: Кучково поле, 2011. – 543 с.

254. Сокальский, П. П. Русская народная музыка великорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ гармонической музыки / П. П. Сокальский. – Санкт-Петербург, 2016. – 400 с.

255. Соколов, Э. В. Культура и личность. – Ленинград: Наука, 1972. – 272 с.

256. Соловьев, А. В. Культурная динамика информационного общества: От пост- к протокультуре: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Соловьев Александр Васильевич; Санкт-Петербург, 2009 – 358 с.

257. Соснина, Г. Н. Словарь трактовки понятий «информация» / Г. Н. Соснина, П. Н. Гончуков. – Москва, 1997. – 212 с.

258. Сохор, А. Н. Социология и музыкальная культура / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Москва: Советский композитор, 1975. – 202 с.

259. Степанова, О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе / О. Б. Степанова. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2008. – 304 с.

260. Стешенко-Куфтина, В. Н. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов / В. Н. Стешенко-Куфтина // Этнография. – Москва, 1936. – С. 81 – 108 с.

261. Столяров, Ю. Н. Сущность информации / Ю. Н. Столяров. – Москва: ГПНТБ России, 2000. – 107 с.

262. Стручков, Т. Т. Песни народов Севера / Т. Т. Стручков. – Ленинград: Учпедгиз, 1967. – 294 с.

263. Супрун, А. Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики. – Минск, 1975. – 232 с.
264. Суслов, И. М. Социальная культура тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски // Северная Азия. – 1928. – № 1. – 178 с.
265. Сухов, Е. А. Информационное общество как новое общество / Е. А. Сухов // Теория и практика общественного развития. – Москва – 2011. – № 7. – С. 101–103.
266. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ.– Москва: Политиздат, 1989. – 573 с.
267. Теория культуры: хрестоматия: Ч. I / Сост. Малкова Н.Ю. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. – 205 с.
268. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука. 2003. – 544 с.
269. Толстой, И. И. Статьи о фольклоре / АН СССР. – Москва: Наука, 1966. – 249 с.
270. Толстой, Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Актуальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос / Н. И. Толстой. – Ленинград: Наука, 1983. – 320 с.
271. Толмачев, Ю. А. Народное музыкальное творчество: учебное пособие / Ю. А. Толмачев. – Тамбов, 2006. – 120 с.
272. Тучкова, Н. А. Корпусный метод в фольклористике и его возможности для этнографических исследований / Н. А. Тучкова // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. – 2018. – С. 135 – 158.
273. Тучкова, Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой / Н. А. Тучкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 2 (130). – С. 205–208.
274. Тузакова, В. П., Коробейникова, И. А. Обские напевы селькупов Нарымского края. – Томск: Вайар, 2015. – 152 с.

275. Уайт, Л. Человек, культура и люди в подлинном смысле слова // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. Москва: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
276. Уайт, Л. А. Понятие культуры / Л. Уайт // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 726 с.
277. Убрятова, Е. И. Крупный исследователь языков Сибири // Экспериментально-фонетические исследования сибирских языков (сборник научных трудов). – Новосибирск, 1981. – 280 с.
278. Уколова, Л. И. Культурная музыкальная среда как фактор развития аналитических способностей личности // Культура, наука, образование. – М., 2016. – С. 234 – 239.
279. Филько, А. И. Культура энецкого народа: Возможно ли возродить язык? / А. И. Филько, А. Е. Худоногова // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, 2019. – С. 200–206.
280. Фольклор народов Таймыра: Долганские песни. – Дудинка, 1993. – 88 с.
281. Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 56 Песни и напевы народов Севера (применение и содержание песен). – Санкт-Петербург, 1956. – 78 с.
282. Фонограммархив. Русский фонд. Папка № 71 Народы Севера (тексты к звуковой антологии), 1971. – 106 с.
283. Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. – Москва: Государственный институт искусствознания, 2015. – 456 с.
284. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Санкт-Петербург: А-сad, 1994.

285. Харлап, М. Г. Ритм и метр в музыке устной традиции / М. Г. Харлап. – Москва: Музыка, 1986. – 104 с.
286. Хобсбаум, Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / Э. Хосбаум. – Москва: Corpus, 2017. – 379 с.
287. Холл, Д. А. Проблема культуры / Д. А. Холл // Контексты современности – I. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – С. 106 – 111.
288. Холопова, В. Н. Мелодика / В. Н. Холопова. – Москва, 1984. – 89 с.
289. Чернов, А. В. Среда обитания человека как социокультурный феномен: дисс. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / Андрей Владимирович Чернов; Екатеринбург, 2009. – 176 с.
290. Шейкин, Ю. И. Интонационная культура этноса: Опыт системного рассмотрения / Ю. И. Шейкин, В. М. Цеханский, В. В. Мазепус // Культура народностей Севера: Традиции и современность. – Новосибирск, 1986. – С. 235 – 247.
291. Шейкин, Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии / Ю. И. Шейкин. – Якутск, 1996. – 123 с.
292. Шейкин, Ю. И. История музыкальной культура народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. Под общ. ред. Е. С. Новик; Нотография Т. И. Игнатъевой. – Москва: Восточная литература, 2002. – 718 с.
293. Шейкин, Ю. И. Музыкальная культура Сибири. Сравнительно-историческое исследование инструментов, звукоподражания и песен: автореф. дис. ...д-ра искусств. – Санкт-Петербург, 2001. – 47 с.
294. Шейкин, Ю. И. Проблема фольклора и фольклоризма в культуре народов Севера // Традиционная культура малочисленных народов Севера и современность // Тезисы научно-практической конференции. – Якутск, 1996. – С. 9 – 11.
295. Шеллинг, Ф. В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки / Ф. В. Шеллинг. – Москва: Наука, 1988. – 518 с.

296. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетики / К. Шеннон. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 830 с.
297. Шиманская, К. И. Историографический обзор коренных исследований за 2014 – 2018 годы / К. И. Шиманская // Специфика этнических миграционных процессов в XX – XXI веках: Опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции 2019. – С. 259–275.
298. Широкогорова, Е. М. Северо-Западная Маньчжурия. Географический очерк по данным маршрутных наблюдений / Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке. – Москва, 1919. – Т. 1. – С. 111 – 146.
299. Штенберг, Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии / Л. Я. Штенберг. – Ленинград, 1936. – 572 с.
300. Щербакова, А. И. Феномен музыкального искусства в становлении и развитии культуры / Анна Иосифовна Щербакова дисс...доктора культурологии: 24.00.01/ Щербакова Анна Иосифовна. – Краснодар, 2012. – 52 с.
301. Эвенкийские песни / Сост. Н. Н. Биланин, А. Н. Мареева; отв. ред. Ю. И. Шейкин. – Якутск: Офсет, 2005. – 86 с.
302. Эко, У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста. – Москва: РГГУ, 2005.
303. Элиаде, М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде; Пер. с фр. В. П. Большакова. – 4-е изд. – Москва: Акад. проект, 2010. – 251 с.
304. Юнкеров, Ю. Старинные и современные селькупские песни. – Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. – 64 с.
305. Юзвишин, И. И. Основы информациологии: Учеб. пособие для вузов / И. И. Юзвишин. – Москва: Высшая школа, 2001. – 596 с.
306. Юнг, К. Г. Психология бессознательного. — Москва: Когито-Центр, 2010. – 352 с.
307. Юсфин, А. Об исследовании музыки народов Сибири и Дальнего Востока / А. Юсин // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. – Москва, 1973. – 399 с.

308. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом положении / Н. М. Ядринцев. – Новосибирск, 2003. – 748 с.
309. Язовицкая, Э. Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР / Э. Э. Язовицкая, К. Вертков, Г. Благодатов; Ред. И. З. Аллендер. – Москва, 1963. – С. 63–64.
310. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis, 1996.
311. Barthes, R. *Eléments de sémiologie // Communications*. 1964a. – Vol. 4. – No. 4. – P. 91–135.
312. Boas, F. Some philological aspects of anthropological research // *Science*. – Wach, 1911. – P. 39 – 45.
313. Bock, Ph. *Culture Shock: A Reader in Modern Cultural Anthropology*. – New York, 1970.
314. Bourdieu, P. *La distinction. Critique sociale du jugement*. – Paris: Les éditions de Minuit, 1979.
315. Geertz, C. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. – New York: Basic Books, 1983. – 69 p.
316. Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: MIT Press, 1989.
317. Key, W. B. *Subliminal seduction. A media`smanipulation of not so innocent America*. – New York, 1973. – 206 p.
318. Lasswel, H. D. *The Structure and Functions of Communication in Society / H. D. Lasswel* . – New York: Haper & Bros, 1948. – P. 84 – 99.
319. Lowie, R. H. *Culture and Ethnology*. – New York, 1917. – P. 17 – 66.
320. Leff, H. S. *Maxwell `s Demon: Entropy, Information, Computing / H. S. Leff, A.F. Rex*. – Princeton, 1990. – 362 p.
321. Niemi, J. *The Netes songs. – A structural analysis of text and melody*. – Tampere, 1988. – 239 p.

322. Ricoeur, P. Du texte à l'action, Essais d'herméneutique. – Paris: Seuil, 1986.
323. Roszak, Th. The Cult of information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking. – New. York: Pantheon Book, 1986. P. 87 – 107.
324. Sapir, E. Anthropology and sociology // The social sciences and their interrelations. – Boston, 1927. – P. 36 – 78.
325. White, L. A. The Science of Culture. – New York, 1949. – 136.

Постуук ырыата (Песня оленевода)⁴⁵²

Кы-ра-нга кы-һыы кал-лад - ны - гар та-бам тыы-на ты-ры лаа- та.

5
Хэй! Хэй! Хэй! Хэй! Хэй! Хэй! Хэй! Хэй! Хэй!

Рис. 1 Нотная запись долганской песни «Постуук ырыата»
(Песня оленевода)⁴⁵³

⁴⁵² Мелодия и слова Огдо Оксёновой. Перевод В. Кравца

⁴⁵³ Песни на стихи авторов малочисленных народов Севера / Составитель: А. П. Самсонов. – Якутск, 1984. – С. 35

«Эникэн Катанга» – «Матушка Катанга»⁴⁵⁴

Солист Хор

Э-ни-кэн Ка-тан-га! И - кэ-лэ, и-кэ-лэ! Э - ни-кэн Ка-тан-га! И- кэ-лэ, и-кэ-лэ!

5 Солист Хор

Ба-я-ма-ма би-син-ни! И - кэ-лэ, и-кэ-лэ! Ба-я-ма-ма би-син-ни! И - кэ-лэ, и-кэ-лэ.

Эникэн Катанга!
Икэлэ, икэлэ!
Эникэн Катанга!
Икэлэ, икэлэ!

Матушка Катанга!
Икэлэ, икэлэ!
Богата ты!
Икэлэ, икэлэ!

Урэкэкурис
Икэлэ, икэлэ!
Бэйнэлди, дялупчал
Икэлэ, икэлэ!

На твоих горах
Икэлэ, икэлэ!
Зверей полно!
Икэлэ, икэлэ!

Баракакурис
Икэлэ, икэлэ!
Оллолди баячал
Икэлэ, икэлэ!

Твои реки
Икэлэ, икэлэ!
Рыбой богаты
Икэлэ, икэлэ!

Синнгилду дуннэлдус
Икэлэ, икэлэ!
Эвенкил тэгэлис
Икэлэ, икэлэ!

На твоих землях
Икэлэ, икэлэ!
Эвенкийский народ
Икэлэ, икэлэ!

Колхозилду индэре
Икэлэ, икэлэ,
Икэлэ, икэлэ,
Икэлэ, икэлы.

В колхозах живет
Икэлэ, икэлэ,
Икэлэ, икэлэ,
Икэлэ, икэлэ.

Рис. 2 Нотная запись эвенкийской песни «Эникэн Катанга» – «Матушка Катанга»⁴⁵⁵

⁴⁵⁴ Эвенкийская народная песня-хоровод. Записанная от К. И. Ворониной (п. Тура Эвенкийского автономного округа Красноярского края)

⁴⁵⁵ Эвенкийские песни / Составители: Н. Н. Биланин, А. Н. Мыреева. – Якутск: Офсет, 2005. – С. 84

Прекрасная земля⁴⁵⁶

Дун-нэ-вун мун-ни гу-дэй э-ле-нил-ди мун-ган-бай, Гир-ки-е, гир-ки-е, гу-дэй, гу-дэй

8 гу-дэ-ё! Гир-ки-е! Гир-ки-е! Гу-дэй, гу-дэй гу-дэ-ё Гэй! Гэй!

18 Хэй! Гэй! Гир-ки, гир-ки гир-ки-е! Гу-дэй, гу-дэй гу-дэ-е, гу-дэй, гу-дэй-гу-де-е. Дун-на-вун

27 мун-ни гу-дэй э-лэ-нил-ди нун-ган-бай. Гир-ки-е, гир-ки-е гу-дэй гу-дэй, гу-дэ-е

35 Гир-ке, гир-ке гир-ки-е, гу-дэй, гу-дэй гу-дэ-е

Земля наша красива, всем-то она богата
 О, друзья, о, друзья, красна, красна, красива!
 О, друзья, о, друзья, красна, красна, красива!
 Гэй, гэй, хэй, гэй!
 Друзья, друзья, о, друзья!
 Гэй, гэй, хэй, гэй!
 Красна, красна, красива!

Рис. 3 Нотная запись эвенкийской песни «Прекрасная земля»⁴⁵⁷

⁴⁵⁶ Музыка Н. Биланина, Слова А. Немтушкина

⁴⁵⁷ Эвенкийские песни / Составители: Н. Н. Биланин, А. Н. Мыреева. – Якутск: Офсет, 2005. – С. 11

Долганская песня «Ырыа»⁴⁵⁸

Э-гей-мар-ка э-бэ-кээ-ним е-кей-ен уум-мут от-тор-доок мэ-тэ-эн уум-мут бель-тер-дэк

Эгэймарка эбэкээним
скейен уумут оттордоок,
мэтээн уумут бельтэрдэк.
һорго дэккэй кердекке
соһордоок кайалардаак.
Эгэймарка эбэкээним
эриэлирин һагатыгар
ирэдимир кыылардаак.
Эгеймарка эбэкээним
курду таба кемуллээк.
Кыра дэктэр диммактак
Эгеймарка эбэкээним.

Эгеймарка речка,
по твоим берегам кривых деревьев
ветки наклонились.
Налево посмотришь -
красные скалы,
Направо посмотришь -
свинцовые скалы.
Эгеймарка речка,
по твоим кустам - куропаток стаи,
по твоим берегам - дикие олени.
Эгеймарка речка,
вдоль твоих берегов
льдины плывут, мелкие льдины.

Рис. 4 Нотная запись и текст долганской песни «Ырыа»⁴⁵⁹

⁴⁵⁸ Традиционная хороводная долганская песня, записанная от Иннокентия Акимовича Чуприна. Нотная запись А. А. Попова.

⁴⁵⁹ Фольклор народов Таймыра: Долганские песни. – Дудинка, 1993. – С. 25

Табаһыт ырыата (Песня оленевода)⁴⁶⁰

Ка-йа о - го - лор о - о - ё ой кайа о-го-лор о - ё - ой. Таа - са Таа-са

6
о - ё - ой э - бэ - кэ - э - мэр о - ё - ой

Кайа оговор о-о-ё-ой
 Кайа оговор о-о-ё-ой
 Тааса Тааса
 эбэкээммэр
 дайбатактыр да бэйэбит.
 Кырдьар беге,
 кырыс кердук
 буолан иһыбит.
 Кайа оговор,
 урук таас
 эбэкээммэр,
 уннэрээктиир
 бэйэкээммин.
 Урук туулэк
 урбэллэрим
 уурэ уурэ
 бастарыттан уурэн тэйдир
 бээлэрбит.
 Кырдьар беге
 кэайан иһаһ-

Ой, ребята
 Ой, ребята!
 По Каменной,
 по Каменной
 реке глубокой
 ходили мы,
 раньше ходили.
 А время пришло,
 постарели.
 Помню, по реке белокаменной
 пасу оленей
 белой масти.
 Собираю стало,
 оленей своих.
 Да вот старость
 одолела меня.

Рис. 5 Нотная запись долганской песни «Табаһыт ырыата»

(Песня оленевода)⁴⁶¹

⁴⁶⁰ Песня оленевода. Напев записан от И. А. Чуприна, нотная запись А. А. Попова.

⁴⁶¹ Фольклор народов Таймыра: Долганские песни. – Дудинка, 1993. – С. 26

«Чумел лер»⁴⁶²

Не затягивая
Припев:

Эй, хэй, хэй, хэй, хэй, хэй, хэй! Е - лу я вверх по ре - ке Эй, хэй,
хэй, хэй, хэй, хэй, хэй! Еа долб - лё - ном об - лас - ке. | Дюл - го
па - де - ра дра - ла — куд - ри ма - туш - ки - О - би. Мы не
ви - ле - лись лав - но. — Серд - цу хо - чет - ся люб - ви. На - ко -
воц по - тих - ло всё, не до - ждусь я до за - ри. А - ро -
мат вес - ны хмель - ной шел - чет мне, се - год - ня жди.

Рис. 6 Нотная запись селькупской песни «Чумел лер»⁴⁶³

«Хейро»⁴⁶⁴

♩ = 264

Хэй-ро хэй-ро хэй-ро хэй-ра
Хэй-ро хэй-ро хэй-ро хэй-ра

№ 70

Рис. 7 Нотная запись долганского танца и песни «Хейро»⁴⁶⁵

⁴⁶² Селькупская хороводная песня. Напев Н. И. Молдавской, нотная запись В. П. Тузаковой

⁴⁶³ Юнкеров Ю. Старинные и современные селькупские песни / Ю. Юнкеров. – Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. – С. 37

⁴⁶⁴ Круговой долганский танец «Хейро», как правило, сопровождается пением. Нотная запись Г. Г. Алексеевой.

⁴⁶⁵ Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. – Якутск: СО РАН, 2005. – С. 324

«Мат чумэл налгуп» (Я селькупка)⁴⁶⁶

Весело

Пын - гыр - гыр, гыр - гыр - гыр, пын - гыр - гыр - гыр, пын - гыр - гыр

Мат чу - мел - вил - гуп - эй - эж, он - элж - ше - мэт - ма - лэр - там, ан - дол -

был - вес - эл - же - ла, ше - нан - най - ват - пле - пер - нам, Мин - нан - элж - лал - наль - дэн -

эк, ко - рал - э - я ай - чин - дас, ан - ба - лэ - ра - ме - ка - лэр, кэсй - ср - гат - ай - тир -

бат, Чу - мел - ку - ла - че - лим - бла, че - лим - гу - най - ми - ки - гай, Лэ - рэн

Пын - гыр, гыр - гыр, гыр - гыр - гыр, пын - гыр, гыр - гыр, пын - гыр гыр, Пын - гыр,

вес - а - лэр - ла - ге, ма - нам ку - ла - ом - би - хэджэ - Мин - гэн -

гыр - гыр, гыр - гыр - гыр, пын - гыр, гыр - гыр, пын - гыр гыр, Пын - гыр,

тн - гэн - ка - лим - бла, Тор - ты ма - гыр - би - ди - мит, Лэ - рэн

гыр - гыр, гыр - гыр - гыр, пын - гыр - гыр, пын - гыр гыр - гыр, Пын - гыр,

Рис. 8 Нотная запись песни «Мат чумэл налгуп» (Я селькупка)⁴⁶⁷

⁴⁶⁶ Напев Н. И. Молдавской, нотная запись В. П. Тузаковой.

⁴⁶⁷ Юнкеров Ю. Старинные и современные селькупские песни / Ю. Юнкеров. – Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. – С. 54

**Этно-опера «Бойе» по одноименному рассказу В. П. Астафьева,
композитор А. Маноцков, 2013 г.,
место проведения спектакля – Красноярский культурно-исторический
центр**

Рис. 9 Этно-опера А. Маноцкого «Бойе» (сцена с шаманкой). Фото из личного архива автора. Автор фотографии – Александр Куприянов

Рис. 10 Этно-опера А. Маноцкого «Бойе» (хор охотников). Фото из личного архива автора. Автор фотографии – Александр Куприянов